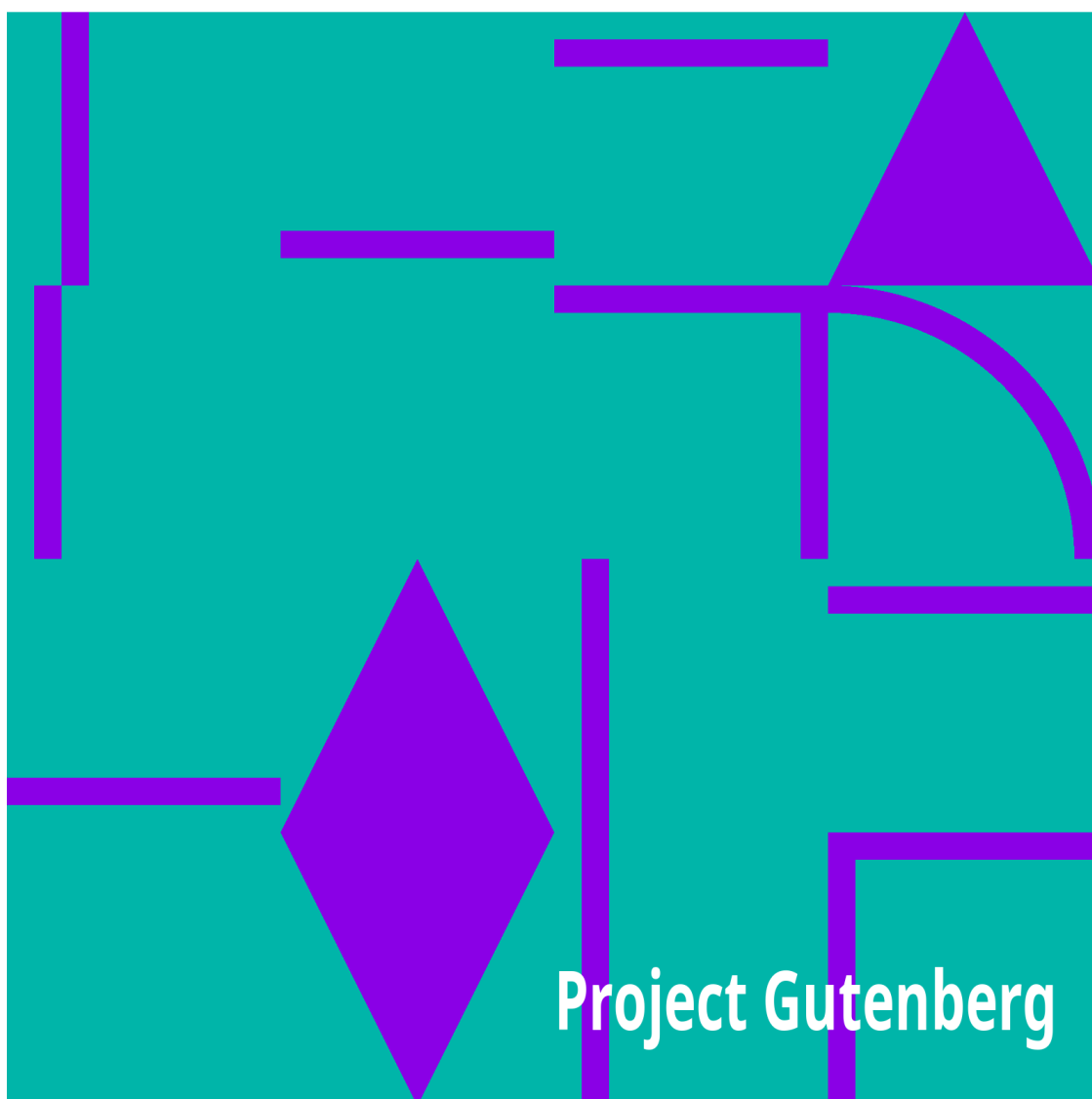

Великие пиратские истории

Джозеф Льюис Френч

Great Pirate Stories

Joseph Lewis French

The Project Gutenberg eBook of Great Pirate Stories.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Великие пиратские истории

Редактор: Джозеф Льюис Френч

Дата выхода: 29 октября 2008 [eBook #27090]

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Джульет Сазерленд, Стивен Бланделл и
Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ВЕЛИКИЕ ПИРАТСКИЕ ИСТОРИИ ***

Великие пиратские истории

Под редакцией Джозефа Льюиса Френча.

Редактор книг "Великие морские истории", "Шедевры тайны", "Великие истории о привидениях" и др.

"Великие истории о привидениях" и др.

Два тома в одном

TUDOR PUBLISHING CO.
Нью-Йорк

Первый тираж, ноябрь, 1922 г.
Второй тираж, январь, 1923 г.
Третий тираж, ноябрь, 1923 г.
Четвертый тираж, ноябрь, 1929 г.

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

Copyright, 1922, by Brentano's

Примечание переводчика: Незначительные опечатки исправлены без примечаний. Архаичные, диалектные и цитируемые написания (включая несогласованные собственные существительные), а также неправильный дефис остались в том виде, в котором они были напечатаны.

Иди и скажи своему королю, он - король земли;
Но я - морской король!

Барбаросса - Карлу V.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пиратство - это воплощение романтики моря в ее наивысшем проявлении. Печальным, но неизбежным комментарием к нашей цивилизации является то, что с момента своего зарождения и вплоть до столетия назад она развивалась под влиянием той или иной фазы пиратства. Если люди были дикарями на суше, то на море они были таковыми вдвойне, и все годы морских приключений - годы, которые пополняли карту мира, пока не осталось мало открытий, - не смогли полностью искоренить пиратский зародыш. Он постепенно выходил наружу вместе с заселением и упорядочиванием дальних британских колоний. Великобритания, ведущая морская держава, должна быть признана за то, что прямо и косвенно сделала больше для искоренения преступности и беспорядков в открытом море, чем любая другая сила. Но завоевание не было полным до появления пара, который загнал морского разбойника в самые дальние уголки его владений. Говорят, что он сохранился и сегодня в некоторых местах китайских вод, но это, конечно, безобидный реликт. Пират любого рода был бы сегодня такой же диковинкой, если бы его можно было поймать и выставить на всеобщее обозрение, как и сказочное чудовище.

Факт остается фактом и всегда будет оставаться фактом, что в морских преданиях он является далеко не самой колоритной фигурой, и чем подлиннее и грубее его карьера, тем больший интерес он вызывает.

Возможно, в этом есть определенная человеческая извращенность, ведь пират, несомненно, был плохим человеком - в лучшем или худшем случае, учитывая его окружение и условия, - несомненно, худшим из всех, кто когда-либо жил. Мало что может смягчить мрачную, но яркую картину его подвигов. Но, опять же, следует помнить, что не только нота расстояния скрашивает и даже придает определенное очарование сцене, но и эффект контраста между нашими мирными временами и его собственными способствует углублению нашего интереса к нему. Возможно, именно это, а также та неугасимая искра в человеческой груди, которая разгорается при виде приключений, делает его таким героем романа, каким он является сегодня.

Он, несомненно, является несомненной исторической фигурой. Любопытно, что морская коммерция зародилась в эпоху буканьерства. Постоянная опасность глубин в таком виде лишь делала из торговцев-авантюристов более выносливых мореплавателей, фактически стимулируя и укрепляя морское предпринимательство.

Буканьерство, которое является лишь более вежливым термином для пиратства, таким образом, стало высокой романтикой морей в течение великих веков морских приключений. Оно шло рука об руку с открытиями - в они были почти неразделимы. Большинство могущественных мореплавателей со времен Лейфа Первооткрывателя, а также с тех пор, как

это случилось, начиная с легендарного сэра Фрэнсиса Дрейка и заканчивая нашим Полом Джонсом, отвечают на переключку.

Это был смелый и выносливый мир - наш мир до появления нашего гигантского слуги Стива, - каждая пядь которого была завоевана яростными завоеваниями того или иного рода. В этом прошлом пират предстает как романтическая, а порой и героическая фигура. В этой окончательной нише, несмотря на его преступления, ему нельзя отказать. Он герой и останется им до тех пор, пока будут рассказывать морские истории. Так пусть же он будет на этих страницах!

Джозеф Льюис Френч.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА

Пикарун	1
Из журнала <i>Тома Крингла</i> . Автор Майкл Скотт.	
Захват Панамы, 1671 год	23
Из книги <i>"Буканьеры Америки"</i> . Джон Эсквемелинг.	
Малайский проас	52
Из книги <i>"На плаву и на берегу"</i> . Джеймс Фенимор Купер.	
Чудесный бой бристольской биржи с пиратами Алжира	61
From <i>Purchas, His Pilgrims</i> . Сэмюэл Перчас.	
Дочь Великого Могола	89
Из книги <i>"Король пиратов"</i> . Даниэль Дефо.	
Барбаросса - король корсаров	97
Из книги <i>"Морские волки Средиземноморья"</i> . Э. Гамильтон Керри, R.N.	
Морган в Пуэрто-Белло	115
Из книги <i>"Буканьеры Америки"</i> . Джон Эсквемелинг.	
Пути буканьеров	126
Из книги <i>"Обычаи буканьеров на испанском материке"</i> . Джон Мэйсфилд в переводе Джона Эсквемелинга.	
Правдивый рассказ о трех пресловутых пиратах	132
Из книги <i>"Буканьеры Америки"</i> . Говард Пайл, ред.	
Повествование о захвате корабля <i>"Дерби"</i> в 1735 году	196
Капитан Ансельм.	
Франсис Лолонуа, раб, ставший королем пиратов	209
Из книги <i>"Буканьеры Америки"</i> . Джон Эсквемелинг.	
Бой между <i>Доррилом</i> и <i>Мокой</i>	232
Из <i>"Индийского антиквара"</i> , том 49.	
Малайский пират Джадди	240

Из журнала "Индийский антиквар", том 49.	
Ужасные ладроны	247
Из книги "Пираты Ладрона". Ричард Гласспул.	
Пленница	276
Из старого памфлета, опубликованного в 1825 году. Лукреция Паркер.	
Уход Могола Маккензи, последнего из пиратов Северной Атлантики	298
Из журнала "Блэквуд". Артур Хант Чут.	
Последний из морских разбойников: Пираты Риффского побережья	312
Из журнала "Nautical Magazine". В. Б. Лорд.	

ВЕЛИКИЕ ПИРАТСКИЕ ИСТОРИИ

ПИКАРУН [1]

Майкл Скотт

"Наша дикая жизнь в буйстве еще не кончилась" - "Корсар".

Мы вернулись в Картажену, чтобы быть наготове, если представится случай захватить Ямайку, и в один из вечеров валялись на укреплениях, с тоской в сердце глядя на море, когда неподалеку от нас голос заиграл следующую негритянскую частушку: "Ямайка".

"Фейдер был Корраманти,
Модер был Минго,
Черные пиканины - баккра,
Так что дем продал меня, Питер, за джингго.
Джиггери, джиггери, джиггери".

"Хорошо поешь, Масса Бунго!" - воскликнул мистер Сплинтер; "Откуда ты родом, мой сердечный?"

"Хилло! Бунго, действительно! Свободный и легкий город, во всяком случае. Кто ты такой, а?"

"А что, Питер, - продолжал лейтенант, - разве ты меня не знаешь?"

"Не могу сказать, что знаю", - серьезно ответил негр, не поднимая головы, который сидел и чинил свою куртку в одной из амбразур у водяных ворот арсенала, - "Не имею чести быть с вами знакомым, сэр".

Затем он возобновил свой крик, ибо песней это назвать было нельзя: - "Мамочка Салли!

"Дочка мамочки Салли
Потеряла башмак в старом каноэ.
Которое лежало наполовину полным воды,
И она не знала, что делать.

Jiggery, jiggery..."

"Забудьте о своей джигери, джигери, сэр! Но я вас хорошо знаю, дружище; и вряд ли вы забыли лейтенанта Сплинтера из "Факела", надо думать?"

Однако было ясно, что бедняга действительно нас не знал, ибо это имя так поразило его, что, торопясь расшнуровать под собой ноги, как он сидел по портновской моде, он опрокинулся со своего насеста и упал на нос - черты лица, к счастью, так сглажены рукой природы, что я сомневаюсь, можно ли было сделать их более тупыми, если бы он свалился с грот-мачты на голову лесоруба или морского офицера.

"Эх! Нет-нет, конечно, он; а кто же этот пиканьевый офицер... О! Я вижу, маса Том Крингл? Боже мой, джентльмены, откуда вы взялись? Где старый факел? Много раз я, Питер Мангроув, лоцман эскадры Его Британского Величества, водил старый бриг туда-сюда среди ключей в Порт-Ройале!"

"Да, и как часто ты бил ее медью о коралловые рифы, Питер?"

Лоцман Его Величества бросил на него знающий взгляд и положил руку на грудь: "Больше не надо, если вы меня любите, маса".

"Ну-ну, теперь это не имеет значения, мой мальчик; она больше никогда не доставит тебе таких хлопот - все руки потеряны, Питер, кроме тех двух, что ты видишь перед собой".

"Очень жаль, маса Плинтер, очень жаль... Что? Черный помощник повара и все такое? Но от беды не уйдешь. Пойдите, пока я не вставлю иглу, и я потянусь за вами". Тут он напустил на себя абсурдную серьезность. "Как и подобает британским офицерам, попавшим в беду, помогать друг другу - мы посоветуемся. Чем я могу вам помочь?"

"Питер, если бы вы могли помочь нам добраться до Порт-Ройала, это было бы очень кстати. Когда мы там лежали, редко проходила неделя без прибытия кого-нибудь из этой эскадры; а здесь мы уже больше месяца не заглядывали ни на один вымпел, принадлежащий этой станции: наши деньги на исходе, и если мы продержимся в Карфагене еще шесть недель, у нас не останется ни единого патрона в шкафуте - ни одного медяка, чтобы звякнуть о надгробную плиту".

Негр пристально посмотрел на нас, затем внимательно огляделся вокруг. Поблизости никого не было.

"Видите ли, масса Плинтер, я хочу служить вам по одной маленькой причине; но, кроме того, мне полезно сейчас подружиться с начальником эскадры, поскольку я отсутствую без отпуска".

"О, я вижу, в книгах главного интенданта стоит большая отметка против вашего имени, да?"

"Вы попали в точку, сэр, очень близко; кроме того, я очень хочу вернуться к своей бедной жене, Нэнси Катор, которую я покинул, и которая вот-вот окажется в тюрьме".

Я не удержался и вставил свое весло.

"Я видел Нэнси перед самым отплытием, Питер, прекрасное дитя; правда, не такое черное, как ты".

"О, маса, - сказал Снежок, ухмыляясь и показывая свои белые зубы, - вы же знаете, что я такой ужасно черный парень... Но вы сейчас немного не в себе, маса... Я имел в виду, что вас собираются посадить в рабочую тюрьму за кражу мускусных уток адмирала", - и он громко и долго рассмеялся. - "Однако, если вы пообещаете, что останетесь моими друзьями, я устрою вам переправу на восточную оконечность Ямайки; и я тоже поеду с вами, за компанию".

"Спасибо, - ответил мистер Сплинтер, - но как вы собираетесь это сделать? Сейчас здесь нет ни одного торговца из Кингстона, и вы же не собираетесь отправиться в путь на открытой лодке?"

"Нет, сэр, не собираюсь; но, во-первых, поскольку вы джентльмен, не попытаетесь ли вы снять меня, когда мы прибудем на Ямайку? Во-вторых, обещаете ли вы, что не будете пытаться узнать о судне, на котором вы плывете, и о его команде больше, чем они готовы вам рассказать, при условии, что вы благополучно высадитесь на берег?"

"Почему, Питер, я не думаю, что ты обманешь нас, ведь ты знаешь, что я спас твой бекон в том неловком деле, когда по пьяни ты выбросил "Факел" на берег, так что..."

"Забудьте об этом, сэр, забудьте! Никогда бедный черный лоцман не забудет, как вы спасли его от захвата, когда у трапа уже были готовы решетки, помощники боцмана и все остальные - никогда бедный черный негодяй не забудет этого".

"В самом деле, я не думаю, что ты добровольно втянешь нас в неприятности, Питер; и поскольку я догадываюсь, что ты имеешь в виду одного из подневольных торговцев, мы скорее рискнем сесть на него, чем будем больше плутать здесь, и заплатим умеренную сумму за наш проезд".

"Подождите здесь пять минут", - и, сказав это, он проскользнул через амбразуру в каноэ, лежавшее внизу, и через мгновение мы увидели, как он вскочил на борт длинного низкого суденышка, которое было пришвартовано на расстоянии пистолетного выстрела от стен.

Это было большое мелководное судно, медное на шпангоутах, большой ширины, со светлыми бортами, как у американцев, раскрашенное так, что внешне оно выглядело аляповато-торговым, но для морского глаза в нем было много такого, что опровергало это: например, медь на его очень острых носах и красивом ходу была яркой, как полированное золото; и с бастиона, где мы стояли, было видно, что палубы у него ровные и плоские. На ней не было видно ни одной пушки, но мы различили на ее хорошо вычищенных палубах борозды, как от недавнего прохождения карронады, а болты и кольца в ее высоких и прочных фальшбортах ярко блестели в пылком полуденном свете. Над кучей мусора, старыми парусами, старым хламом и кулями, довольно демонстративно сваленными в носовой части, был натянут брезент, под которым, по нашему предположению, могла скрываться длинная пушка.

Это был гермафродит с очень развитой риговой системой: бриг в носовой части и шхуна в кормовой. Ее фор-мачта и бушприт были очень прочными и тяжелыми, а грот-мачта была такой длинной и сужающейся, что удивительно, как немногие обтекатели и стаксели могли ее поддерживать; это была самая красивая палка, которую мы когда-либо видели. Верхние лонжероны были такого же масштаба, сужаясь к топмачте, топгалант-мачте, королевской и скайсейл-мачтам, пока не превратились в тонкие палочки. Паруса, распушенные для просушки, были старыми, залатанными и, очевидно, призванными скрыть характер судна показной демонстрацией их негодного состояния; но такелаж был прекрасно подогнан, каждый канат, лежащий в натяжении другого, был заботливо укрыт шкурой. На палубе

валялось несколько здоровенных кустистых парней с волосами, собранными в грязные сетчатые мешки, как у барселонских рыбаков; у многих на поясе были красные шелковые пояса, в которые были просунуты длинные ножи в ножнах из акульей кожи. Их было не так много, чтобы возбудить подозрения, но определенная смелость, бесшабашная манера поведения сразу бы отличили их, независимо от всего остального, от спокойных, трудолюбивых, в красных рубахах, торговых моряков.

"Этому парню не стоит доверять", - сказал лейтенант, - "на его бантинге, как я понимаю, можно сшить несколько курток для Джозефа". Но у нас было мало времени на критику, прежде чем наш друг Питер вернулся на веслах с еще одним черноморцем на корме, столь неприглядной наружности, какую только можно себе представить. Это был очень крупный мужчина, чей вес время от времени, когда они преодолевали короткое море, задира морду каноэ с Питером Мангроувом, словно пробку, оставляя его распускать весла в воздухе, как флюгер парохода на морском пути. Новоприбывший был крепок и широкоплеч, с длинными мускулистыми руками и грудью, как у Геркулеса, но ноги и бедра у него были на удивление тонкими и нескладными. Подбородок и верхнюю губу покрывал густой пух черной шерсти, собранной в плотные пучки, как будто лицо было утыкано гвоздиками; волосы, если их можно было назвать волосами, были скручены в сотню коротких косичек, которые щетинились и придавали его голове, когда он снимал шляпу, вид дикобраза. Через нос и по щеке проходил большой сабельный порез, а в ушах он носил две огромные золотые серьги. Его одежда состояла из коротких хлопчатобумажных кальсон, не доходивших и до двух дюймов до колена, оставляя тонкие огуречные голенища (на которых, похоже, по ошибке вместо задней части было воткнуто маленькое, похожее на пулю тельце) голыми до ботинок; клетчатой рубашки и огромной панамской шляпы, сделанной из какого-то тростника, расщепленного на мелкие части, и носимой по моде лопаты. Несмотря на это, он раскланялся с нами не без грации и предложил свои услуги на испанском, но заговорил по-английски, как только узнал, кто мы такие.

"Прошу вас, сэр, вы хозяин этого судна?" - спросил лейтенант.

"Нет, сэр, я помощник, и я узнал, что вы желаете попасть на Ямайку". Это было сказано с широким шотландским акцентом.

"Да, желаем, - сказал я с величайшим изумлением, - но мы не поплывем с дьяволом; и кто когда-либо видел негра-шотландца, дух Николя Джарви, запечатленный в шкуре черномазого!"

Парень рассмеялся. "Я чернокожий, как видишь; как и мои отец и мать до меня". И он посмотрел на меня, как бы говоря: "Я читал книгу, которую вы цитируете". Но, несмотря на это, я родился в славном городе Порт-Глазго и много плаваний совершил кают-компанией и поваром на добром судне "Пегги Богл" с достойным стариной Джоком Хантером; но это неважно. Мне сказали, что вы хотите на Ямайку; смею предположить, что наш капитан возьмет вас за умеренную плату за проезд. Капитан Вандербош, здесь два потерпевших кораблекрушение британских офицера, которые хотят сойти на берег на восточной оконечности Ямайки; возьмете ли вы их и сколько возьмете за проезд?"

Человек, с которым он заговорил, был почти такого же роста, как и он сам; это был загорелый, угловатый, с сырой костью и железными висками ветеран, с носом, по форме и цвету напоминавшим чашу его собственной трубки, но совсем не похожий, по общепринятым представлениям, на голландца. Его одежда вызывала недоумение: белые брюки, длиннополый вышитый жилет, который мог принадлежать испанскому вельможе, старомодное пальто французского покроя, на котором виднелись обтрепанные следы от

содранных кружев, объемные юбки, но очень узкие рукава, которые были настолько коротки, что оставляли открытыми его большие костлявые лапы и шесть дюймов руки выше запястья; в общем, все это облегалo его, как рубашка казначея на ручной шпильке.

"За сто талеров я высажу их в бухте Манчеонел, но как это сделать, Вильямсон? Каюта вчера была на месте".

Шотландский негр кивнул. "Неважно; смею надеяться, что запах краски не будет иметь значения для джентльменов".

Сделка была ратифицирована, мы согласились заплатить оговоренную сумму и в тот же вечер, спустившись с последним морским бризом, отчалили от Бокка-Чика и стали работать под прикрытием мыса Пунто-Каноа. Оказавшись у ворот Сан-Доминго, мы зажгли синий фонарь, на который тут же откликнулся другой, находившийся в стороне от нас. В бликах мы различили две лодки, полные людей. Тот, кто хоть раз играл в снапдрагон, может представить себе неземной вид предметов при виде этого вида фейерверка. В данном случае он был закреплен на лодочном крюке и отбрасывал сильный спектральный свет на банду беззаконников, которые так теснились друг к другу, что полностью заполнили лодки, ни одной части которых не было видно. Казалось, будто два скопища извергнутых из ада извергов плывут по поверхности полуночного моря, охваченные серным пламенем. Через несколько мгновений наш экипаж пополнился примерно сорока такими уродливыми христианами, каких я никогда не видел. Они были разных возрастов, стран, цветов кожи и языков и выглядели так, словно их похитила банда пресса, когда они срывались с Вавилонской башни. С момента их появления на борту капитан Вандербош лишился всего своего великолепия и опустился до уровня старшины, а командование, к нашему изумлению, взял на себя шотландский негр, проявивший огромное хладнокровие, энергию и мастерство. Он приказал завести шхуну, как только мы погрузили людей, и поставил ее на сушу, а затем заставил всех переставлять старые паруса и ставить новые.

"Почему вы не сняли парусину перед стартом?" - спросил я голландского капитана, или помощника, или как его там.

"Как вы можете довольствоваться спокойным проходом и не задавать вопросов?" - последовал нелюбезный ответ, на который я был склонен обидеться, пока не вспомнил, что мы находимся в руках филистимлян, где ссориться было бы хуже, чем бесполезно. Я как мог проглотил оскорбление, когда на корму поднялся чернокожий капитан и, с видом равного, пригласил нас в каюту выпить по стакану грога. Едва мы уселись, как услышали шум, похожий на раскачивание пушек или других тяжелых предметов из трюма.

Я перехватил взгляд мистера Сплинтера - он кивнул, но ничего не сказал. Через полчаса, выйдя на палубу, мы увидели при свете луны двенадцать восемнадцатифунтовых карронад, установленных по шесть с каждого борта, с набором трамбовок и губок, ведрами с водой, ящиками с патронами, виноградом и канистрами, тюками с пыжами, а комингсы люков были густо усеяны круглыми пулями. Брезент и пиломатериалы в носовой части исчезли, и там лежал длинный Том, готовый к выравниванию, ухмыляясь на своем шарнире.

Канаты были смотаны и уложены в соответствии с обычным военным порядком, а по квартердеку расхаживал уродливый мулат-испанец, очевидно, вахтенный офицер, в стиле маятника. На корме, у трапов и на носу были расставлены вахтенные, которые то и дело передавали друг другу слова, чтобы те держались начеку, в то время как остальные вахтенные растянулись молча, но явно бодрствуя, с подветренной стороны судна. Мы заметили, что у каждого на поясе пристегнута тесака, что абордажные пики отсоединены от

главной стрелы, вокруг которой они были закреплены, и что около тридцати мушкетов лежат вдоль неподвижной стойки, проходящей по борту корабля возле главного люка.

К тому времени, когда мы провели разведку, ночь стала пасмурной, и с наветренной стороны начали подниматься плотные облака; упало несколько тяжелых капель дождя, и вдалеке загрохотал гром. Черная пелена постепенно надвигалась, пока не окутала весь небосвод и не оставила нас в такой темной ночи, в какую только выходили бедные дьяволы. Вдруг под кромкой берега показалась узкая полоска яркого лунного света, очертившая темные контуры грохочущих на горизонте многочисленных бурь так же отчетливо, как если бы это были пастообразные волны в театре.

"Это что, парус с наветренной стороны, по-твоему?" - шепотом спросил меня мистер Сплинтер. В этот момент резко посветлело. "Я уверен, что это так, - продолжал он, - я только что видел ее белый холст".

Я смотрел не отрываясь, и наконец уловил маленькое темное пятнышко на ярком фоне, поднимающееся и опускающееся на волнах моря, как перышко.

По мере того как мы шли дальше, она становилась все отчетливее, но, судя по всему, никто не замечал ее близости. Однако мы ошибались, так как капитан внезапно вскочил на пушку и отдал приказ с огненной энергией, поразившей нас.

"Леру!" Маленький французский мальчик в мгновение ока оказался рядом с ним. "Вперед, всем укоротить парус; но, *doucement*, вы садитесь на сушу - краб! - человек на носовой кливер-гарнец - руки за верхний кливер-галант - стаксель вниз - тали - поднять галсы и листы - пик и горло гальярда - отпустить - кливер вверх - убрать грот - гафель туда!"

За почти такой же короткий промежуток времени, какой я потратил на написание этой книги, каждый дюйм парусины был тщательно отутюжен, каждый фонарь, кроме фонаря в бинокле, который был осторожно замаскирован и тщательно погашен, сто двадцать человек находились в каютах, а корабль стоял под голыми мачтами. Затем были выровнены форштевни, и мы пошли против ветра. Уловка оказалась удачной: в ночные очки было видно, как странный парус трещит по ветру, очевидно, решив, что мы взяли галс.

"Вот она, гонится за де Гобелем", - сказал голландец.

Теперь она горела синим светом, и мы увидели, что это тяжелый куттер - несомненно, наш старый собрат, крейсер "Искра". Голландец пришел к тому же выводу.

"Мой глаз, капитан, от нее бесполезно уклоняться; это всего лишь маленький королевский крейсер на станции Ямайка".

"Это она, точно, - ответил Уильямсон; - и она из Санта-Марты с грузом специй, я знаю. Я попробую с ней помериться силами, по..."

Сплинтер вмешался, прежде чем он успел закончить свое непочтительное восклицание. "Если ваше предположение верно, я знаю это судно - тяжелое судно ее класса, и вы можете рассчитывать на тяжелые удары и небольшую прибыль, если возьмете ее; если же она возьмет вас..."

"Меня повесят, если она это сделает", - и он усмехнулся своей самоуверенности, а затем крепко стиснул зубы, - "вернее, я взорву шхуну своей собственной рукой, прежде чем нанесу удар; лучше так, чем отбеливать свои кости в цепях на ключе в Порт-Ройале. Но вы видите,

что не можете управлять нами, джентльмены; так что спускайтесь в кабельтовую и возьмите с собой Питера Мангроува. Я не хочу, чтобы пострадали те, кто доверился мне".

Однако выстрелов пока не было, и мы остались на палубе. Снова поставили все паруса; карронады были распущены по обоим бортам и дважды выстрелили, длинноствольное орудие развернуто, галс переднего и заднего фордевинда поднят, и мы, держась по ветру, двинулись за куттером, чей белый холст еще виднелся сквозь мрак, как снежный венок.

Как только она нас увидела, то, взяв галс, встала нам навстречу и галантно зашагала вперед, а вода ревела и плескалась у нее на носу. Когда суда приблизились друг к другу, они оба укоротили паруса, и, обнаружив, что мы не можем одолеть ее, мы направились к ней с подветренной стороны.

Когда мы перешли на противоположные галсы, ее командир крикнул: "Бригантина, на старт!".

"Хилло!" - закричал Блэки, откидывая грот-топ-парус.

"Что это за шхуна?"

"Испанская шхуна "Каридад".

"Откуда и куда направляется?"

"Из Картахены в Порто-Рико".

"Отплывайте и отправляйте свою лодку на борт".

"У нас нет ни одной, которая могла бы плавать, сэр".

"Хорошо, приплывайте, а я пришлю свою".

"Отзовите абордажников", - сказал наш капитан низким строгим тоном, - "пусть они спрячутся за лодкой".

Куттер поплыл и причалил к нам с левой стороны, на расстоянии пистолетного выстрела; мы слышали скрежет канатов, пропущенных через шлюпбалки, плеск весел, коснувшихся воды, затем мерный взмах весел, сверкнувших, как серебро, в искрящемся море, и голос, окликнувший нас: "Уступите дорогу, ребята".

Характер судна, на борту которого мы находились, стал очевиден, и горькие размышления о том, что мы прикованы к колу на борту пирата, накануне ожесточенного поединка с одним из наших крейсеров, усугублялись тем, что катер попал в ловушку, в которой вся команда судна будет принесена в жертву до того, как прозвучит выстрел.

Я наблюдал за тем, как она подплывает к борту, и кричит, наклонившись над сетками: "Возвращайтесь на свой корабль!"

Маленький французский змей оказался рядом со мной с быстротой мысли, его длинный прозрачный нож сверкал в одной руке, а пальцы другой были прижаты к губам. Он не мог бы сказать яснее: "Придержи язык, или я перережу тебе глотку", но Сникер напугал его, бросившись между нами и издав короткий злобный рык.

Офицер в лодке плохо слышал меня; он поднялся - "Я не вернусь, мой добрый человек, пока не увижу, из чего ты сделан", - и, заговорив, бросился на борт, но как только он перебрался

через фальшборт, его схватили две сильные руки, заткнули рот кляпом и бросили вниз по главному люку.

"В лодку, стоявшую рядом, влетели четыре холодных 32-фунтовых снаряда, которые, пробив днище, в мгновение ока затопили ее, сбросив несчастную команду в кипящее море. Их крики до сих пор звучат в моих ушах, когда они цеплялись за весла и шатающиеся доски шлюпки.

"Поднимите офицера и вытащите кляп, - приказал Уильямсон.

Беднягу Уолкольма, моего старого приятеля, подтащили к трапу полуголым, с окровавленным лицом и тяжелым утюгом, когда черномазый, приставив к его голове пистолет, приказал ему, опасаясь мгновенной смерти, крикнуть, "что лодка захлебнулась под стойкой, и прислать другую". Бедняга, выглядевший ошеломленным и растерянным, так и сделал, но, похоже, не понял, что сказал.

"Боже правый, - сказал мистер Сплинтер, - уж не хотите ли вы забрать команду лодки?"

Кровь бросилась мне в сердце, когда черный дикарь ответил громовым голосом: "Пусть они утонут и сгинут! Наполняйте и стойте!"

Но тучи к этому времени разошлись, и мягкая луна вновь ясно и ярко осветила эту сцену жесточайшего злодейства. При ее свете люди на катере увидели, что в воде уже никто не борется, и что люди, должно быть, либо спасены, либо им уже не помочь; но позорный обман не был до конца завершен.

Капитан катера, увидев, что мы спускаем парус, сделал то же самое и, пропустив нас вперед, еще раз окликнул.

"Мистер Уолком, почему бы вам не подойти к нам с подветренной стороны и не оттолкнуться, сэр?"

"Отвечай немедленно и снова зови другую лодку", - сказал соболиный изверг и поднял пистолет.

Щелчок отдался в моем сердце. Молодой мичман обратил свое бледное лицо, обгаренное кровью, к луне и звездам, как человек, в последний раз смотрящий на землю; крупные слезы текли по его щекам, смешиваясь багровыми полосами, и поток серебряного света падал на тонкие черты бедного мальчика, когда он твердо сказал: "Никогда". Негодяй выстрелил, и он упал замертво.

"Поднять штурвал и носить через корму". Приказ был выполнен. "Огонь!" Мы слышали грохот и разрывы пуль по палубе катера, крики и стоны раненых, а также белые осколки, разлетавшиеся во все стороны.

Мы встали рядом, и начался ближний бой, и я никогда больше не ожидал увидеть такую адскую сцену. До этого момента на борту "Пирата" не было ни смятения, ни шума - все было спокойно и чинно; но когда верфи захлопнулись, команда вышла из-под контроля - они перестали быть людьми, они стали демонами, ибо бросали своих собственных мертвых и раненых, скошенных, как трава, виноградом куттера, без разбора в люки, чтобы освободиться от них. Они разделись почти догола, и хотя сражались с самым отчаянным мужеством, крича и ругаясь, каждый на своем языке, самым отвратительным образом, все же сама их численность, заключенная в маленьком судне, была против них. В конце концов, среди огня, дыма и адского грохота мы увидели, что палуба превратилась в сплошное месиво; и если они вскоре не возьмут куттер на абордаж, то станет ясно, что хладнокровие и

дисциплина моей славной службы должны восторжествовать даже против таких страшных шансов; превосходящие размеры судна, большее количество пушек и более тяжелый металл. Пираты, похоже, и сами это понимали, потому что теперь они предприняли отчаянную попытку взять своего противника на abordаж, возглавляемые чернокожим капитаном. Как раз в этот момент грот-буксир куттера опустился на палубу шхуны, недалеко от того места, где мы укрывались от выстрелов, как могли; И в то время как все бросились вперед, мы со Сплинтером, а за нами Питер и собака (которая с удивительной проникательностью, видя бесполезность сопротивления, спокойно трусила рядом со мной во время всего боя), вскарабкались по ней, пока люди куттера отражали нападение на его нос, и все четверо, спешившись, прыгнули вниз на бедного ирландца у руля.

"Убийство, пожар, изнасилование и грабеж! Я опрокинут, затоплен, сгорел и уничтожен! Капитан, капитан, нас несут на корму - эх, хаббабу для Патрика Доннелли!"

Терять время было нельзя: если кто-нибудь из команды поднимется на корму, нам конец, поэтому мы спустились через люк в каюту, люди и звери - люк был сорван выстрелом, - и укрылись на боковых койках. Шум на палубе вскоре прекратился - снова загрохотали пушки - постепенно огонь ослабел, и мы слышали, что пират вырвался на свободу и сбежал. Через некоторое время после этого спустился лейтенант, командовавший катером. Бедный мистер Дуглас! И мистер Сплинтер, и я хорошо его знали. Он сел и закрыл лицо руками, а между пальцами сочилась кровь. Во время нападения он получил рану от тесака в голову. Его правая рука была перевязана шейным платком, и он был очень бледен.

"Спроси у доктора, сколько убитых и раненых, и - слышишь? - скажи ему, чтобы он пришел ко мне, когда закончит, но не раньше, чем через минуту. Быть так избитым и обманутым буканьером; а команда моего бедного судна..."

Сплинтер застонал. Он начал было подниматься, но в этот момент человек вернулся снова.

"Тринадцать убитых, ваша честь, и пятнадцать раненых; почти никто из нас не пострадал". Череп бедняги был обмотан окровавленной тряпкой.

"Боже, помоги мне! Золото мне в помощь! Но они умерли смертью людей. Кто знает, какой смертью умерли бедняги в лодке!" - Тут его прервала сильная потасовка на трапе, по которому в каюту втащили старого квартирмейстера. "Ну что, Джонс?"

"Прошу вас, ваша честь", - ответил тот, как только собрался с силами и успел развернуть свой кивер и пригладить волосы; но тут снова поднялся шум, и Доннелли втащили внутрь, карабкаясь и борясь между двумя матросами: "Этот ирландец, ваша честь, потерял рассудок, если он вообще был, ваша честь. Он сошел с ума от испуга".

"Страх, черт возьми!" - прорычал Доннелли; "меня никто никогда не пугал; но, пока его честь расправлялся с этими чертовыми разбойниками, меня взял на abordаж и унес на корму дьявол, ваша честь, - меня задушил Вельзевул, - и он стукнул кулаком по столу, пока все на нем снова не заплясало. "Их было четверо, ваша честь, - один черный, два синих, и еще один пижон, с четырьмя ногами и кустистым хвостом, и у каждого на голове по два рога, как у рыжей коровы отца М'Клири - нет, она была смиренная, - это отца Кланнахана, я полагаю, - нет, не его, потому что он был приходским быком; Не знаю, что и сказать, кроме того, что у них на головах были рога, и они извергали огонь, и у каждого из них на корме был хвост, извивающийся и скручивающийся, как у угря, с голубым огоньком на конце."

"И это ложь, если она вообще была", - воскликнул Питер Мангроув, вскакивая с причала.

"Посмотри на меня, ирландский вор, и скажи, что у меня на корме - синий фонарь или угорь!"

Это было слишком для бедного Доннелли. Он закричал: "Вы поверите своим глазам, ваша честь, когда увидите перед собой одного из них! Пустите меня, пустите меня!" - и, бросившись вверх по трапу, он, по всей вероятности, закончил бы свою земную карьеру в соленом море, если бы его пулевая голова не столкнулась с широкой частью кошеля, который в процессе спуска, с такой силой, что он выбил его из компаньона на несколько футов над палубой, как будто его выпустили из кильватера; но отдача отправила бедного Доннелли, оглушенного и бесчувственного, в низ трапа. Мы не могли устоять на ногах; мы откровенно смеялись и дали о себе знать мистеру Дугласу, который принял нас радушно, и через неделю мы были высажены в Порт-Ройале.

ССЫЛКИ:

[1] Из журнала Тома Крингла.

ЗАХВАТ ПАНАМЫ, 1671 ГОД [2]

Джон Эсквемелинг

Капитан Морган отправился из замка Чагре в сторону Панамы 18 августа 1670 года. С ним было двенадцать сотен человек, пять лодок, нагруженных артиллерией, и тридцать два каноэ. В первый день они проплыли всего шесть лиг и прибыли в местечко под названием Де-лос-Бракос. Здесь часть его людей сошла на берег, только чтобы поспать и размять конечности, так как они были почти калеками из-за тесноты в лодках. Отдохнув немного, они отправились искать провизию на соседних плантациях, но ничего не нашли: испанцы бежали и унесли с собой все, что у них было. В этот день, который был первым в их путешествии, у них была такая нехватка провизии, что большая часть была вынуждена обойтись только трубкой табака, не имея никакой другой подпитки.

На следующий день, около вечера, они прибыли в место под названием Круз-де-Хуан-Гальего. Здесь они были вынуждены оставить свои лодки и каноэ, так как река была очень сухой из-за отсутствия дождей, и в нее упало много деревьев.

Проводники сказали им, что примерно в двух лигах, дальше, страна будет очень хорошей, чтобы продолжить путешествие по суше. Тогда они оставили на борту лодок сто шестьдесят человек для их защиты, чтобы те могли послужить убежищем в случае необходимости.

На следующее утро, на третий день, все они сошли на берег, кроме тех, кто должен был держать лодки. Капитан Морган приказал им под угрозой наказания, чтобы ни один человек ни под каким предлогом не смел покидать лодки и сходить на берег, опасаясь, как бы их не застала врасплох засада испанцев в соседнем лесу, который был настолько густым, что казался почти непроходимым. Этим утром, когда они начали свой поход, пути оказались настолько плохими, что капитан Морган счел более удобным перевезти часть людей на каноэ (хотя и с большим трудом) в место, расположенное дальше по реке, называемое Седро-Буэно. Там они перегрузились, а каноэ вернулись за остальными, так что около ночи они полностью добрались до указанного места. Пираты очень хотели встретить испанцев или индейцев, надеясь набить брюхо их провизией, так как были доведены до крайности и голода.

На четвертый день большая часть пиратов отправилась по суше, ведомая одним из проводников; остальные пошли по воде дальше, ведомые другим проводником, который всегда шел впереди них, чтобы обнаружить по обе стороны реки засады. У них также были шпионы, которые очень ловко оповещали обо всех происшествиях или о прибытии пиратов, по крайней мере, за шесть часов до их появления. В этот день, около полудня, они подошли к посту под названием Торна Кавальос: здесь проводник каноэ закричал, что видит засаду. Его голос вызвал безграничную радость у всех пиратов, надеявшихся найти провизию, чтобы утолить голод. Прибыв на место, они не нашли там никого: испанцы бежали, оставив после себя лишь несколько кожаных мешков, все пустые, и несколько крошек хлеба, разбросанных на земле, где они ели. Разозлившись на это, они снесли несколько маленьких хижин, которые сделали испанцы, и принялись есть кожаные мешки, чтобы унять брожение в желудке, которое теперь было таким острым, что могло прогрызть им самые кишки. Таким образом, они устроили огромный пир на этих кожаных мешках, причем возникали различные ссоры по поводу самых больших долей. По величине места они предположили, что там находилось около пятисот испанцев, которых, не найдя никаких съестных припасов, они теперь бесконечно желали встретить, намереваясь скорее съесть некоторых из них, чем погибнуть.

Насытившись этими кусками кожи, они двинулись дальше, пока к ночи не подошли к другому посту, называемому Торна Мунни. Здесь они нашли еще одну засаду, но такую же бесплодную, как и первая. Они обыскали соседние леса, но не смогли найти ничего съестного: испанцы были так предусмотрительны, что не оставили нигде ни крошки пропитания, и пираты были доведены до такого крайнего состояния. И тут он снова порадовался, что с полудня приберег любой кусок кожи, чтобы приготовить себе ужин, запив его для удобства доброй порцией воды. Некоторые, кто никогда не выходил из кухни своих матерей, могут спросить, как эти пираты могли есть и переваривать эти куски кожи, такие жесткие и сухие? На это я отвечу, что, если бы они хоть раз испытали, что такое голод, или, скорее, голодуха, они нашли бы способ, как это сделали пираты. Ведь те сначала резали ее на куски, затем били между двумя камнями и растирали, часто окуная в воду, чтобы сделать ее эластичной и нежной. Наконец, они счищали шерсть, и поджаривали. Приготовив таким образом, они разрезали его на мелкие кусочки и ели, запивая частыми глотками воды, которая, к счастью, была у них под рукой.

На пятый день, около полудня, они пришли в местечко под названием Барбакоа. Здесь они обнаружили следы еще одной засады, но место оказалось таким же необеспеченным, как и предыдущее. На небольшом расстоянии находилось несколько плантаций, которые они тщательно обыскали, но не смогли найти ни одного человека, животного или другого предмета, который мог бы утолить их сильный голод. Наконец, поплутав по окрестностям и долго обыскивая их, они нашли грот, который, казалось, совсем недавно был вырублен в скале, где лежали два мешка муки, пшеницы и тому подобных вещей, два больших кувшина вина и некоторые фрукты, называемые платано. Капитан Морган, зная, что некоторые из его людей уже почти умерли от голода, и опасаясь того же в отношении остальных, приказал раздать все, что было найдено, тем, кто испытывал наибольшую нужду. Подкрепившись этими продуктами, они двинулись в новый поход с еще большим мужеством, чем прежде. Тех, кто был слаб, посадили в каноэ, а тем, кто был в них раньше, велели высадиться на берег. Так они продолжали свой путь до поздней ночи; придя на плантацию, они расположились на отдых, но ничего не ели, потому что испанцы, как и прежде, считали всю провизию.

На шестой день они продолжили свой поход, частью по суше, частью по воде. Однако они были вынуждены часто отдыхать, как из-за изрезанности пути, так и из-за крайней слабости, которую они пытались унять, питаясь листьями деревьев и зелеными травами или травой; таково было их жалкое состояние. В этот день в полдень они прибыли на плантацию, где стоял амбар, полный маиса. Сразу же они выбили двери и съели его всухомятку, сколько смогли съесть; затем они раздали большое количество, дав каждому человеку хороший запас. Насытившись таким образом и продолжая свой путь еще около часа, они наткнулись на другую засаду. Не успели они ее обнаружить, как бросили свою кукурузу, надеясь найти все в изобилии. Но они сильно обманулись, не встретив ни индейцев, ни продуктов, ни чего-либо еще: зато они увидели на другом берегу реки около сотни индейцев, которые, спасаясь бегством, скрылись. Несколько пиратов прыгнули в реку, чтобы переплыть ее и попытаться захватить кого-нибудь из индейцев, но тщетно: поскольку они были гораздо проворнее пиратов, то не только не смогли остановить их, но и убили двух или трех своими стрелами; они кричали им вслед: "Ха, перрос! а ла савана, а ла савана" - "Ха, вы, собаки! идите на равнину, идите на равнину".

В этот день они не смогли продвинуться дальше, так как были вынуждены перейти реку, чтобы продолжить свой поход на другой берег. После этого они расположились на ночлег, хотя сон их не был крепким, так как в народе поднялся большой ропот по поводу капитана Моргана и его поведения; одни желали вернуться домой, другие скорее умерли бы там, чем отступили хоть на шаг от задуманного; третьи, у кого было больше мужества, смеялись и шутили над их рассуждениями. Между тем у них был проводник, который очень утешал их, говоря, что "не скоро они встретят людей, от которых получают немалую выгоду".

На седьмой день, утром, они привели в порядок свое оружие, и каждый разрядил свой пистолет или мушкет без пули, чтобы испытать свои замки. Сделав это, они переправились через реку, оставив пост, где они отдыхали, под названием Санта-Крус, и в полдень прибыли в деревню под названием Круз. Находясь еще далеко от этого места, они заметили много дыма из труб: вид этого вызвал у них большую радость и надежду найти людей и много хорошего настроения. Поэтому они пошли вперед так быстро, как только могли, подбадривая друг друга, говоря: "Из каждого дома идет дым: они разводят хорошие костры, чтобы жарить и варить то, что мы будем есть", и тому подобное.

В конце концов они прибыли туда, все вспотевшие и запыхавшиеся, но не нашли в городе ни одного человека и ничего съестного, чем можно было бы подкрепиться, кроме хороших костров, которых им не хватало; ведь испанцы перед своим отъездом подожгли каждый свой дом, кроме королевских складов и конюшен.

Они не оставили за собой ни одного живого или мертвого зверя, что очень обеспокоило их преследователей, не нашедших ничего, кроме нескольких кошек и собак, которых они тут же убили и съели. Наконец, в королевских конюшнях они, по счастливой случайности, нашли пятнадцать или шестнадцать кувшинов перуанского вина и кожаный мешок, полный хлеба. Не успели они выпить этого вина, как заболели, почти все: это заставило их подумать, что вино отравлено, что вызвало новое смятение во всем лагере, считавшем себя теперь безвозвратно потерянным. Но истинная причина заключалась в недостатке пропитания и в разнообразных отбросах, которые они ели. Болезнь их была так велика, что они пролежали там до следующего утра, не имея возможности продолжить путь после полудня. Эта деревня расположена на 9 градусах 2 минутах северной широты, удалена от реки Чагре на двадцать шесть испанских лиг, а от Панама - на восемь. Это последнее место, куда могут подойти лодки или каноэ; по этой причине построили здесь склады для всех видов товаров, которые в Панаму и из Панама перевозятся на спинах мулов.

Здесь капитан Морган был вынужден оставить свои каноэ и высадить всех своих людей, хотя никогда не был так слаб; но чтобы каноэ не были застигнуты врасплох и не взяли слишком много людей для защиты, он отправил их всех обратно к месту, где были лодки, кроме одной, которую он спрятал, чтобы она могла служить для перевозки разведанных. Многие испанцы и индейцы из этой деревни бежали на ближайшие плантации, и капитан Морган приказал, чтобы никто не выходил из деревни, кроме компаний по сто человек, опасаясь, как бы враг не воспользовался преимуществом его людей. Тем не менее, один отряд нарушил этот приказ, соблазнившись желанием получить провизию, но вскоре они с радостью снова вбежали в город, где на них с большой яростью напали испанцы и индейцы, уведя одного из них в плен. Таким образом, бдительность и осторожность капитана Моргана оказались недостаточными, чтобы предотвратить все несчастные случаи.

На восьмой день утром капитан Морган отправил двести человек впереди своей армии, чтобы выяснить путь в Панаму и найти там засады: путь был настолько узок, что только десять или двенадцать человек могли идти в одну сторону, а часто и не столько. После десяти часов марша они пришли в место, называемое Кебрада Обскура: здесь внезапно в них выпустили три или четыре тысячи стрел, причем они не поняли, откуда они прилетели и кто их выпустил, хотя предположили, что это было с высокой скалистой горы, с одной стороны которой был грот, способный вместить только одну лошадь или другого зверя. Такое количество стрел сильно встревожило пиратов, тем более что они не могли понять, откуда они выпущены. Наконец, не видя больше стрел, они прошли еще немного и вошли в лес: Здесь они заметили, что некоторые индейцы бегут так быстро, как только могут, чтобы занять другой пост, с которого можно было наблюдать за их походом; однако на месте оставался один отряд индейцев, решивших сражаться и защищаться, что они и делали с большим мужеством, пока их капитан не упал раненым; И хотя он отчаялся в жизни, но его доблесть превышала его силу, он не стал просить четверти, а, пытаясь подняться, с непоколебимой силой схватил свой азагайо, или копье, и ударил одного из пиратов; но прежде чем он успел нанести второй удар, его застрелили насмерть. Такая же участь постигла и многих его товарищей, которые, как хорошие солдаты, погибли вместе со своим капитаном, защищая свою страну.

Пираты попытались взять в плен нескольких индейцев, но те, будучи проворнее пиратов, сбежали все, оставив восемь пиратов мертвыми и десять ранеными: да, если бы индейцы были более ловкими в военном деле, они могли бы защищать проход и не пропустить ни одного человека. Через некоторое время после этого они подошли к большому шампанскому, открытому и полному прекрасных лугов; отсюда они могли видеть на расстоянии перед собой индейцев, стоящих на вершине горы, недалеко от дороги, по которой они должны были пройти: Они послали пятьдесят человек, самых ловких из тех, что у них были, чтобы попытаться поймать кого-нибудь из них и заставить их открыть своих спутников, но все напрасно, потому что они сбежали благодаря своей ловкости и вскоре показались в другом месте, приветствуя англичан и крича: "A la savana, a la savana, perros Ingleses!", то есть "На равнину, на равнину, английские собаки!". Тем временем десять пиратов, которые были ранены, были перевязаны и заштукатурены.

Здесь был лес, и с каждой стороны по горе. Индейцы владели одной из них, а пираты - другой. Капитан Морган был убежден, что испанцы устроили там засаду, так удобно она лежит; тогда он послал двести человек, чтобы обыскать ее. Испанцы и индейцы, заметив, что пираты спустились с горы, тоже сделали это, как будто намереваясь напасть на них; но, оказавшись в лесу, вне поля зрения пиратов, они больше не появлялись, оставив проход открытым.

Около ночи пошел сильный дождь, который заставил пиратов идти быстрее и искать дома, чтобы уберечь оружие от сырости; но индейцы подожгли все дома и увели весь скот, так что пираты, не найдя ни домов, ни провизии, были вынуждены вернуться; но после усердных поисков они нашли несколько пастушьих хижин, но в них не было ничего съестного. Не вмещая много людей, они разместили в них из каждой компании небольшое число людей, которые держали оружие остальных: те, кто остался в открытом поле, перенесли много трудностей в ту ночь, дождь не прекращался до утра.

На следующее утро, около рассвета, уже девятого по счету в этом утомительном путешествии, капитан Морган двинулся в путь, пока сохранялся свежий утренний воздух, ибо облака, висевшие над головой, были куда более благоприятны, чем палящие лучи солнца, а путь теперь был еще труднее, чем прежде. После двухчасового марша они обнаружили около двадцати испанцев, которые наблюдали за их передвижением: они попытались поймать некоторых из них, но не смогли: те внезапно исчезли и скрылись в пещерах среди скал, неизвестных пиратам. Наконец, поднявшись на высокую гору, они обнаружили Южное море. Это счастливое зрелище, словно конец их трудов, вызвало у них безграничную радость: здесь они смогли обнаружить один корабль и шесть лодок, которые вышли из Панама и поплыли к островам Тавога и Тавогиля: затем они пришли в долину, где нашли много скота, которого они забили добрый запас: Здесь, пока одни убивали и обкладывали коров, лошадей, быков и, главным образом, ослов, которых было много, другие разжигали костры и добывали дрова для их жарки: затем, разрезав плоть на удобные куски или куски, они бросали их в огонь и, наполовину обмазанные или зажаренные, пожирали их с невероятной поспешностью и аппетитом. Голод их был таков, что они больше походили на каннибалов, чем на европейцев; кровь не раз стекала с их бород до пояса.

Утолив голод, капитан Морган приказал им продолжать поход. Здесь он снова послал перед основным отрядом пятьдесят человек, чтобы они взяли несколько пленных, если смогут; его очень беспокоило, что за девять дней он не встретил ни одного человека, который бы сообщил ему о состоянии и силах испанцев. Ближе к вечеру они обнаружили около двухсот испанцев, которые приветствовали пиратов, но те не понимали, что говорят. Через некоторое время после этого они увидели самый высокий шпиль Панама: не успели они его обнаружить, как проявили признаки крайней радости, подбрасывая в воздух свои шляпы, прыгая и крича, как будто они уже одержали победу и выполнили свои планы. Все их трубы звучали, а барабаны били в знак этой готовности их разума. Так они разбили свой лагерь на эту ночь, при общем довольстве всего войска, с нетерпением ожидая утра, когда они намеревались напасть на город. Этим вечером появилось пятьдесят лошадей, которые вышли из города на шум барабанов и труб, чтобы, как считалось, наблюдать за их движением: они приблизились почти на расстояние мушкетного выстрела к армии, с трубой, которая звучала удивительно хорошо. Те, кто был верхом, громко кричали пиратам и угрожали им, говоря: "Perros! nos veremos", то есть "Вы, собаки! мы вас встретим". Высказав эту угрозу, они вернулись в город, за исключением семи или восьми всадников, которые стояли неподалеку и следили за их передвижением. Сразу же после этого город открыл огонь и не переставал всю ночь напролет стрелять из своих самых больших пушек по лагерю, но почти не причиняя вреда пиратам, которых они не могли легко достать. Двести испанцев, которых пираты видели днем, появились снова и стали загоразивать проходы, чтобы никто из пиратов не мог ускользнуть от их рук; но пираты, хотя и были в некотором роде осаждены, вместо того чтобы бояться их заграждений, как только они расставили часовых вокруг своего лагеря, открыли свои ранцы и, не имея ни салфеток, ни тарелок, принялись с большим удовольствием есть куски бычьей и лошадиной плоти, которые они приберегли с полудня.

Покончив с этим, они улеглись спать на траве в полном покое и довольстве, с нетерпением ожидая лишь рассвета следующего дня.

На десятый день, рано утром, они привели в порядок всех своих людей и под звуки барабанов и труб двинулись прямо к городу; но один из проводников попросил капитана Моргана не ехать по общей дороге, чтобы не встретить на ней множество засад. Он последовал его совету и выбрал другой путь через лес, хотя и очень неудобный и трудный. Испанцы, заметив, что пираты выбрали другой путь, о котором они почти не думали, были вынуждены оставить свои стоянки и батареи и выйти им навстречу. Губернатор Панамы привел в порядок свои силы, состоящие из двух эскадронов, четырех пеших полков и огромного количества диких быков, которых гнали многочисленные индейцы с неграми и другими людьми, помогавшими им.

Продолжая свой поход, пираты добрались до вершины небольшого холма, откуда открывалась широкая перспектива на город и раскинувшуюся под ним страну шампанского. Здесь они обнаружили столь многочисленные силы жителей Панамы в боевом порядке, что были поражены страхом, сильно сомневаясь в удаче этого дня: да, мало кто из них желал оказаться дома или, по крайней мере, освободиться от обязательств, которые налагала на них эта сделка, так близко касающаяся их жизни. Некоторое время они колебались в своих мыслях, но в конце концов пришли к выводу, в какое положение они себя поставили, и что теперь они должны либо решительно сражаться, либо умереть, ибо от врага, по отношению к которому они совершили столько жестокостей, нельзя было ждать отпора. Тогда они ободрили друг друга, решив победить или пролить последнюю каплю крови. Тогда они разделились на три батальона, отправив вперед двести буканьеров, которые отлично владели оружием. Спустившись с холма, они направились прямо к испанцам, которые на просторном поле ждали их прихода. Как только приблизились, испанцы начали кричать: "Viva el rey!" "Боже, храни короля!", и тут же их кони двинулись на пиратов: но поля были полны кряжей, а под ногами было мягко, и они не могли проехать так, как им хотелось. Двести буканьеров, шедших впереди, опустившись на одно колено, начали резво сражаться, давая полный залп дробью: испанцы защищались мужественно, делая все возможное, чтобы помешать пиратам. Пешие пытались преследовать конных, но под огнем пиратов были вынуждены отступить. Оказавшись в затруднительном положении, они попытались загнать быков сзади, чтобы привести их в беспорядок; но дикий скот разбежался, испугавшись шума битвы. Лишь некоторые из них прорвались сквозь английские роты и только разорвали в клочья цвета, в то время как буканьеры застрелили каждого из них.

Сражение продолжалось два часа, большая часть испанских лошадей была уничтожена и почти все убиты: остальные бежали, и пешие, видя, что им не одержать верх, разрядили имевшиеся у них мушкеты и, бросив их вниз, бежали прочь, каждый как мог. Пираты не могли преследовать их, так как были слишком измучены и утомлены долгим путешествием. Многие, не имея возможности бежать, куда хотели, спрятались на время среди кустарника на берегу моря, но очень неудачно, потому что большинство из них, будучи обнаружены пиратами, были немедленно убиты без всякого промедления. Некоторых религиозных людей привели в плен к капитану Моргану, но он, будучи глух к их крикам, приказал забить их всех пистолетами, что и было сделано. Вскоре после этого к нему привели капитана, которого он очень строго допросил; в частности, спросил, где находятся силы панамцев? Он ответил, что все их силы состоят из четырехсот конных, двадцати четырех пеших рот по сто человек в каждой, шестидесяти индейцев и нескольких негров, которые должны были нагнать на англичан две тысячи диких быков и таким образом, перебив их строй, привести их в полное расстройство: Кроме того, в городе они сделали траншеи и возвели батареи в нескольких

местах, в которых установили множество пушек; и что у въезда на шоссе, ведущее в город, они построили форт, оснащенный восемью большими медными пушками, который защищали пятьдесят человек.

Капитан Морган, услышав это, немедленно отдал приказ идти другим путем; но сначала он произвел смотр своих людей, среди которых обнаружил большое количество убитых и раненых, причем гораздо больше, чем считалось ранее. Из испанцев на месте нашли шестьсот убитых, а также раненых и пленных. Пираты, ничуть не унывая, видя, что их число так уменьшилось, а скорее преисполнившись гордости, понимая, какое огромное преимущество они получили против своих врагов, отдохнув некоторое время, приготовились смело идти к городу, поклявшись друг другу, что будут сражаться до тех пор, пока ни один человек не останется в живых. С таким мужеством они возобновили свой поход, чтобы либо завоевать, либо быть завоеванными; взяв с собой всех пленных.

Они с большим трудом подошли к городу, так как внутри него испанцы установили множество больших пушек, расположенных в нескольких кварталах, одни из которых были заряжены мелкими железными осколками, а другие - мушкетными пулями. Из всех этих орудий они салютовали пиратам при их приближении и устраивали им полные и частые обстрелы, ведя непрерывный огонь, так что они неизбежно теряли на каждом шагу большое количество людей. Но ни эта явная опасность для их жизни, ни вид стольких людей, постоянно падающих на них, не могли удержать их от продвижения вперед и ежеминутного наступления на врага; и хотя испанцы не переставали стрелять и делать все возможное для своей защиты, они все же были вынуждены уступить после трехчасового боя. А пираты, овладев наконец городом, перебили всех, кто пытался хоть как-то противостоять им. Жители перевезли лучшие из своих товаров в более отдаленные и тайные места; однако в городе нашлось несколько складов, хорошо укомплектованных товарами, как шелками и тканями, так и льном и другими ценными вещами. Как только первый приступ ярости прошел, капитан Морган собрал своих людей и приказал им под страхом наказания не пить и не пробовать никакого вина; причина, по которой он это сделал, заключалась в том, что, по его сведениям, все это отравлено испанцами. Однако считалось, что он отдал этот благоразумный приказ, чтобы предотвратить разврат своих людей, который, как он предвидел, будет очень велик в первое время после столь сильного голода, перенесенного в пути; кроме того, он опасался, как бы испанцы, увидев их в вине, не сплотились и, обрушившись на город, не использовали их так же бесчеловечно, как использовали жителей раньше.

Капитан Морган, как только он расставил необходимую охрану в нескольких кварталах города и за его пределами, приказал двадцати пяти людям захватить большую лодку, которая застряла в грязи порта из-за отсутствия воды во время отлива. В тот же день около полудня он поджег несколько больших зданий города, причем никто не знал, кто был их автором, а тем более по каким мотивам капитан Морган это сделал, которые неизвестны до сих пор: пожар усилился настолько, что к ночи большая часть города была охвачена пламенем. Капитан Морган притворился, что это сделали испанцы, понимая, что его собственные люди осуждают его за этот поступок. Многие испанцы и некоторые пираты делали все возможное, чтобы погасить пламя, взрывали дома порохом и сносили другие, чтобы остановить его, но тщетно: менее чем за полчаса оно охватило целую улицу. Все дома города были построены из кедра, очень любопытные и великолепные, богато украшенные, особенно виселицами и картинами, из которых часть была снята, а другая большая часть сгорела.

В этом городе (который является резиденцией епископа) было восемь монастырей, семь мужских и один женский, две величественные церкви и одна больница. Все церкви и

монастыри были богато украшены алтарями и картинами, большим количеством золота и серебра и другими драгоценными вещами, которые церковники спрятали. Кроме того, здесь было две тысячи великолепных домов, большую часть которых населяли богатые купцы. Для остальных, менее качественных, и торговцев, в этом городе было еще пять тысяч. Здесь же находилось множество конюшен для лошадей и мулов, на которых перевозили дощечки короля Испании, а также частных лиц, направлявшихся к Северному морю. Соседние поля были полны плодородных плантаций и приятных садов, открывавших восхитительные перспективы для жителей в течение всего года.

Генуэзцы имели в этом городе величественный дом для торговли неграми. Он также был сожжен капитаном Морганом дотла. Кроме этого здания, сгорело двести складов и множество рабов, спрятавшихся в них, с бесчисленными мешками муки; пожар продолжался четыре недели после его начала. Большая часть пиратов по-прежнему стояла лагерем за городом, опасаясь и ожидая, что испанцы придут и снова вступят с ними в бой, поскольку было известно, что они значительно превосходят пиратов числом. Это заставило их держаться на поле боя, чтобы сохранить свои силы, которые теперь сильно уменьшились из-за потерь. Раненых, которых было много, они поместили в одну церковь, которая так и осталась стоять, а остальные были уничтожены огнем. Кроме этих уменьшившихся людей, капитан Морган отправил конвой из ста пятидесяти человек в замок Чагре, чтобы передать весть о своей победе при Панаме.

Они часто видели, как целые отряды испанцев бегут туда-сюда по полям, что заставляло их подозревать, что они собираются на митинг, на который у них никогда не хватало смелости. После полудня капитан Морган вновь вошел в город со своими войсками, чтобы все могли занять свои жилища, которые теперь они с трудом могли найти - немногие дома уцелели от пожара. Затем они очень тщательно искали среди руин и пепла посуду из пластины или золота, которая не была полностью уничтожена пламенем, и таких вещей они нашли не мало, особенно в колодцах и цистернах, где их спрятали испанцы.

На следующий день капитан Морган отправил два отряда по сто пятьдесят человек в каждом, крепких и хорошо вооруженных, на поиски сбежавших жителей. Совершив несколько походов по полям, лесам и горам, они вернулись через два дня, приведя более двухсот пленников, мужчин, женщин и рабов. В тот же день вернулось и судно, отправленное капитаном Морганом в Южное море, и еще три захваченные лодки. Но все эти призы они охотно отдали бы, и с большим трудом, за один галеон, который чудом спасся, богато нагруженный всеми королевскими пластинами, драгоценностями и другими ценными вещами лучших и богатейших купцов Панамы: на борту его были также религиозные женщины женского монастыря, которые взяли с собой все украшения своей церкви, состоящие из большого количества золота, пластин и других вещей большой ценности.

Сила этого галеона была незначительной: на нем было всего семь пушек и десять или двенадцать мушкетов, и он был очень плохо снабжен продуктами, предметами первой необходимости и пресной водой, не имея больше парусов, кроме самых верхних на грот-мачте. Этот рассказ пираты получили от некоего человека, который разговаривал с семью моряками с галеона, сошедшими на берег в кокботе за пресной водой. Отсюда они заключили, что легко могли бы взять его, если бы пустились в погоню, как им и следовало поступить; но им помешало преследовать этот богатый приз их обжорство и пьянство, когда они обильно развратничали с несколькими богатыми винами, которые нашли наготове, предпочитая скорее насытить свои аппетиты, чем завладеть столь огромной выгодой; ведь

этот один приз был бы гораздо ценнее, чем все, что они получили в Панаме и близлежащих местах. На следующий день, раскаявшись в своей небрежности, утомленные пороками и распутством, они отправились на другом судне, хорошо вооруженные, чтобы со всей скоростью преследовать упомянутый галеон; но тщетно: испанцы, находившиеся на борту, получили сведения о своей опасности за один или два дня до этого, пока пираты крейсировали так близко от них; тогда они бежали в более отдаленные и неизвестные места.

Пираты обнаружили в портах островов Тавога и Тавогилла несколько лодок, груженных очень хорошими товарами; все это они забрали и привезли в Панаму, где подробно рассказали обо всем капитану Моргану. Пленники подтвердили слова пиратов, добавив, что они, несомненно, знают, где может находиться галеон, но весьма вероятно, что до этого они уже получали облегчение из других мест. Это вновь взбудоражило капитана Моргана, и он отправил все лодки в порту Панамы на поиски упомянутого галеона, пока они не смогут его найти. Эти лодки, которых было всего четыре, после восьми дней плавания туда и обратно и обыска нескольких портов и бухт потеряли всякую надежду найти ее, после чего они вернулись в Тавогу и Тавогиллу. Здесь они обнаружили хорошее судно, недавно пришедшее из Пайты, груженное тканями, мылом, сахаром и бисквитом, с 20 000 штук восьмерки. Они тут же захватили его без малейшего сопротивления, а также лодку, стоявшую неподалеку, на которую погрузили большую часть товаров с корабля и несколько рабов. С этой добычей они вернулись в Панаму, несколько удовлетворенные, но в то же время сильно недовольные тем, что не смогли встретиться с галеоном.

Конвой, который капитан Морган отправил замок Чагре, вернулся примерно в то же время, принес с собой очень хорошие новости; пока капитан Морган ехал в Панаму, те, кого он оставил в замке Чагре, послали за двумя лодками, чтобы отправиться в плавание. Они встретили испанское судно, которое преследовали в пределах видимости от замка. Заметив это, пираты в замке вывесили испанские цвета, чтобы обмануть корабль, который бежал перед лодками; и бедные испанцы, думая укрыться под замком, попали в западню и стали пленниками. Груз, находившийся на борту этого судна, состоял из провизии и еды, что не могло быть более удачным для замка, где уже начали нуждаться в подобных вещах.

Эта удача жителей Чагре заставила капитана Моргана задержаться в Панаме, приказав совершить несколько новых походов в близлежащие страны; и пока пираты в Панаме совершали эти походы, пираты в Чагре занимались пиратством в Северном море. Капитан Морган ежедневно посылал отряды по двести человек, чтобы те обшарили все окрестные земли; и когда один отряд возвращался обратно, отправлялся другой, который вскоре собрал много богатств и множество пленников. Их приводили в город и подвергали самым изысканным пыткам, чтобы заставить признаться в чужом и своем имуществе. Случилось так, что одного несчастного нашли в доме одного знатного человека, который среди суматохи надел пару тафтяных бриджей своего хозяина, из которых торчал маленький серебряный ключ; заметив это, они спросили его, где находится этот ключ. Он ответил, что не знает, что с ним стало, но что, найдя эти бриджи в доме своего хозяина, он решил их надеть. Не добившись другого ответа, его посадили на дыбу и бесчеловечно вывихнули ему руки; затем накрутили на лоб веревку, которую так сильно сжимали, что глаза его казались большими, как яйца, и готовы были выпасть. Но не получив положительного ответа на эти мучения, они повесили его за запястья, нанеся ему множество ударов и ударов под этой нестерпимой болью и позой тела. После этого они отрезали ему нос и уши и прижигали лицо горячей соломой, пока он не смог больше ни говорить, ни оплакивать свои страдания: тогда, потеряв всякую надежду на признание, они велели негру прогнать его, что положило конец

его жизни и их бесчеловечным пыткам. Так закончили свои дни и многие другие несчастные пленники - обычным развлечением и отдыхом этих пиратов были подобные трагедии.

Пробыв в Панаме целых три недели, капитан Морган приказал подготовить все к отплытию. Он приказал каждой роте людей найти столько повозочных зверей, чтобы можно было доставить добычу к реке, где лежали его каноэ. Примерно в это время прошел большой слух, что значительное число пиратов намеревается покинуть капитана Моргана; и что, взяв корабль, стоявший в порту, они решили отправиться грабить в Южное море, пока не наберут столько, сколько посчитают нужным, а затем вернуться на родину, через Ост-Индию. Для этой цели они собрали много провизии, которую спрятали в укромных местах, а также достаточное количество пороха, пуль и прочих боеприпасов; кроме того, несколько больших пушек, принадлежащих городу, мушкеты и другие вещи, которыми они намеревались не только оснастить свое судно, но и укрепиться на каком-нибудь острове, который мог бы послужить им убежищем.

Этот замысел непременно осуществился бы, если бы капитан Морган не получил своевременный совет от одного из своих товарищей; тогда он приказал срубить и сжечь грот-мачту этого корабля, а также все остальные суда в порту: таким образом, намерения всех или большинства его товарищей были полностью расстроены. Затем капитан Морган отправил многих испанцев в прилегающие поля и деревни в поисках денег, чтобы выкупить не только себя, но и остальных пленников, а также церковников. Кроме того, он приказал заколотить и остановить всю артиллерию города. В то же время он отправил сильную роту людей на поиски губернатора Панамы, о котором было получено известие, что он устроил несколько засад на пути, по которому должен был вернуться: но вскоре они вернулись, заявив, что не нашли никаких признаков таких засад. Для подтверждения этого они привели несколько пленных, которые заявили, что у упомянутого губернатора было намерение оказать некоторое сопротивление на этом пути, но люди, предназначенные для этого, не желали за это браться, так что за неимением средств он не мог привести свой замысел в исполнение.

24 февраля 1671 года капитан Морган отплыл из Панамы, вернее, из того места, где стоял город Панама; из добычи он взял с собой сто семьдесят пять повозок, нагруженных серебром, золотом и другими драгоценностями, а также около шестисот пленников, мужчин, женщин, детей и рабов. В тот день они подошли к реке, протекающей по восхитительной равнине, в лиге от Панамы: здесь капитан Морган привел все свои силы в порядок, так что пленники оказались в центре, окруженные со всех сторон пиратами, где не было слышно ничего, кроме причитаний, плача, воплей и горестно вздыхающих женщин и детей, которые боялись, что капитан Морган задумал перевезти их всех в свою страну для рабства. Кроме того, все эти несчастные пленники в то время испытывали сильный голод и жажду, и капитан Морган специально заставлял их терпеть эти страдания, чтобы побудить их искать деньги для выкупа, согласно налогу, который он установил для каждого. Многие женщины умоляли капитана Моргана на коленях, с бесконечными вздохами и слезами, позволить им вернуться в Панаму, чтобы жить со своими дорогими мужьями и детьми в маленьких хижинах из соломы, которые они построят, поскольку у них не было домов до восстановления города. Но он ответил: "Он пришел сюда не для того, чтобы слушать причитания и плач, а чтобы искать деньги, поэтому они должны сначала найти их, где бы они ни были, и принести ему; в противном случае он, несомненно, переправит их всех в такие места, куда они не захотят идти".

На следующий день, когда начался поход, эти жалобные крики и вопли возобновились так, что могли бы вызвать сострадание в самом жестоком сердце: но капитан Морган, как

человек, мало склонный к милосердию, не был ничуть тронут. Они шли в том же порядке, что и раньше: один отряд пиратов - в авангарде, пленники - в середине, остальные - сзади; несчастных испанцев на каждом шагу били по спине и бокам тупыми концами оружия, чтобы заставить их идти быстрее.

Прекрасную даму, жену одного из богатейших купцов Тавоги, вели в плен одну, между двумя пиратами. Ее причитания пронзали небеса, когда она, видя, что ее уносят в плен, часто плакала перед пиратами и рассказывала им, "что она приказала двум религиозным людям, на которых она полагалась, пойти в определенное место и принести столько денег, сколько составит ее выкуп; что они обещали честно выполнить это, но, получив деньги, вместо того чтобы принести их ей, они использовали их другим способом, чтобы выкупить некоторых своих собственных и особых друзей". Об этом их дурном поступке узнал один из рабов, который принес письмо упомянутой госпоже. Ее жалобы и их причина были доведены до сведения капитана Моргана, и он счел нужным разобраться в этом. Убедившись в том, что это правда, и особенно услышав подтверждение этому в исповеди упомянутых религиозных людей, хотя и под легкомысленными предложениями, что они отвлекли деньги только на день или два, в течение которых они ожидали большей суммы, чтобы вернуть их, он дал свободу упомянутой леди, которую в противном случае он намеревался перевезти на Ямайку. Но вместо нее он держал в плену упомянутых религиозных людей, используя их по своему усмотрению.

Капитан Морган прибыл в город под названием Круз, расположенный на берегу реки Чагре, и опубликовал среди пленников приказ, согласно которому в течение трех дней каждый должен принести свой выкуп под страхом отправки на Ямайку. Тем временем он отдал приказ собрать в этих местах столько риса и маиса, сколько было необходимо для снабжения кораблей. Здесь некоторые из пленников были выкуплены, но многие другие не смогли принести свои деньги. После этого он продолжил свое плавание и покинул деревню 5 марта следующего года, взяв с собой всю добычу, какую только мог. Туда же он увел и новых пленников, жителей Панамы, которые не заплатили выкуп. Но два религиозных человека, которые растратили деньги госпожи, были выкуплены через три дня другими людьми, которые проявили к ним больше сострадания, чем к ней.

Примерно на середине пути в Чагре капитан Морган велел собрать их и заставил каждого поклясться, что он ничего не утаил, даже шестипенсовика. Сделав это, капитан Морган, зная, что эти развратные парни не захотят давать ложную клятву ради интереса, велел обыскать каждого очень строго, как в одежде, так и в ранцах и других местах. Да, чтобы этот приказ не был плохо воспринят его товарищами, он разрешил обыскать себя, вплоть до обуви. Для этого, по общему согласию, из каждой компании был назначен один человек, который должен был обыскивать остальных. Французским пиратам, участвовавшим в экспедиции, не понравилась эта новая практика обыска; но, будучи в меньшинстве по сравнению с англичанами, они были вынуждены подчиниться, как и остальные. Закончив поиски, они вновь поднялись на борт и 9 марта прибыли в замок Шагге.

ССЫЛКИ:

[2] Из книги *"Буканьеры Америки"*.

МАЛАЙСКИЙ ПРОАС [3]

Джеймс Фенимор Купер

Рано утром мы вышли из Сундского пролива и в течение дня довольно успешно продвигались вперед, хотя большую часть времени шли в плотную погоду. Однако как только солнце село, горизонт прояснился, и мы увидели два небольших парусника, направлявшихся, судя по всему, к побережью Суматры, по их оснастке и размерам. Они были так далеки и так явно направлялись к суше, что никто не придавал им значения и не обратил на них особого внимания. Правда, корабли обычно не доверяли проасам в этом квартале; но море полно их, и гораздо больше невинных, чем виновных в каких-либо насильственных действиях. Вскоре после появления этих судов стемнело, и ночь застигла их. Через час после захода солнца ветер упал до легкого, который только поддерживал рулевое управление кораблем. К счастью, "Джон" был не только быстр, но и управлялся со штурвалом, как легконогая девушка в оживленном танце. Я никогда не был на корабле с лучшей управляемостью, особенно в умеренную погоду.

В ту ночь мистер Марбл нес среднюю вахту, и, разумеется, я был на палубе с полуночи до четырех утра. Большую часть вахты было туманно, и около часа шел мелкий моросящий дождь. Корабль все это время шел на малом ходу, перевоза королевских особ. Поскольку все, похоже, решили провести спокойную ночь, без рифинга и закрутки, большая часть вахты спала на палубах или там, где можно было хорошо устроиться и меньше всего мешать. Не знаю, что заставляло меня бодрствовать, ведь парни моего возраста склонны спать сколько влезет; но, полагаю, я думал о Клобонни, и Грейс, и Люси; ведь последняя, отличная девушка, какой она была, часто приходила мне на ум в те дни юности и сравнительной невинности. Проснувшись, я шел матросской рысью по трапу. Мистер Марбл, как я полагаю, довольно дремал в курятнике, как и паруса, можно сказать, едва "спал". В этот момент я услышал шум, знакомый морякам: это падало весло в лодке. Мое сознание было настолько поглощено другими и далекими сценами, что сначала я не почувствовал никакого удивления, как будто мы находились в гавани, окруженной судами разных размеров, которые приходили и уходили в любое время суток. Но вторая мысль разрушила эту иллюзию, и я с интересом огляделся вокруг. Прямо на носу нашего судна, на расстоянии, наверное, кабельтова, я увидел небольшой парус, и я мог различить его достаточно хорошо, чтобы понять, что это проа. Я закричал: "Парус! и близко к борту!".

Мистер Марбл мгновенно оказался на ногах. Впоследствии он рассказал мне, что, когда открыл глаза, - в этом он признался мне по секрету, - они упали прямо на незнакомца. Он был слишком большим моряком, чтобы ему понадобился второй взгляд, чтобы понять, что нужно делать. "Держите корабль подальше, держите его подальше!" - крикнул он человеку у руля. "Положите ярд на квадрат - позовите всех, одного из вас. Капитан Роббинс, мистер Кайт, поднимите руку; чертовы проасы у нас на борту!" Последняя часть этого призыва была произнесена громким голосом, причем говорящий опустил голову в сторону компаньонского прохода. Его было достаточно хорошо слышно внизу, но почти не было слышно на палубе.

Тем временем все пришли в движение. Удивительно, как быстро моряки просыпаются, когда им действительно есть чем заняться! Мне показалось, что все наши люди собрались на палубе меньше чем за минуту, причем на большинстве из них не было ничего, кроме рубашек и брюк. Когда я услышал голос капитана, корабль был уже почти под ветром, и тут мистер Кайт засуетился среди нас, приказав большинству людей лечь на корму к брасам, сам же остался на форпике, а я остался с ним, чтобы спустить листы. На форпике странный парус был уже не виден, теперь он находился за бортом; но я слышал, как мистер Марбл клялся, что

их два, и что это, должно быть, те самые парни, которых мы видели с подветренной стороны и которые стояли на суше на закате. Я также слышал, как капитан обратился к стюарду с просьбой принести ему пороховой рожок. Сразу же после этого был отдан приказ спустить все наши простыни вперед, и тут я понял, что они несут корабль. Нас ничто не спасло, кроме быстрого приказа мистера Марбла держать корабль подальше, благодаря чему, вместо того чтобы двигаться к проасу, мы мгновенно стали удаляться от него. Хотя они прошли три фута против наших двух, это дало нам минутную передышку.

Поскольку все наши листы летели вперед и оставались такими в течение нескольких минут, это дало мне возможность осмотреться. Вскоре я увидел оба проаса и с радостью понял, что они не приблизились на значительное расстояние. Мистер Кайт тоже заметил это и заметил, что наши движения были настолько быстрыми, что "заставили негодаев растеряться". Он имел в виду, что они не сразу поняли, что мы делаем, и не стали от нас отставать.

В этот момент капитан и пять или шесть самых старых матросов начали снимать все наши пушки правого борта, или погодные пушки, всего четыре и шесть. Мы зарядили эти пушки в проливе Банка виноградом и канистрами, чтобы быть готовыми к встрече с такими пиратами, как те, что надвигались на нас сейчас; не хватало только заряда и горячего логгерхеда. Кажется, два из них уже были заложены в костер, когда мы увидели проас на закате; теперь они были в отличном состоянии для службы, и живые угли поддерживались вокруг них всю ночь по приказу. Я видел группу людей, занятых вторым орудием с носа, и мог различить капитана, указывающего на него.

"Не может быть никакой ошибки, мистер Марбл?" - заметил капитан, колеблясь, стрелять или нет.

"Ошибка, сэр? Господи, капитан Роббинс, да вы можете неделю обстреливать из пушек любой из островов за кормой, и ни один честный человек не пострадает. Дайте им это, сэр; я отвечу за это, а вы делайте добро".

Это решило дело. Логгерхед был применен, и одна из наших шестерок выступила с умным докладом. Наступила бездыханная тишина. Проасы не изменили курс, но быстро приближались к нам. Капитан навел ночной бинокль, и я услышал, как он сказал Кайту низким голосом, что на них полно людей. Теперь было приказано убрать все ружья и открыть оружейные ящики, чтобы достать мушкеты и пистолеты. Я слышал также грохот абордажных пик, когда они отрывались от шпангоута и падали на палубу. Все это звучало очень зловеще, и я начал думать, что сначала мы вступим в отчаянную схватку, а потом нам перережут глотки.

Я ожидал, что сейчас раздадутся быстрые выстрелы из пушек, но они были только подготовлены, но не стреляли. Кайт сходил на корму и вернулся с тремя или четырьмя мушкетами и столькими же пиками. Последние он отдал тем, кто не имел отношения к пушкам. К этому времени судно шло по ветру, руль был полным, а два проаса находились прямо по курсу и быстро приближались. Тишина, царившая на обоих бортах, была подобна смерти. Проасы, однако, опустились чуть дальше за кормой; результат их собственного маневрирования не вызывает сомнений, так как они двигались по воде гораздо быстрее корабля, казалось, желая зайти нам в хвост, чтобы пройти под нашей кормой и избежать нашего борта. Так как это никогда бы не удалось, а ветер посвежел и дал нам четыре или пять узлов пути, что было для нас весьма удачным обстоятельством, капитан решил взять галс, пока есть место. *Джон* вел себя прекрасно, и он обошел нас, как по маслу. Проасы увидели, что терять время нельзя, и попытались сомкнуться, прежде чем мы успеем снова наполниться; они сделали бы это с девяносто девятью кораблями из ста. Однако капитан

знал свое судно и не позволил ему сбиться с курса, заставив все рисовать заново, как это может быть по инстинкту. Проас тоже взял галс и, расположившись гораздо ближе к ветру, чем мы, казалось, вот-вот сомкнется с нашим лее-боу. Вопрос заключался в том, сможем ли мы пройти мимо них, прежде чем они подойдут достаточно близко, чтобы сцепиться. Если пираты попадут к нам на борт, мы безнадежно пропали, и все зависело от хладнокровия и рассудительности. Капитан прекрасно вел себя в этот критический момент, приказав соблюдать мертвую тишину и внимательнейшим образом выполнять его приказы.

В этот момент я был слишком сильно заинтересован, чтобы почувствовать беспокойство, которое я мог бы испытать в противном случае. На авансцене нам всем казалось, что через минуту нас возьмут на бордаж, так как один из проасов находился уже в ста футах, хотя и немного потерял свое преимущество, оказавшись под прикрытием наших парусов. Кайт приказал нам собраться у такелажа, чтобы встретить ожидаемый рывок выстрелами из мушкетов, а затем подать пики, когда я почувствовал, как меня обхватили за плечи и повернули к борту, а мое место занял другой человек. Это был Неб, который таким образом спокойно встал передо мной, чтобы первым встретить опасность. Я почувствовал досаду, хотя и был тронут привязанностью и самоотверженностью этого парня, но не успел выдать ни одного из этих чувств, как экипажи проасов подняли крик и выпустили в нас около пятидесяти или шестидесяти спичечных коробков. Воздух был полон пуль, но все они прошли над нашими головами. Ни одна душа на борту "*Джона*" не пострадала. С нашей стороны мы дали джентльменам четыре шестерки, две в ближайшую и две в самую кормовую проа, которая все еще находилась на расстоянии почти кабельтова. Как это часто бывает, хуже всего приходится тем, кто, казалось бы, находится дальше всех от опасности. Наш виноград и канистры успели разлететься, и я до сих пор слышу крики, которые раздавались с этого судна! Они были похожи на вопли обезумевших от страха людей. Эффект, произведенный на эту проа, был мгновенным; вместо того чтобы продолжать следовать за своей спутницей, она коротко крутанулась на пятке и ушла вслед за нами, на другой галс, очевидно, чтобы выйти из-под нашего огня.

Сомневаюсь, что мы задели хоть одного человека в ближайшем проа. Во всяком случае, от нее не исходило никакого шума, и она быстро подошла к нам на нос. Поскольку все пушки были разряжены, а заряжать их было некогда, все теперь зависело от того, как отбить абордажников. Часть наших людей собралась на талии, где ожидалось, что проа упадет рядом, а часть - на форштевне. Как раз в момент такого распределения пираты бросили свою гранату. Она была великолепно брошена, но поймана только ратлином. Я увидел это и уже собирался прыгнуть в такелаж, чтобы попытаться освободить его, как вдруг Неб снова опередил меня и перерезал ратлин своим ножом. Это произошло как раз в тот момент, когда пираты, бросив паруса и весла, поднялись и стали подгребать к борту. Освобождение было столь внезапным, что двадцать из них упали от собственного усилия. В таком состоянии корабль прошел вперед, все его полотнища были наполнены, оставив проа неподвижными на своем пути. Однако, проходя мимо, оба судна оказались так близко, что те, кто находился на корме "*Джона*", отчетливо видели смуглые лица своих врагов.

Не успели мы оторваться от проа, как раздался приказ: "Приготовиться!". Руль был опущен, и через минуту судно пошло на ветер. Когда мы поравнялись с двумя проасами, все наши пушки с правого борта были направлены на них, и на этом дело закончилось. Думаю, на этот раз досталось ближайшей из негодяек, потому что она унеслась вслед за своей спутницей, обе убежали в сторону островов. Мы устроили небольшое представление с погоней, но это была лишь притворство, так как мы были слишком рады уйти от них, чтобы быть серьезными. Через десять минут после того, как мы в последний раз взяли галс, мы прекратили огонь,

сделав восемь или десять выстрелов в сторону проаса, и снова легли на близкий курс, взяв курс на юго-запад.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[3] С плаву и с берега.

УДИВИТЕЛЬНАЯ БИТВА БРИСТОЛЬСКОЙ БИРЖИ С ПИРАТАМИ АЛЖИРА [4]

Сэмюэл Перчас

В 1621 году, первого ноября, некий *Джон Ролинс*, родившийся в *Рочестере* и проживший три и двадцать лет в *Плиммоте*, был отправлен в *Гибралтарский* пролив мастером *Ричардом* и *Стивеном Тревайлами*, купцами из *Плиммота*, и запряженное в барк, называемый *Николас* из *Плиммота*, весом в сорок тун, который также имел в своей компании другой корабль из *Плиммота*, называемый *Джордж Бенавентура*, весом в семьдесят тун, или около того; который, по причине его величия по сравнению с другим, я назову *адмиралом*; а *Иоанн Ролинс* Барк, если вам будет угодно, будет *вице-адмиралом*. Эти двое, в соответствии с временем года, совершили удачный переход и к восемнадцатому числу того же месяца прибыли к месту у входа в пролив, названному *Траффлегар*: Но на следующее утро, находясь в виду *Гибралтара*, в самом устье пролива, дозорные заметили пять сайл кораблей, которые, как казалось, использовали все возможные средства, чтобы приблизиться к нам, а мы, как у нас была причина, использовали же средства, чтобы уйти от них как можно дальше: однако их *адмирал* взял оба своих верхних паруса, чтобы либо мы их не заподозрили, либо чтобы его собственная компания подошла поближе. Наконец, увидев нас *христианами*, они перешли от ухищрений к явному проявлению враждебности и выступили против нас: мы снова заподозрили в них пиратов, взяли курс на бегство от них и направили все паруса, какие только могли, к *Туррифу* или *Гибралтару*: но все, что мы могли сделать, не смогло помешать их приближению. Ибо вдруг один из них подошел к нам с подветренной стороны и обрушился на нашу четверть: другой подошел к нашему лафету и стал угрожать нам, и наконец все пятеро погнались за нами, делая огромные скорости, чтобы застать нас врасплох.

Их *адмирала* звали *Каллфатер*, и у него на мейн-топ-сайте было два верхних галлантных паруса, один над другим. Но если все пять мы считали *турецкими* военными кораблями, то потом поняли, что два из них были их призами: один - небольшой корабль из *Лондона*, другой - из Вест-Контри, вышедший из *Квактата*, груженный фидами и другими товарами, но теперь подверженный морской удаче и плену пиратов. Но перейдем к нашим делам. Три из этих кораблей навалились на нас, да так сильно, что не прошло и половины дня, как *адмирал*, который был лучшим моряком, выловил "*Джорджа Бонавентуру*" и сделал из него добычу. *Вице-адмирал* снова приблизился к меньшему барку, где хозяином был *Джон Роулинс*, показал ему силу более мощного оружия и, назвав его *турецким* именем *Вилла-Райз*, приказал ему ударить по парусам и сдаться на милость, что, не уклоняясь и не препятствуя, было быстро сделано: И так *Роулинс* со своим барком был быстро взят, хотя *Реаре-Адмирал*, самый худший из всех трех, по имени *Региприз*, не входил, пока все не было сделано.

В тот же день перед ночью *адмирал*, то ли не желая докучать себе лишней компанией, то ли не зная о товаре, который можно было выручить от продажи *английских* пленников, то ли не решаясь доверить их своей компании, опасаясь мятежей и подстрекая других к бунту, отправил двенадцать человек, находившихся на "*Джордже Бонавентуре*" на суше, и еще нескольких *англичан*, которых он взял раньше, испытывать судьбу в неизвестном графстве. Но *Вилла-Райз*, вице-адмирал, захвативший *Джона Ролинса*, не захотел так обращаться со своими людьми, а приказал привести его и еще пятерых из его компании на борт своего корабля, оставив на барке трех человек и его мальчика с тринадцатью *турками* и *мурами*, которых, без сомнения, было достаточно, чтобы руководить другими и направить барк в гавань. Таким образом, они отплыли прямо в *Алжир*; но в следующую ночь за ними последовала сильная буря и плохая погода, которая закончилась не без некоторого эффекта бури: ведь они потеряли из виду барк *Роулинса*, называемый *Николасом*, и в некотором роде потеряли себя, хотя и казались безопасными на борту корабля, опасаясь, что с нами что-то случится: Наконец, в двадцатых числах того же месяца, они или мы (выбирайте сами) прибыли в *Алжир* и благополучно вошли в плесень, но не нашли там другого нашего барка; хотя мы настойчиво расспрашивали о нем, но ничего не услышали к нашему удовлетворению; зато многое было улажено к нашему неудобству и изумлению. Ибо, хотя капитан и наши надзиратели не хотели, чтобы мы имели какие-либо переговоры с нашими соотечественниками, мы все же приключились, чтобы сообщить себе о нынешних делах, как города, так и судоходства: Так что, обнаружив, что многие *англичане* работают на других кораблях, они не пожалели рассказать нам об опасности, в которой мы находимся, и о бедах, которые мы должны понести, будучи уверенными, что если нас не используют как рабов, то продадут как рабов; ведь было пятьсот человек, привезенных на рынок для той же цели, и более ста славных молодых людей, которых заставили стать *турками* или подвергли более гнусной проституции, и все *англичане*: Но, как добрые *христиане*, они советовали нам не унывать и утешать себя тем, что божьи испытания - это мягкое очищение, а эти кресты лишь очищают золото от грязи и выводят нас из огня еще более чистыми и прекрасными. И все же я должен признаться, что они дали нам повод для такой жестокости, как будто решили отомстить за нашу последнюю попытку поджечь их корабли в плесени, и поэтому заявили, что не пощадят никого, кого смогут застать врасплох и взять живым; но либо продадут за деньги, либо будут мучить их, чтобы они служили своим собственным целям. Их обычаи и нравы в обоих случаях были таковы.

Во-первых, что касается первого. *Башав* наблюдал за всеми пленниками, которых ему представляли при первом входе в гавань, и выбирал одного из каждых восьми для подарка или платы себе; остальных оценивали капитаны и отправляли на рынок для продажи; если же кто-то из них упирался или отступал, то определенные *муры* и офицеры либо били вас вперед, либо втыкали в бока лопатами; таков был способ продажи рабов.

Во-вторых, что касается принуждения их либо к обращению в *турок*, либо к участию в их мерзостях и нечестии, то, хотя у христианина сердце кровью обливается, когда он слышит об этом, все же нельзя скрывать правду и не рассказывать об ужасе. Обычно их кладут на голые спины или животы, бьют так долго, пока у них не пойдет кровь из носа и рта; а если они не перестают, то выбивают им зубы из головы, щиплют за языки и применяют множество других пыток, чтобы обратить их; Многие кладут их в землю по всей длине, как в могилу, и обкладывают мечами, угрожая умерить голодом, если они не обратятся; и так многие, даже боясь мучений и смерти, заставляют свои языки предавать свои сердца самому страшному нечестию, и так обрезаются с новыми именами и приводятся к исповеданию новой религии. Другие же, должен признаться, никогда не знавшие никакого Бога, кроме своих чувственных похотей и удовольствий, думали, что любая религия послужит их интересам, и поэтому ради

преференций или богатства очень добровольно отказывались от своей веры и становились *ренегатами*, презирая любые советы, которые, казалось, могли их перехватить: и это были первые новички, с которыми мы столкнулись, когда впервые приехали в *Алжир*.

26. 26. того же месяца *Иоанн Ролинс*, его барк, с тремя другими людьми и мальчиком, благополучно пришли в плесень, и их собрали вместе, чтобы отвести к *башау*, но те взяли слугу владельца и мальчика *Ролинса* и силой и пытками заставили их обратиться в *турков*: Всего было семь *англичан*, кроме *Иоанна Роулинса*, из которых *башау* забрали одного, а остальных отправили к своим капитанам, которые назначили им цену, и таким образом сулдиры торопили нас, как собак, на рынок, тогда как в *Англии* люди продают хакни. Нас швыряли вверх и вниз, чтобы посмотреть, кто даст за нас больше; и хотя у нас были тяжелые сердца и печальные лица, многие подходили посмотреть на нас, иногда брали нас за руки, иногда поворачивали вокруг себя, иногда ощупывали наши мускулы и голые руки, и, увидев наши цены, написанные на груди, торговались за нас соответственно, и наконец мы все были проданы, и сулдиры вернулись с деньгами к своим капитанам.

Джон Роулинс был последним, кого продали из-за его хромой руки, и его купил капитан, который взял его, даже этот пес *Вилла Райз*, который, сообщив себе о его умении быть лоцманом и опыте, чтобы быть капитаном, купил его и его плотника по очень легкой цене. Ибо, как мы потом узнали от разных *английских ренегатов*, он заплатил за *Ролинса* всего сто пятьдесят дублетов, что в *английских* деньгах составляет семь фунтов десять шиллингов. Таким образом, он и его плотник с другими рабами были отправлены на корабль, чтобы работать и заниматься делами, связанными с оснасткой и подготовкой корабля. Но злодейские *турки*, заметив, что у него хромая рука и что он не может работать так, как другие рабы, быстро пожаловались своему покровителю, который так же быстро понял, что это неудобно; Тогда он послал за ним на следующий день и сказал ему, что он непригоден для его нынешней цели, и поэтому, если он не сможет получить за него выкуп в размере пятнадцати фунтов у *англичан*, он отправит его в графство, где он никогда больше не увидит *христианства* и перенесет крайности жалкого изгнания.

Но посмотрите, как Бог делает все к лучшему для своих слуг, и сбивает с толку самонадеянность тиранов, разрушая их цели, чтобы сделать свои чудеса известными сынам человеческим, и освобождает своих людей, когда они меньше всего думают о помощи и освобождении. Пока *Джон Роулинс* был напуган дотошным ответом *Виллы Райз*, корабль *Бристоу* из *Биржи*,^[5] ранее удивленный пиратами, лежал в гавани весь без риг, пока наконец один *Джон Гудейл*, *английский турок*, со своими единомышленниками, понимая, что она хороший моряк и может стать подходящим военным человеком, не купил ее у *турков*, которые ее захватили, и не подготовил ее для своей собственной цели. Капитаном, который привел их в рабочее состояние, был также *английский ренегат* по имени *Рамметхам Райз*, но по христианскому имени *Хенри Чандлер*, который решил сделать *Гудейла* хозяином на ней; И поскольку оба они были *английскими турками*, имея, несмотря на это, командование над многими *турками* и *мурами*, они решили, что все *английские* рабы будут ездить на ней, а для их артиллеристов - *английские* и *голландские ренегаты*, и так они договорились с покровителями о девяти *английских* и одном *французском* рабе за их выкуп, которые были вскоре наняты для оснастки и оборудования корабля для военного дела, и пока они были заняты этим, двое из людей *Иона Роулинса*, которые были взяты с ним, также были взяты для службы в этом военном деле, Их звали *Иамес Ро* и *Ион Дэвис*, один жил в *Плиммоте*, а другой - в *Фое*, где жил и командир этого корабля, и по этому случаю они познакомились, так что и капитан, и хозяин обещали им хорошее использование, за хорошую службу, которую они будут нести в плавании, и все время требовали от них, не

знают ли они какого-нибудь *англичанина*, которого можно было бы купить и который мог бы служить лоцманом, чтобы выводить их из гавани и вести в плавание. Ибо, по правде говоря, ни капитан не был моряком, ни *турок* на нем не было достаточно, чтобы безопасно провести его через проливы и противостоять любому врагу, который бы храбро держался против них. *Дэвис* быстро ответил, что, насколько он понимает, *Вилла Райз* продаст *Джона Роулинса*, его капитана и командира захваченного барка, человека, вполне достаточного для морских дел, обладающего большой решимостью и хорошим опытом; и хотя у него хромая рука, у него было здоровое сердце и благородное мужество для любой попытки или приключения.

Когда капитан все понял, он поручил *Дэвису* разыскать *Ролинса*, который, наконец, настигнув его, спросил, не продаст ли его *турок*: *Роулинс* неожиданно ответил, что из-за хромой руки он готов с ним расстаться, но поскольку он выделил за него деньги, то хотел бы получить за него что-нибудь, и оценил его в триста дублетов, что составляет пятьдесят фунтов *английских*, которые он должен достать или понести более тяжкие убытки. Когда *Дэвис* засвидетельствовал эту сумму, *турки* на борту корабля посовещались о деле, и мастер, чье христианское имя было *Иоанн Гудейл*, обрадовался двум *туркам*, которые были с ним в согласии, и выдал сто дублетов за штуку, и таким образом купил его у *Вилла Райза*, отправив его на упомянутый корабль, называемый "*Биржа Бристоу*", как для надзора за тем, что было сделано, так и для распоряжения тем, что еще не было сделано, но особенно для подгонки парусов и размещения корабля, в чем *Роулинс* был очень осторожен и усерден, еще не думая о каком-либо особом плане избавления, кроме общего желания быть освобожденным от этого *турецкого* рабства и бесчеловечных злоупотреблений.

К седьмому января корабль был подготовлен с двенадцатью хорошими литейщиками и всеми видами снаряжения и провизии, которые полагались для такой цели, и в тот же день вышел из *Алжирского* мола с этой компанией и в таком виде.

В ней было три *турка* и *мура*, девять *английских* рабов и один *француз*, четыре *голландца*, которые были свободными людьми, которым *турки* обещали ту или иную мзду и возвращение в Голландию; если же они захотят вернуться в *Алжир*, им полагалось большое вознаграждение и никаких принудительных мер, но они должны были продолжать жить так, как им хочется, как их религия, так и их обычаи; а для артиллеристов у них было два наших соулдера, один *английский* и один *голландский* ренегат; и так много для компании. Что касается способа отправления, то он был таким же обычным, как и на других кораблях, но *турки* восхищались показной храбростью своих стримеров, знамен и верхних сайлентов; корабль был красивым и хорошо построенным для любой цели. Рабы и *англичане* были размещены под люками для наведения порядка и других работ, и размещались сами: все это *Иоанн Ролинс* отметил, как нестерпимое рабство - принимать такие страдания и подвергаться таким опасностям, и все же обогащать других людей и поддерживать свою сладострастную грязь и жизнь, возвращая себя в рабство, и жить хуже, чем их собаки среди них. После чего он разразился такими или подобными резкими речами: "О адское рабство - быть покорным псам! О, Боже, укрепи мое сердце и руку, чтобы было сделано что-нибудь, чтобы избавить нас от этих бед и избавить нас от этих жестоких *махуметанских* собак!" Другие рабы, сочувствуя его расстройству (как они думали), заставили его говорить тише, чтобы всем им не было хуже от его расстройства. "Что может быть хуже, - сказал *Роулинс*, - что может быть хуже? Я либо попытаюсь освободиться в одно время, либо в другое, либо погибну в этом предприятии; но если вы будете довольны выслушать меня после освобождения и порадуетесь вместе со мной, я не сомневаюсь, что облегчу вам задачу и покажу вам, как сделать так, чтобы ваши кредиты процветали благодаря какой-нибудь удивительной работе, и преумножить вашу славу в приобретении свободы". "Я притворяюсь,

что будьте спокойны (сказал он снова) и не думайте о невозможностях: но если вы сможете открыть такую дверь разума и правдоподобия, чтобы нас не осудили за отчаянных и рассеянных людей, вытаскивающих Солнце как бы из тверди, мы можем только пожертвовать нашими жизнями, и вы можете быть уверены в сохранности и верности".

Пятнадцатого января утренняя вода принесла нас к *мысу де Гатт*, расположенному у берега; в нашей компании был небольшой *турецкий* корабль *Warre*, который на следующий день вышел за нами из *Алжира*, а теперь находился с нами и дал нам знать о семи небольших судах, шесть из которых были *Sallees*, а одно *Pollack*, которые очень быстро появились в поле зрения, и мы направились к ним: Но, имея большее преимущество над "*Поллаком*", чем над остальными, и не желая терять все, мы подхватили ее и принесли ей надежду на выздоровление, и когда она поняла, что скорее добровольно попадет в рабство к этим *магометанам*, она бросилась наутек, и все люди от нее отстали. Мы все еще следовали за ней, как только могли, и, опасаясь расколоться, бросили якоря, отправив обе наши лодки, где было много мушкетеров и несколько *английских* и *голландских* ренегатов, которые вернулись домой на своем *конге* и нашли три орудия и четыре муртера: Но они сразу же бросили их все на борт, чтобы облегчить корабль, и таким образом они сняли его, нагрузив шурами и бревнами для умирания, и вскоре отправили его в *Алжир*, взяв девять *турок* и одного *английского* раба с одного корабля и шесть с меньшего, что мы сочли достаточным для его укомплектования.

Во время разграбления этой *Кателайнии* наши *турки* перессорились друг с другом, да так, что мы разделились, меньший корабль вернулся в *Алжир*, а наш "*Биржа*" воспользовался попутным ветром и вышел из Стрейтса, что очень порадовало *Джона Роулинза*, решившего при удобном случае применить какую-нибудь стратагему. Тем временем *турки* начали роптать и не хотели охотно идти в *Марр-Гранад*, как говорят у них: несмотря на это, *муры*, будучи очень суеверными, довольствовались тем, что их направлял *Хошеа*, который у нас означает колдуна и пользуется среди них большим авторитетом, так как без него не выходят в море ни на одном большом судне, и наблюдают за тем, что он заключает из своих гаданий. Церемоний, которые они используют, много, и когда они выходят в океан, каждую вторую или третью ночь они совершают свои заклинания; они начинаются и заканчиваются молитвой, используя множество символов и призывая Бога под разными именами: но в это время все, что они делали, состояло в этих деталях.

Когда мы увидели два больших корабля и испугались, что они нас преследуют, так как предполагали, что это *испанские* военные люди, на корабле воцарилась тишина, и когда все было сделано, компания зашумела; капитан подошел к *Джону Ролинсу* и иногда заставлял его взять все свои сайлоки, а иногда заставлял его выкинуть их все, как ведьма находила по его книгам и предсказаниям; Тогда на подушке лежат две стрелы и кортик; стрелы одна за *турок*, другая за христиан; тогда ведьма читает, а капитан или кто-нибудь другой берет стрелы в руки, головы, и если стрела за христиан окажется над головой стрелы за *турок*, то они выдвигают свои стрелы и не выдерживают боя, что бы они ни увидели: Но если стрела *турок* окажется в отверстии руки у стрелы христиан, то они останутся и встретятся с любым кораблем. Кувалду берет какой-нибудь ребенок, который не виновен или, скорее, не знает церемонии, и снова кладет ее; тогда они наблюдают, та ли сторона находится сверху, которая лежала раньше, и поступают соответствующим образом.

Они также наблюдают за лунатиками и переменами, а конюх записывает свои изречения в книгу, опускаясь на землю, как будто он шепчет дьяволу, чтобы тот сказал ему правду, и так излагает письмо, как по вдохновению. Есть у них и много других глупых обрядов, в которых они принимают столь же глупые решения.

Пока он был занят и демонстрировал, что все закончено, люди на корабле подняли большой крик и закричали: "Сайл, сайл", и в конце концов выяснилось, что это еще один человек из *турецкой* войны. Он направился к нам и послал за нами свою лодку, которой наш капитан пожаловался, что *турки*, будучи зажаты у южного мыса и не совершив никакого плавания, отказываются плыть дальше на север: Но капитан решил не возвращаться в *Алжир*, если только ему не удастся получить награду, достойную его терпения, а отправиться в *Салль* и сказать своим христианам, чтобы они накормили его корабль; Другой капитан опасался за свою честь и убедил *турок* быть ему послушными; после этого наступило умиротворение среди нас, и *турок* взял курс на Стрейтс, а мы двинулись на север, ожидая в добрый час какой-нибудь выгодной добычи.

Все это время продолжалось наше рабство, и *турки* с оскорбительным тиранством заставляли нас по-прежнему работать во всех низменных и подневольных делах, добавляя удары и бесчеловечные поношения даже во время нашего величайшего труда, и тогда *Джон Роулинс* решил добиться своей свободы и удивить корабль; снабдив корабль веревками с широкими железными шипами и всеми железными коронками, с помощью которых он знал способ, с согласия остальных, закрепить или привязать их скаттели, решетки и кабины, да запереть самого капитана со всеми его приближенными, и так справиться с делом, чтобы по сигналу вахты *англичане*, будучи хозяевами орудий, снарядов и пороха, либо сдули бы их в море, либо убили бы, когда они вздумают спускаться один за другим, если им вздумается открыть свои каюты. Но так как ему было выгоднее продолжать свое предприятие, поскольку он несколько неожиданно открылся девяти *английским* рабам, то и с четырьмя *голландцами*, которые были свободными людьми, он держался на таком же расстоянии, пока, обнаружив, что они приближаются к ним, не ознакомил их со всем заговором, и они, затронув заговор, предложили авантюру своей жизни в этом деле. Затем он очень осторожно подорвал *английского* ренегата, который был артиллеристом, и еще трех его помощников, которые поначалу, казалось, отступили. Последними были приведены *голландские* ренегаты, которые также находились в оружейной, ибо всегда их там было двенадцать, пять христиан, семь *англичан* и *голландских турок*: Так что, когда очередное движение уладило их решения, а *Джон Роулинс* своим постоянством вдохнул в дело новую жизнь, четверо *голландцев* очень честно, согласно своему обещанию, вызвали *голландских* ренегатов, которые с легкой убедительностью дали свое согласие на столь смелое предприятие; после чего *Джон Роулинс*, не заботясь о том, будут ли *английские* артиллеристы выходить или нет, решил в утреннюю вахту капитана предпринять попытку. Но вы должны понимать, что там, где лежали *английские* рабы, всегда висело четыре или пять воронов железа, которые все еще находились под повозками пик, а когда приближалось время, было очень темно, потому *Джон Роулинс* держал свой ворон железа наготове, как и другие вещи, и другие люди приготовились на своих местах, при извлечении его из повозки он случайно ударился о борт пики, произведя такой шум, что услышавшие это соулдиры разбудили *турок* и велели им спуститься вниз: После этого спустился боцман *турок* со свечой и обыскал все места, где находились рабы, много шумел, но не нашел ни секиры, ни молота, ни чего-либо другого, что могло бы вызвать подозрение в этом преступлении, а только железного ворона, который лежал под повозками пиктов, они спокойно поднялись снова и рассказали капитану о случившемся, который удовлетворился тем, что это обычное дело, когда железный ворон соскальзывает со своего места. Но по этому случаю мы прекратили нашу попытку, решив, однако, воспользоваться другим или более благоприятным случаем.

Мы двинулись еще дальше на север, и у *Роулинса* было больше времени, чтобы возиться со своими артиллеристами и остальными *английскими* ренегатами, которые очень охотно, рассмотрев дело и разобравшись в причинах, уступили проекту и с какой-то радостью,

казалось, прониклись его мотивами: Но они остановились на первом же задании, кто должен начать предприятие, что никак не подходило для них, потому что они были не рабами, а ренегатами, и поэтому всегда имели выгодное предприятие среди них. Но когда это однажды будет применено на практике, они будут уверены, что это их не разочарует, и они рискнут жизнью ради Бога и своего графства. Но однажды он снова разочаровывается, и подозрительная случайность заставляет его вновь воспрянуть духом и задуматься об опасности затеи, и так оно и было. После того, как пулеметчик-ренегат заявил о своей непричастности ко всему, что могло бы побудить человека поверить ему, он поднялся на Скоттл, но не пробыл там и четверти часа, а только спустился вниз, и в роуме пулеметчика сидел *Роулинз*, который пришел за ним туда, где его оставил: Не успел он расположиться и вступить в переговоры, как туда вошел разъяренный *турок* с выхваченным ножом и представил его *Роулинзу*, который, верно, полагал, что тот намерен его убить, так как подозревал, что ганнер что-то обнаружил, отчего *Роулинз* был очень тронут и поспешно спросил, что это значит и не убьет ли он его, заметив, что лицо его собеседника изменило цвет, отчего его подозрительное сердце осудило его за предателя: Но на досуге он поклялся в обратном и впоследствии оказался верным и трудолюбивым в этом деле. Пока же он ответил *Роулинзу* так: "Нет, господин, не бойтесь, я думаю, что он просто *шутит*". С этими словами *Джон Ролинс* немного отступил назад и вытащил свой нож, подошел к ножнам артиллериста и вынул свой, так что у него оказалось два ножа к одному, и когда *турок* это понял, он отбросил свой нож, сказав, что он с ним только шутит. Но когда пушкарь понял, что *Роулинз* так плохо к этому относится, он прошептал ему что-то в ухо, что в конце концов удовлетворило его, призвав Небо в свидетели, что он никогда не говорил ни слова об этой аванюре и никогда не скажет, ни к ущербу для дела, ни к опасности для своей персоны. Несмотря на это, *Роулинз* всю ночь держал ножи в рукаве и был несколько обеспокоен тем, что поставил столь многих в известность о столь важном деле; но на следующий день, когда он увидел, что берег чист, и что нет причин для дальнейших опасений, он несколько успокоил себя.

Все это время *Ролинс* уговаривал капитана лечь к северному мысу, уверяя его, что таким образом он не упустит приза, что и произошло, как хотелось бы: но на самом деле его козни были направлены на то, чтобы отвлечь его от снабжения или помощи *турок*, если Бог уступит их стремлению или удастся одержать победу: А пока, шестого февраля, находясь в двенадцати лигах от мыса, мы обнаружили сайлу и, воспользовавшись попутным ветром, погнались за ней и наконец настигли ее, заставив ударить все ее сайлы, из чего мы узнали, что это барк, принадлежащий *Тор-Бей*, недалеко от *Дартмута*, который пришел из *Ауэрура* с грузом соли. До того, как мы полностью отчалили, случилась плохая погода, так что мы не могли или, по крайней мере, *не хотели* разглядеть нашу лодку, но заставили хозяина барка спустить свою и подойти к борту со своей компанией, а в барке было девять человек и один мальчик; И вот хозяин, оставив на корабле своего помощника с двумя людьми, сам пришел с пятью людьми и мальчиком к нам, после чего наш *турецкий* капитан послал на корабль десять *турок*, среди которых были два *голландца* и один английский ренегат, которые были из нашей конфедерации и были знакомы с нашим делом.

Но когда *Роулинс* увидел эту часть своих друзей; прежде чем они успели отплыть на лодке к барке, он решил поговорить с ними, и сказал им прямо, что будет вести дело либо этой ночью, либо следующей, и поэтому, что бы из этого ни вышло, они должны сообщить *англичанам* о своем решении и направиться в *Англию*, неся штурвал, пока *турки* спят и не подозревают о таком деле: Ибо, по милости божьей, в первую же вахту, около полуночи, он покажет им свет, по которому они смогут понять, что предприятие начато или, по крайней мере, находится в хорошем предвидении для исполнения: и вот лодку спустили, и они

пришли к барке *залива Тор*, где оставшийся (как вы уже слышали) помощник капитана быстро сообразил, в чем дело, и с изумлением выслушал разговор. Но время было дорого, и не стоило тратить его на споры и сомнения, смогли ли *турки*, которые были с ними, овладеть ими или нет, ведь их было семь против шести, учитывая, что у них был руль корабля, а *турки*, будучи соулдерами и невеждами в морских делах, не могли узнать, идут они в *Алжир* или нет; а если идут, то они решили по примеру *Ролинса* перерезать им глотки или бросить их на борт: И вот я оставляю их, чтобы они воспользовались указаниями ренегатов и снова вернулись к *Ролинсу*.

Хозяин барка *Тор-Бей* и его компания были быстро обысканы, так же быстро разграблены и отведены на свободу корабля, где *Ролинс* имел досуг, чтобы посвятить его в прискорбные новости об их крайностях, и в словах, о каждой детали, которая соответствовала цели: да, он сказал ему, что этой ночью он должен потерять их из виду, так как они будут плыть в *Англию*, и он будет этой ночью и всегда молиться за их хороший успех и безопасное избавление.

Когда хозяин барка *Тор-Бей* выслушал его и увидел, что его компания причастна к его стоицизму, все они замолчали, не то сомневаясь в его словах, не то боясь попытки, но решив помочь ему. И все же, чтобы показать себя понимающим человеком, он спросил *Ролинса*, какое у него оружие и каким способом он будет выполнять дело: тот ответил, что у него есть веревки и железные крючья, чтобы скреплять шотландки, решетки и кабаны, также у него есть в оружейной палатке два куртексных орудия, а у рабов - пять воронов железа: Кроме того, во время потасовки они не стали оспаривать некоторые виды оружия соулдиров. Тогда он сказал им, что они уверены в орудиях, оружейном доме и порохе, и, заблокировав их, либо убьют их, когда они будут спускаться, либо повернут орудия против их кабин, либо взорвут их в аир по той или иной стратегии; и таким образом они были довольны со всех сторон и решились на вылазку.

На следующее утро, седьмого февраля, приза *Тор-Бей* не было видно и не было найдено, и тогда капитан начал бушевать и ругаться, приказав *Ролинсу* обыскать моря вдоль и поперек в поисках ее, и тот потратил на это весь день, но безрезультатно: тогда, когда юмор был потрачен, капитан успокоил себя, полагая, что обязательно найдет ее в *Алжире*: Но с позволения Властителя всех действий, *Алжир* был *Англией*, и все его злодеяния расстроились: ибо *Ролинс*, будучи теперь встревожен, чтобы не вернуться в таком настроении к *Стрейтам*, восьмого февраля спустился в трюм и, обнаружив внизу большое количество воды, сообщил об этом капитану, добавив, что она не доходит до пумпы, что он сказал очень вежливо, чтобы он мог убрать орудия. Когда капитан спросил его о причине, он сказал, что корабль слишком далеко от головы: тогда он велел использовать все возможные средства, чтобы привести его в порядок: "Конечно, - сказал *Ролинс*, - мы должны бросить наши тросы и принести четыре пики с орудиями, и это принесет воду к пумпе"; что и было сделано на практике, так что пики были обычно сделаны быстро, чтобы помешать кораблю, мы принесли две из них с их рылами прямо перед бинаклем, и так как ренегатские *флемминги* не начнут, было сделано следующее заключение: что на корабле три палубы, а та, что принадлежит канониру, должна быть вся там, и разбить нижнюю палубу. *Английские* рабы, которые всегда лежали на средних палубах, должны делать то же самое и следить за скаттелями: Сам *Ролинс* договорился с канониром о таком количестве пороха, которым можно было бы присыпать пики, и сказал всем, что нет лучшего слова для наблюдения и лучшего средства для начала, чем по сигналу пики поднять крик и вопль, во имя Бога, и короля *Иамеса*, и святого *Георгия* для *Англии*!

Когда все было готово, и каждый решился, зная, что ему предстоит сделать, а час, когда это должно произойти, был два часа пополудни, *Роулинс* посоветовал мастеру-оружейнику

обратиться к капитану, чтобы соулдеры пришли на пуп, который приведет корабль следом: На что капитан согласился, и, по совету канониров, соулдиры собрались на пупе, числом двадцать, а пятеро или шестеро пошли в капитанскую хижину, где всегда лежали куртехи и мишени, и мы принялись за работу, чтобы вычерпать воду, и продолжали дело весело до следующего дня, который прошел, как и первый, - девятое февраля, и, как должно молиться Богу, это был триумф нашей победы.

Ибо к тому времени все было готово, и сульдиеры сели на пуп, как и накануне: во избежание подозрений все, что принадлежало оружейнику, спустилось вниз, а рабы на средней палубе занялись своими делами, так что мы могли составить наш счет таким образом. Во-первых, девять *английских* рабов, кроме *Иона Ролинса*: пять человек из *Тор-Бея* и один мальчик, четыре *английских* ренегата и два *француза*, четыре *голландца*: всего четыре двадцать человек и один мальчик, так что, вознеся сердца и руки к Богу за успех дела, мы были чудесно воодушевлены; и улеглись сами собой, пока сообщение о пирушке не предупредило нас о предприятии. Вы должны учесть, что в этой компании были два человека *Роулинса*, *Иамес Ро* и *Джон Дэвис*, которых он привез из *Англии* и которых морская удача привела в то же положение, что и их хозяина. Они были отправлены около полудня (как я уже сказал, девятого февраля), чтобы приготовить свои спички, в то время как все *турки* или, по крайней мере, большинство из них стояли на пупе, чтобы утяжелить корабль, как это было, чтобы принести воду вперед к пуму: один принес свою спичку зажженной между двумя ложками, другой - в маленькой пиале из банки: И вот, во имя Господа, *турки* и *муры* расположились, как вы слышали, в количестве пяти и сорока человек, а *Ролинс* заложил тук-холы, *Иамес Ро* поджег одну из пик, около двух часов пополудни, и конфедераты, получив предупреждение, радостно закричали: От выстрела пики зазвенели и разбились все бинакли и компасы, а шум рабов порадовал всех соулдеров, пока они не увидели, что четверть корабля разорвана, и не почувствовали, что все тело под ними сотрясается: понимая, что корабль удивлен, а попытка направлена на их полное уничтожение, никогда Медведица, лишенная своих приплодов, не была такой падшей и безумной: Ибо они не только называли нас собаками и кричали: "*Усан де Ламаир*", что равносильно тому, чтобы сказать: "Фортуна войн": но и пытались издеваться над плантаторами, пуская в ход молотки, секиры, ножи, орала, лодочные крючья, их кукри, и все, что попадалось под руку, кроме камней и кирпичей в кукри-руме, и все это они бросали среди нас, все еще и еще пытаясь выломать и вырвать люки и бурдюки рулевого, не прекращая своих прежних поношений и ужасных богохульств и поношений.

Когда *Джон Ролинс* увидел, что они так буйны, и понял, как рабы очистили палубы от всех *турок* и *муров*, он поставил караул на порох и зарядил против них их собственные мушкеты, убивая их из разных отверстий, как спереди, так и сзади, и так уменьшил их число, к радости всех наших сердец, Тогда они закричали и позвали лоцмана, и *Роулинс* с несколькими охранниками пошел к ним и понял по их коленопреклонению, что они молят о пощаде и спасении их жизней, и они спустятся, что он и приказал им сделать, и тогда их взяли одного за другим и связали, да убили их собственными кукрицами; Когда остальные поняли это, они называли нас *английскими* собаками и поносили многими оскорбительными словами, некоторые прыгали через борт, крича, что это шанс войны; некоторые были закованы в манатки и брошены через борт, а некоторые были зарублены и растерзаны кривоzubыми, пока корабль не был очищен, и мы сами были уверены в победе.

При первом же сообщении о нашем писе и о том, что на палубе поднялась суматоха, капитан писал в своей кабине и, услышав шум, подумал, что это какое-то странное происшествие, и вышел со своим кортиком в руке, намереваясь своей властью утихомирить злодея: Но когда он бросил на нас взгляд и увидел, что мы собираемся напасть на корабль, он отбросил свою

картину и стал умолять нас спасти ему жизнь, рассказывая *Роулинзу*, как он выкупил его из *Вилла-Риза* и с тех пор предоставил ему место командира на корабле, кроме того, честно служил ему во время всего плавания. *Ролинс* во всем признался и, наконец, смиловился и привез капитана и еще пятерых в *Англию*. Капитана звали *Рамтам-Райз*, но его христианское имя *Генри Чандлер*, и, как говорят, он был сыном Чандлера в Саутварке. *Джон Гудейл* также был английским турком. *Ричард Кларк*, по-турецки *Иафар*; *Джордж Кук*, *Рамдам*; *Иоанн Браун*, *Мамме*; *Уильям Винтер*, *Мустафа*; кроме того, все рабы и голландцы, а также другие ренегаты, которые были готовы примириться со своим истинным Спасителем, как ранее соблазненные надеждами на богатство, честь, преференции и подобными дьявольскими приманками, чтобы уловить души смертных людей и опутать хрупкость оковами ужасных злоупотреблений и самозваного обмана.

Когда все было сделано и корабль очистился от мертвых тел, *Иоанн Ролинс* собрал своих людей вместе и с единодушным согласием воздал хвалу Богу, используя привычную службу на корабле, и за неимением книг возносили свои голоса к Богу, когда он вкладывал в их сердца или обновлял их память: Затем они пели псалмы и, наконец, обнимали друг друга за то, что сыграли роль людей в таком избавлении, отчего наш страх превратился в радость, а трепещущие сердца возвысились, что мы избежали столь неизбежных опасностей, а особенно рабства и ужаса неволи, которые хуже самой смерти. В ту же ночь мы вымыли корабль, привели все вещи в порядок, как могли, починили сломанную четверть, установили бинокль и понеслись по Хельме в *Англию*, где по милости Божьей и доброму руководству прибыли в *Плиммот*, тринадцатого февраля, и были встречены, как возвращение заблудшей овцы или как вы читали о любящей матери, которая бежит с объятиями, чтобы развлечь своего сына после долгого плавания и избавления от многих опасностей.

Вскоре после этого мы узнали от наших единомышленников, вернувшихся домой на барке *Торбея*, что они прибыли в *Пенсанс* в *Корне-стене* одиннадцатого февраля: и если кто-нибудь спросит, как они избавились, учитывая, что для ее спасения было послано десять турок, я скажу вам и это: На следующий день после того, как они нас потеряли, как вы слышали, трое ренегатов ознакомили мастеров и двух англичан на ней с решимостью *Роулинса*, и что они сами будут верны им и помогут им в любом предприятии: тогда, если наступит худшее, их было только семь против шести: но как это случилось, у них был более легкий путь, то буйство, или человекоубийство. Ибо они заставили турок усомниться, что ветер попутный и что они идут в *Алжир*, пока не подошли к *Англии*, которую один из них среди остальных обнаружил, прямо сказав, что эта земля не похожа на *мыс Винсент*; "Да, верю, - сказал он, который был на хельме, - и вы будете довольны, спуститесь в трюм и набейте солью по ветру, чтобы корабль мог нести полный сайлент, вы узнаете и увидите больше к утру": После этого пятеро из них спустились вниз очень организованно, ренегаты заснули, а затем поднялись и с помощью двух англичан заколотили люки, отчего главный из них сильно возмущился и начал было раздражаться хохотом и гневом, если бы его быстро не подавили. Один из них подошел к нему, выбил ему мозги и бросил его за борт: остальных привели в *Экстерьер* и либо предали суду, согласно наказанию преступников такого рода, либо распорядились ими, как сочтут нужным король и совет, и такова история этого избавления и конец путешествия *Джона Роулинза*. Актеры в этой комической трагедии в большинстве своем живы; турки в тюрьме; корабль должен быть захвачен, и сам *Роулинз* осмелится оправдать это дело.

ССЫЛКИ:

[4] Из *Purchas, His Pilgrims*.

[5] Бристоль.

ДОЧЬ ВЕЛИКОГО МАГНАТА [6]

Даниэль Дефо

За это время я продолжил свое плавание, обошел весь Малабарский берег и не встретил ни одной покупки, кроме большого португальского ост-индского корабля, который я загнал в Гоа, где он вышел из-под моего контроля. Я захватил несколько небольших судов и барков, но в них было мало ценного, пока я не вошел в большой Бенгальский залив, когда я начал смотреть вокруг себя с большей надеждой на успех, хотя и без перспективы того, что случилось.

Я крейсировал здесь около двух месяцев, не найдя ничего стоящего; тогда я удалился в порт на северной оконечности острова Суматра, где не стал задерживаться, ибо здесь я получил известие, что два больших корабля, принадлежавших Великому Моголу, должны пересечь залив от Хугли, на Ганге, в страну короля Пегу, чтобы перевезти в Пегу внучку Великого Могола, которая должна была выйти замуж за короля этой страны, со всей ее свитой, драгоценностями и богатством.

Это была добыча, за которой стоило следить, хотя прошло еще несколько месяцев; и я решил, что мы отправимся в плавание у Пойнт-Негарис, на восточной стороне залива, недалеко от острова Даймонд; здесь мы бороздили просторы в течение трех недель и уже начали отчаиваться в успехе; но знание о добыче, которую мы ожидали, подстегнуло нас, и мы ждали с большим терпением, ибо знали, что приз будет очень богатым.

Наконец мы заметили три корабля, идущих прямо на нас с попутным ветром. По парусам мы легко определили, что это не европейцы, и стали готовиться не к бою, а к призу; но были несколько разочарованы, когда обнаружили, что первый корабль полон пушек и солдат и, если бы им управляли английские моряки, мог бы сразиться с двумя такими кораблями, как наш. Однако мы решили напасть на него, если бы он был полон дьяволов, как он был полон людей.

Соответственно, когда мы приблизились к ним, мы выстрелили из пушки с дробью в качестве вызова. Они тут же выстрелили из трех или четырех пушек, но стреляли так беспорядочно, что мы сразу увидели, что они не понимают своего дела; тогда мы подумали, как бы положить их на борт и таким образом помешать им, если удастся; но, падая из-за отсутствия ветра, открытые для них, мы дали им честный удар в борт. По беспорядку, царившему на борту, можно было понять, что они перепугались до смерти; они стреляли то из пушки, то из пушки, причем как с той стороны, которая была от нас, так и с той, которая была рядом с нами. Следующее, что мы сделали, это положили их на борт, что и сделали, а затем дали по ним залп мелкой дробью, которая, поскольку они стояли так плотно, убила многих из них, а всех остальных заставила бежать вниз под люки, крича, как заколдованные существа. Одним словом, мы быстро захватили корабль и, взяв его людей, погнались за двумя другими. На одном из них были в основном женщины, а на другом - пиломатериалы. В целом, как внучка

Великого Могола была нашим призом на первом корабле, так и на втором были ее женщины, или, одним словом, ее домашние, ее евнухи, все необходимое для ее гардероба, конюшен и кухни; а на последнем - огромное количество домашних вещей и вещей менее дорогих, но не менее полезных.

Но главным призом был первый. Когда мои люди вошли на корабль и овладели им, один из наших лейтенантов позвал меня, и я, соответственно, вскочил на борт. Он сказал мне, что, по его мнению, никто, кроме меня, не должен входить в большую каюту, или, по крайней мере, никто не должен входить туда раньше меня, потому что там находилась сама леди со всем ее обслуживающим персоналом, и он опасался, что мужчины так разгорячились, что могут убить их всех или сделать еще что-нибудь похуже.

Я немедленно направился к двери большой каюты, взяв с собой лейтенанта, который меня позвал, и заставил открыть дверь каюты. Но такого зрелища славы и несчастья буканьеры еще не видели. Королева (а именно такой она должна была быть) была вся в золоте и серебре, но испуганная и заплаканная, и при виде меня она затрепетала, как будто собиралась умереть. Она сидела на краю кровати, похожей на кушетку, без балдахина или какого-либо покрытия; на ней можно было только лежать. Она была усыпана бриллиантами, и я, как истинный пират, вскоре дал ей понять, что больше думаю о драгоценностях, чем о даме.

Однако, прежде чем прикоснуться к ней, я приказал лейтенанту поставить у дверей каюты стражу и, заперев дверь, закрыть нас обоих, что он и сделал. Дама была молода и, полагаю, по их деревенским понятиям, очень красива, но в моих мыслях она была не очень. Сначала ее испуг и опасность быть убитой, как она думала, заставили ее сделать все, что, по ее мнению, могло бы отделить ее от опасности, и это было снять свои драгоценности так быстро, как она могла, и отдать их мне; и я, без всякой похвалы, взял их так быстро, как она мне их дала, и положил их в карман, не обращая особого внимания ни на них, ни на нее, что испугало ее сильнее, чем все остальное, и она сказала что-то, чего я не мог понять. Однако тут подошли две другие дамы, все в слезах, и опустились передо мной на колени с поднятыми руками. Что они имели в виду, я сначала не понял, но по их жестам и указаниям догадался, что это была мольба о жизни молодой королевы и о том, чтобы я не убивал ее.

Когда три дамы опустились передо мной на колени, и как только я понял, в чем дело, я дал им понять, что не причиню королеве зла и не позволю никому другому причинить ей вред, но что она должна отдать мне все свои драгоценности и деньги. На это они сказали ей, что я спасу ей жизнь; и не успели они уверить ее в этом, как она встала, улыбаясь, подошла к прекрасному индийскому шкафу, открыла отдельный ящик, откуда достала еще одну маленькую вещицу, полную маленьких квадратных ящичков и отверстий. Она принесла ее мне в руке и предложила опуститься на колени, чтобы отдать ее мне. Это невинное обращение пробудило во мне некоторое добродушие (хотя я никогда не отличался большим), и я не позволил ей встать на колени, а сам сел на край ее кушетки или кровати и сделал ей знак сесть тоже. Но тут она снова испугалась, похоже, того, о чем я и не помышлял. Но поскольку я ничего такого не предлагал, а только заставил ее сесть рядом со мной, через некоторое время им стало легче, и она отдала мне маленькую шкатулку или ларец, не знаю, как его назвать, но он был полон бесценных драгоценностей. Они до сих пор хранятся у меня, и мне хотелось бы, чтобы они были в безопасности в Англии, ибо я не сомневаюсь, что некоторые из них годятся для королевской короны.

Будучи хозяином этих сокровищ, я очень хотел быть с ними поласковее; поэтому я вышел из каюты и оставил женщин одних, приставив к ним стражу, чтобы они не получили больше вреда, чем я сам им причинил бы.

После того как я некоторое время пробыл вне хижины, ко мне подошел женский раб и сделал мне знак, что королева снова будет говорить со мной. Я сделал ответный знак, что приду и пообедаю с ее величеством; соответственно, я приказал, чтобы ее слуги приготовили обед и отнесли его в дом, а затем позвали меня. Они накрыли ей трапезу, как обычно, и когда она увидела, что ее принесли, то показалась довольной, а еще больше, когда увидела, что я вошел вслед за ней; она была очень довольна, что я приставил стражу, чтобы остальные мои люди не подходили к ней; ей, кажется, рассказывали, как грубо они обращались с некоторыми из женщин, принадлежавших ей.

Когда я вошел, она поднялась и оказала мне такое уважение, какого я не знал, как принять, и не знал, как ответить. Если бы она понимала по-английски, я мог бы сказать ей прямо и грубо: "Мадам, будьте спокойны; мы грубые, неотесанные парни, но никто из наших людей не должен вас обидеть или тронуть; я буду вашей охраной и защитой; мы действительно за деньги, и мы возьмем то, что у вас есть, но мы не причиним вам никакого другого вреда". Но так как я не мог говорить с ней таким образом, я не знал, что сказать; я сел и сделал знаки, чтобы она села и поела, что она и сделала, но с такой церемонией, что я не знал, что с ней делать.

После того как мы поели, она снова поднялась и, выпив немного воды из фарфоровой чашки, уселась на край кушетки, как и прежде. Увидев, что я закончил есть, она подошла к другому шкафу и, выдвинув ящик, поднесла его ко мне; был полон мелких золотых монет Пегу, величиной с английскую полугинею, и я думаю, что их там было три тысячи. Она открыла еще несколько ящиков и показала мне богатство, которое в них находилось, а затем дала мне ключ от всего этого.

Так мы веселились весь день и часть следующего дня в бездонном море богатств, когда мой лейтенант начал говорить мне, что мы должны подумать, что делать с нашими пленниками и кораблями, ибо так прокормиться невозможно. По этому поводу мы созвали короткий совет и решили увести с собой большой корабль, а всех пленников - королеву, дам и всех остальных - посадить на малые суда и отпустить; И так далек я был от того, чтобы насиловать эту даму, как, как я слышал, обо мне рассказывают, что, хотя я мог отнять у нее все остальное, все же, уверяю вас, я позволил ей уйти нетронутой ни для меня, ни, как я уверен, для кого-либо из моих людей; более того, когда мы отпустили их, мы дали ей разрешение взять с собой множество ценных вещей, которые она могла бы разграбить, если бы я не был так внимателен к ней.

Теперь у нас было достаточно богатства, чтобы не только сделать нас богатыми, но и почти сделать богатым целый народ; и, по правде говоря, если учесть, сколько дорогих вещей мы взяли сюда, которым мы не знали цены, а кроме того, золото, серебро и драгоценности, - я говорю, мы никогда не знали, насколько мы богаты; Кроме того, у нас было большое количество тюков с товарами, как бязи, так и шелка, которые, будучи на продажу, были, возможно, как груз товаров для оплаты счетов, которые могли быть выписаны на них в счет доли невесты; все это попало к нам в руки вместе с большой суммой в серебряной монете, слишком большой, чтобы говорить о ней среди англичан, особенно пока я жив, по причинам, которые я могу назвать вам в дальнейшем.

ССЫЛКИ:

[6] Из книги "Король пиратов".

БАРБАРОССА - КОРОЛЬ КОРСАРОВ [7]

E. Hamilton Currey, R.N.

С наступлением весны Барбаросса снова вышел в море с тридцатью двумя кораблями, готовыми к любым обстоятельствам, а его экипажи пылали жаждой мести тем, с кем они так грубо обошлись. Местом проведения операций он выбрал побережье Майорки в пятнадцати милях от Пальмы; отсюда он командовал маршрутом испанцев из своей страны к африканскому побережью, и именно против этого народа он испытывал сильное ожесточение из-за недавних событий. Корсар и его люди с нетерпением следили за испанскими кораблями: более тяжелые суда стояли на якоре, а легкие и быстрые галеры высматривали и искали вдаль, чтобы не пропустить ни одного. Очень скоро бдительность мусульман была вознаграждена захватом нескольких судов, посланных Бернардом де Мендосой с турецкими и мавританскими рабами, предназначенными для использования в качестве гребцов на испанских галерах. Эти люди были встречены как долгожданное подкрепление и с радостью присоединились к войскам Хейр-эд-Дина, когда тот двинулся на Минорку, захватил замок внезапным нападением, совершил набег на окрестности и захватил пять тысяч семьсот христиан, среди которых было восемьсот человек, раненых при нападении на Тунис - все эти несчастные были отправлены пополнять банию в Алжире.

Однако этой частной войне мести суждено было вскоре закончиться, так как в этом году Солиман Великолепный ввязался в споры с Венецианской республикой и отозвал "этого настоящего человека моря", как описывал Барбароссу Ибрагим, в Константинополь.

В этом городе на берегу моря произошла трагедия, которая, хотя и повлекла за собой смерть одного человека, тем не менее имела далеко идущие последствия; этим человеком был не кто иной, как великий государственный деятель Ибрагим, великий визирь и единственный доверенный советник падишаха. Тот, кто изначально был рабом, шаг за шагом поднимался по служебной лестнице своего господина, пока не достиг того головокружительного положения, которое занимал к моменту своей смерти. Это несколько любопытный комментарий к по сути демократическому статусу автократии, что человек мог таким образом подняться до положения, уступающего только положению самого автократа, и, по всей вероятности, обладающего не меньшей властью.

На протяжении многих лет Ибрагим относился к Солиману скорее как к брату, чем как к зависимому человеку, которым он, несмотря на свое Великое визирство, на самом деле и являлся. Они жили в самом тесном общении, вместе принимали пищу и даже спали в одной комнате. Солиман, сам человек высокого ума и правитель, который был в курсе всех событий, происходивших в его огромных владениях, желал всегда иметь под рукой человека, которого любил; от которого, с его удивительным пониманием политических проблем и бесконечной плодотворностью ресурсов, он был уверен в сочувствии и дельном совете. Но в восточной деспотии действуют и другие силы, помимо сил *высшей политики*, и у Ибрагима был один смертельный враг, который поклялся настигнуть его. Султана Роксалана была светом гарема Великого турка. Эта необыкновенно красивая женщина, изначально русская

рабыня, была предметом самой страстной преданности Солимана; но она была столь же честолюбива, сколь и прекрасна, и не терпела соперниц в привязанностях Солимана, будь то мужчина, женщина или ребенок. В ее руках повелитель миллионов, деспот, чьим кивком была смерть, превратился в покорного раба; недисциплинированные страсти этой властной женщины сметали со своего пути всех, кого она подозревала в том, что разделяет ее влияние, каким бы отдаленным оно ни было. По ее приказу Солиман убил своего сына Мустафу, подающего большие надежды юношу, потому что своим умом и победоносными манерами он грозил затмить Селима, сына самой Роксаланы.

Эта женщина обладала сильным природным умом, хотя и была совершенно необразованной; она видела и знала, что Ибрагим всемогущ с ее любовником, и это возбуждало ее ревность до лихорадочного жара. Она не обладала холодным рассудком, который подсказал бы ей, что Ибрагим - государственный деятель, занимающийся внешними делами Возвышенной Порты, и что в ее дела он не желает и не имеет права вмешиваться. Однако султана знала, что в этих самых государственных делах ее мнение - пыль на весах, когда оно сопоставляется с мнением великого визиря.

Солиман обладал истинным атрибутом верховного величия - безошибочной способностью выбирать правильного человека. Он выбрал Ибрагима из своей огромной свиты и ни разу не пожалел о своем выборе. С течением времени ум и сила этого человека все больше раскрывались перед его господином, и государь оставил в его руках даже такие дела, которые деспоты склонны охранять очень ревностно. Мы видели, как, несмотря на ропот всей своей столицы и почти непокорное отношение флота, он упорствовал в назначении Хейр-эд-Дина Барбароссы, потому что решение Ибрагима было в пользу того, чтобы оно было исполнено. Для Роксаланы это было желчью и полынью; она прекрасно понимала, что, пока жив великий визирь, ее суверенитет в лучшем случае будет лишь разделенным. Наступил момент, когда ее уговоры прекратились; тогда она обнаружила, что ее мнение не совпадает с мнением министра. Она, как мы видели на примере своего сына, была не из тех, кто заикливается на мелочах, и решила, что Ибрагим должен умереть.

В этом не могло быть никакой подковерной борьбы; он должен умереть, и когда его убийство будет совершено, она смело признается своему любовнику в содеянном и примет на себя последствия, веря в свою власть над ним, чтобы выйти из этого приключения невредимой. В те времена, когда человеческая жизнь была так дешева, она могла потребовать смерти почти любого, и ее прихоть была бы удовлетворена любовником, который без колебаний предал бы смерти собственного сына по ее приказу. Но с Ибрагимом все было иначе: он был знаком султану, фактически его *альтер эго*. О нервах султанши говорит тот факт, что она решилась на столь серьезный шаг в этом памятном и печальном случае.

5 марта 1536 года Ибрагим отправился в королевский сераль и, следуя своему древнему обычаю, был допущен к столу своего господина, а после трапезы спал рядом с ним. По крайней мере, так считалось, но никто, кроме тех, кто участвовал в убийстве, не знал, что произошло в ту роковую ночь; на следующий день его мертвое тело лежало в доме султана.

По яшмовому полу во дворце, который был подходящей резиденцией для того, кого по праву называли "Великолепным", кровь Ибрагима стекала к ногам Роксаланы. Беспорядочная одежда, ужасное выражение лица мертвеца, зияющие раны, которые он получил, свидетельствовали о том, что здесь произошла жестокая борьба, прежде чем железный каркас и великолепный интеллект были сровнены с пылью. Многие просочилось впоследствии, как и положено просочившимся вещам, и тогда султана отвела Солимана в свои покои и заглянула ему в глаза. Мужчина был ошеломлен безмерностью бедствия,

постигшего его и его королевство, но его мужественность не помогла ему противостоять козням этой Цирцеи. Ибрагим был зверски убит в собственном дворце, и эта женщина, так любовно прижавшаяся к его шее, теперь была убийцей. Кровь сердца его лучшего друга свернулась на пороге его собственных апартаментов, когда он простил ту, что совершила его убийство. Такова была месть Роксаланы, и кто скажет, что она не была полной?

Османская империя стала беднее от потери своего величайшего человека, ревность султаны была смягчена, деспот, допустивший это убийство без наказания, все еще находился на троне, преследуемый женщиной, которая сначала убила его сына, а затем его друга и министра. Но этот поступок повлек за собой дурные последствия, которые вполне могли возникнуть, когда столь способного главу государства устраняли в столь критический момент. В воздухе витали новые раздоры и бесконечные распри между Венецией и Портой. Они нас не касаются, но, помимо других жалоб, громко и непрерывно звучали жалобы на корсаров. Венеция, "морская невеста", не имела ни отдыха, ни покоя; пираты кишмя кишели на Корфу, в Занте, в Кандии, в Кефалонии, а грабежи и убийства подданных республики были темой постоянных представлений султану. Перевес в этой партизанской войне был на стороне корсаров, пока Джироламе Канале, венецианский капитан, не захватил одного из мусульманских лидеров, известного как "Молодой мавр Александрии". Победа Канале была довольно важной, поскольку он захватил галеру "Молодого мавра" и еще четыре, еще две были потоплены, а триста янычар и тысяча рабов попали в руки венецианского командира. Поскольку венецианцы не испытывали приятных чувств, янычары были сразу же обезглавлены до единого человека.

Вся эта история - иллюстрация необычных отношений, существовавших между государствами Средиземноморья в это время. Солиман Великолепный, султан Турции, предоставил триста своих янычар, отборных солдат, для помощи корсарам в их набегах на венецианскую торговлю. Султан, как только узнал о случившемся, отправил в Венецию посла, некоего Йонис-бея, чтобы потребовать удовлетворения за оскорбление, нанесенное ему обезглавливанием его собственных солдат, ставших пиратами. В итоге венецианцы освободили "Молодого мавра Александрии", как только он излечился от восьми ран, полученных во время конфликта, и отправили его обратно в Африку с теми галерами, которые у него остались. В связи с этим делом произошел один довольно комичный инцидент: когда Йонис-бей направлялся из Константинополя в Венецию, его преследовал венецианский флот под командованием графа Гранденико и высадил на берег. Граф принес обильные извинения, когда узнал, что преследовал живого посла; но это происшествие настолько возмутило Солимана, что он в результате увеличил свои требования.

Барбаросса, который с момента падения Туниса проводил время, преследуя испанцев на море, вскоре должен был снова появиться на сцене. Он получил приказ от султана и отправился в путь так быстро, как только мог принести благоприятный ветер. У Хейр-эд-Дина хорошо шли дела с рабами и грабежами, но он знал, что при поддержке Великого турка он снова будет командовать флотом, на котором сможет повторить свой триумф прошлых лет и вновь проявить себя незаменимым "человеком моря".

Вскоре после прибытия его амбиции были удовлетворены, и он оказался с флотом из ста кораблей. После смерти Ибрагима и инцидента, закончившегося отправкой Йонис-бея в Венецию, отношения между Великим Турком и Венецианской республикой неуклонно ухудшались, и наконец султан объявил войну. На сайте 17 мая 1537 года Солиман в сопровождении двух своих сыновей, Селима и Мухаммеда, покинул Константинополь. Кампания, которую вел султан, нас здесь не касается; она была направлена против Ионических островов, которые с 1401 года находились во владении Венеции. 18 августа

Солиман осадил Корфу и был катастрофически разбит, высадив своих людей 7 сентября, потеряв тысячи в бесплодной атаке на крепость. Он вернулся в Константинополь совершенно обескураженным. Это была седьмая кампания, которую султан провел лично, но первая, в которой рядом с ним не было всегда верного Ибрагима.

Однако это поражение от рук венецианцев было не единственным унижением, которое ему суждено было испытать в этом катастрофическом году; ведь Дориа, этот бич мусульман, снова вышел в море и стал орудовать в непосредственной близости от Корфу, где турки потерпели поражение. 17 июля Андреа вышел из порта Мессины с двадцатью пятью галерами, захватил десять богато нагруженных турецких кораблей, выпотрошил и сжег их. Хейр-эд-Дин в это время находился в море, но великим соперникам не суждено было встретиться по этому поводу. Вместо Барбароссы Андреа сошелся с Али-Чабелли, лейтенантом Санджак-бея из Галлиполи. 22 июля генуэзский адмирал и турецкий командующий из Дарданелл встретились к югу от Корфу, у небольшого острова Паксо, и завязалось остросюжетное сражение. Оно закончилось поражением Али-Чабелли, чьи галеры были захвачены и отбуксированы Дориа в Паксо. Этот ветеран-боец сам оказался в самой гуще схватки и, выделяясь в своем малиновом дублете, был объектом внимания метких стрелков Чабелли на протяжении всего боя. Несмотря на тяжелое ранение в колено, адмирал отказался спускаться вниз до тех пор, пока победа не будет гарантирована. В это время его окружала преданная группа дворян, поклявшихся защищать личность своего адмирала или умереть в его защиту. Его портрет в это время набросал для нас доминиканский монах, падре Альберто Гульельмотто, автор книги "La guerra dei Pirati e la marina Pontifica dal 1500 al 1560". Описание гласит следующее: "Андреа Дориа был высокого роста, лицо овальной формы, лоб широкий и властный, шея мощная, волосы короткие, борода длинная и веерообразная, губы тонкие, глаза яркие и пронзительные".

Он снова победил офицера Великого Турка; и можно заметить, что Ибрагим, вероятно, был совершенно прав в оценке или, скорее, в отсутствии оценки, в которой он оценивал морских офицеров своего господина, поскольку они, похоже, были неполноценны во всех качествах, кроме личной доблести, и в их столкновениях с Дориа и рыцарями почти неизменно терпели поражение. Ради ислама, ради престижа мусульманского оружия на море Барбароссе пора было снова взять дело в свои руки.

Осень 1537 года показала, что старый морской волк не утратил своей хитрости, что его последователи были так же ужасны, как и прежде. Казалось, какое значение имеет то, что венецианцы и каталонцы, генуэзцы и французы, андалузцы и жители Архипелага объединились в союз против общего врага? Разве не тщетно бороздил моря рыцарь Андреа, и разве не тщетны были все усилия рыцарей Святого Иоанна, когда сын митиленского ренегата и его жена-христианка вышли из Золотого Рога? В чем же магия этого человека, с отчаянием спрашивали они, что никто не смог одержать над ним верх? Разве не сообщалось, что Карлос Квинто, великий император, изгнал его из Туниса загнанным беглецом, разбитым и без гроша в кармане, без галеры и без единого дуката в кармане? Неужели он настолько отличался от всего остального человечества, что его приверженцы держались за него как в дурных слухах, так и в пору его процветания? Мужчины клялись, а женщины перекрещивались при упоминании его имени.

"Страшный, как армия со знаменами", был Хейр-эд-Дин в это насыщенное событиями лето: дела с флагом полумесяца шли плохо, падишах был неприступен в своем дворце, задумчиво размышляя о том, что "могло бы быть", если бы он не продал свою честь и жизнь своего единственного друга, чтобы удовлетворить злобу дьяволицы; те, кто присутствовал при султана, дрожали, ибо юмор деспота был действительно черным.

Но "настоящий морской человек" должен был в некотором роде утешить его за то, что он потерял; никогда еще в своей собственной истории - и ни с чем другим ее нельзя было сравнить - король корсаров не совершал столь плодотворных набегов. Он опустошал берега Адриатики и острова Архипелага, тысячами привозил рабов, а к концу года собрал в арсенале в Стамбуле восемнадцать тысяч. Велико было ликование в Константинополе, когда сам Адмиралиссимус вернулся из последней экспедиции против неверных; стихли голоса, намекавшие на недовольство - кто из них мог привезти четыреста тысяч золотых? Какой мореплаватель мог преподнести Великому Турку столь разнообразные и великолепные подарки?

По прибытии Барбаросса попросил разрешения поцеловать порог дворца султана, и, получив милость, совершил свой триумфальный въезд. Двести невольников, облаченных в алые одежды, несли кубки из золота и фляги из серебра; за ними шли еще тридцать человек, каждый из которых пошатывался под огромным кошель с блестками; еще двести несли ошейники из драгоценных камней или тюки с самыми дорогими товарами; и еще двести были нагружены мешками с мелкой монетой. Конечно, если Солиман Великолепный потерял великого визиря, то ему удалось найти адмирала!

Все первые месяцы 1538 года верфи Константинополя гудели от бешеной активности, ведь Солиман распорядился, чтобы морская кампания этого года началась не менее чем со ста пятьюдесятью кораблями. Однако его адмирал не согласился с этим решением; перед визирями он бушевал и бушевал. "Слушайте, - сказал он, - о люди земли, ничего не понимающие в морских событиях! К этому времени Салех-Реис, должно быть, вышел из Александрии, ведя к Босфору двадцать кораблей, наполненных богатейшими товарами; если он столкнется с проклятым генуэзцем Дориа, где тогда будет Салех-Реис, его галеры и его конвой? Я скажу вам: корабли в Генуе, галеры сожжены, Салех-Реис и все его моряки прикованы к скамьям гребцов".

Визирь задрожали, как люди, когда Барбаросса ворвался в город и обратил на них страшные глаза, не знавшие ни страха, ни жалости. "Мы всего лишь люди, - отвечали они, - и наш повелитель султан так распорядился".

"У меня сорок галер, - ответил корсар, - у вас еще сорок. С ними я выйду в море; но, заметьте, - продолжал он, несколько смягчившись, - вы справедливо опасаетесь недовольства султана, и я тоже не желаю с ним сталкиваться; но суда, собранные и снаряженные в спешке, будут мне мало полезны. Во имя Аллаха милосердного и его святого Пророка дайте мне мои восемьдесят галер и отпустите меня".

В Хейр-эд-Дине Барбароссе здравый стратегический инстинкт шел рука об руку с отчаянной доблестью корсара. Мешкать в Золотом Роге, пока в море находится столь богатая добыча, за которой должны прийти его христианские враги, было совершенно противопоказано его инстинктам: никогда не упускать шанса в игре жизни всегда было его руководящим принципом.

Солиман, каким бы великим человеком он ни был, не обладал той непреклонной твердостью характера, которая позволяла его адмиралу рисковать всем в трудную минуту; или, возможно, великий турок был лишен той ясности стратегического чутья, которое никогда и ни при каких обстоятельствах не отказывается от настоящего преимущества ради того, что может оказаться удачным в сомнительном будущем. Солиман, мрачный, угрюмый и неприступный, сидел в своем дворце и размышлял о несчастьях, выпавших на его долю после смерти Ибрагима. Барбаросса, так недавно потерявший практически все, чем владел, и достигший возраста, в котором большинство людей не имеет надежд на будущее, был так

же ясен умом, так же неустрашим духом, как если бы он был на полвека моложе: быть еще раз с теми, кого он победил и лишил собственности, было единственным, что занимало его мысли. Захват Салех-Рейса и его конвоя стал бы триумфом, о котором он не мог даже думать. Кроме того, это еще больше деморализовало бы морские силы султана, которые так нуждались в поразительном успехе после поражений, которые так недавно выпали на их долю. Султан решил, что необходимо сто пятьдесят кораблей, но его адмирал считал иначе. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы он мог медлить в Константинополе; его пламенная энергия сметала все на своем пути, и в конце концов он добился своего. 7 июня 1538 года он, наконец, одержал победу над колебаниями визирей и вышел в море с восьмьюдесятью парусами.

Султан из своего киоска, окна которого выходили на Босфор, пересчитал корабли.

"Всего восемьдесят парусов; это все?" - спросил он.

Дрожащие визири распростерлись перед ним.

"О наш повелитель, падишах, - вскричали они, - Салех-Рейс идет из Александрии с богатым конвоем; где-то скрывается проклятый Андреа Дория; необходимо было, о Великолепный, послать помощь".

Наступила пауза, во время которой сердца людей бьются так, как бьются сердца тех, кто не знает, что следующий миг может стать для них последним на земле.

Султан смотрел из окна на удаляющиеся корабли в молчании, подобном молчанию могилы. Наконец он повернулся:

"Пусть будет так, - коротко ответил он, - но проследите, чтобы подкрепление не задерживалось в пути".

Если на верфях и была раньше активность, то она не шла ни в какое сравнение с той напряженной работой, которую предстояло проделать в ближайшее время.

Перед началом этой экспедиции Хейр-эд-Дин ввел новшество в комплектование некоторых из самых мощных своих галер, которое имело огромное значение и должно было в огромной степени способствовать успеху его будущих морских предприятий. Всегда было принято считать, что на османских галерах гребли христиане, захваченные и порабощенные; разумеется, на галерах их противников все было наоборот. На галерах XVI века перевозилось огромное для их размеров количество людей, и средний корабль такого типа имел на борту около четырехсот человек, из которых, однако, пропорция составляла двести пятьдесят рабов на сто пятьдесят воинов. Теперь Хейр-эд-Дин настаивал на том, чтобы определенную часть его самых мощных судов гребли боевые мусульмане, чтобы в день битвы гребцы могли участвовать в бою, а не оставаться прикованными к своим скамьям, как это было принято у рабов. Влияние корсара в Константинополе свидетельствует о том, что он смог добиться такого изменения в составе некоторых своих экипажей; должно быть, это произошло при активном содействии султана, поскольку никакая власть, менее могущественная, чем власть самого государя, не могла бы побудить свободных людей взять на себя ужасный труд гребца на галере. Из-за невыносимых тягот жизни эта обязанность возлагалась на несчастных рабов с обеих сторон, а результаты, при том темпе, с которым галера двигалась по воде, обычно достигались нещадным применением плети по обнаженным телам гребцов.

Этот человеческий материал расходовался самым расточительным образом, поскольку у командиров не было стимула хорошо относиться к гребцам с той экономической точки зрения, которая заставляет человека так использовать свое тягловое животное, чтобы получить от него наилучшую работу. На галере, когда раб переставал грести, его выбрасывали за борт, а на его место ставили другого.

Однако адмирал, даже при поддержке падишаха, не мог укомплектовать большой флот галер гребцами-мусульманами, а поскольку в движущей силе ощущалась нехватка, первым делом он занялся сбором рабов и с этой целью посетил острова Архипелага. Жребий несчастных обитателей этих островов был поистине тяжел. Они находились ближе к очагу мусульманской власти, чем любые другие христиане; в те времена они были совершенно неспособны противостоять силовому нападению, и поэтому были сметены тысячами.

Семь островов закрывают вход в залив Воло. Ближайший к побережью - Скиатос, который также является самым важным; его защищала крепость, построенная на скале. Этот замок был атакован Барбароссой, который шесть дней обстреливал его, взял штурмом и расправился с гарнизоном. Он пощадил жизни жителей острова и таким образом обеспечил три тысячи четыреста гребцов для своих галер. Для подкрепления, которого он ожидал, ему пришлось обеспечить моторные. В июле он получил из Константинополя девяносто галер, а из Египта прибыл Салех-Рейс, которому удалось избежать ужасного Дориа, с еще двадцатью; таким образом, флот был завершен.

ССЫЛКИ:

[7] Из книги *"Морские волки Средиземноморья"*.

МОРГАН В ПУЭРТО-БЕЛЛО [8]

Джон Эсквемелинг

Кто-то может подумать, что, поскольку французы покинули капитана Моргана, у одних англичан не хватило бы мужества предпринять столь великие действия, как прежде. Но капитан Морган, который всегда передавал бодрость своими словами, вселил в своих людей такой дух, что они сразу же приступили к новым замыслам. Он внушил им веру в то, что одно лишь исполнение его приказов станет верным средством получения огромных богатств, и это так повлияло на их разум, что все они с неподражаемым мужеством решили последовать за ним, как и некий пират Кампечи, который по этому случаю присоединился к капитану Моргану, чтобы под его руководством искать новых удач. Так капитан Морган за несколько дней собрал флот из девяти парусов, то ли кораблей, то ли больших лодок, в котором было четыреста шестьдесят человек.

Все было готово, и они вышли в море, причем капитан Морган никому не рассказывал о своем замысле; он только несколько раз говорил им, что сомневается в том, что не наживет в этом плавании удачу, если не случится странных происшествий. Они направились к континенту, где через несколько дней прибыли к Коста-Рике, причем весь их флот был в безопасности. Не успели они обнаружить землю, как капитан Морган объявил о своих намерениях капитанам, а вскоре после этого и всей компании. Он сказал, что намерен ночью разграбить Пуэрто-Бельо, решив разграбить весь город, и, чтобы ободрить их,

добавил, что это предприятие не может не удалиться, поскольку он держит его в секрете, никому не сообщая о нем, так что они не могли узнать о его приходе. На это предложение некоторые ответили, что у них нет достаточного количества людей для штурма столь сильного и великого города. Но капитан Морган ответил: "Если наше число и невелико, то сердца наши велики; и чем меньше нас будет, тем больше у нас будет союза и лучшей доли в добыче". Тогда, воодушевленные надеждой на огромные богатства, которые они обещали себе в случае успеха, они единодушно согласились на этот замысел. Чтобы мой читатель мог лучше понять смелость этого подвига, необходимо предварительно рассказать о городе Пуэрто-Бельо.

Этот город находится в провинции Коста-Рика, на 10 градусе северной широты, в четырнадцати лигах от залива Дарьен и в восьми к западу от порта под названием Номбре-де-Дьос. Считается, что это самое сильное место, которым владеет король Испании во всей Вест-Индии, за исключением Гаванны и Карфагена. Здесь находятся два почти неприступных замка, которые защищают город, расположенный у входа в порт, так что ни один корабль или лодка не может пройти без разрешения. Гарнизон состоит из трехсот солдат, а город населяют четыреста семей. Купцы здесь не живут, а останавливаются лишь на время, когда галеоны приходят или уходят в Испанию, по причине нездорового воздуха, вызванного испарениями с гор; так что, хотя их главные склады находятся в Пуэрто-Бельо, их жилища - в Панаме, откуда они привозят тарелки на мулах, когда начинается ярмарка, и когда корабли, принадлежащие компании негров, прибывают для продажи рабов.

Капитан Морган, хорошо знавший все проспекты этого города и соседних берегов, прибыл вечером со своими людьми в Пуэрто-де-Наос, что в десяти лигах к западу от Пуэрто-Бельо. Прибыв сюда, они поплыли вверх по реке до другой гавани, называемой Пуэрто-Понтин, где бросили якорь: здесь они погрузились в лодки и каноэ, оставив на кораблях лишь несколько человек, чтобы на следующий день доставить их в порт. Около полуночи они прибыли в местечко под названием Эстера-лонга-Лемос, где все сошли на берег и отправились по суше к первым постам города. В их компании был англичанин, ранее находившийся в плену в этих краях, который теперь служил им проводником. Ему и еще троим или четверым они поручили взять часового, если возможно, или убить его на месте, но они схватили его так хитро, что он не успел ни предупредить из своего мушкета, ни поднять шум, и привели его со связанными руками к капитану Моргану, который спросил его, как идут дела в городе и какие у них силы; кроме того, он хотел узнать другие обстоятельства. После каждого вопроса они тысячу раз угрожали ему расправой, если он не скажет правду. Затем они двинулись к городу, держа перед собой связанного дозорного: пройдя около четверти лиги, они подошли к замку, расположенному неподалеку от города, который вскоре плотно окружили, так что ни один человек не мог ни войти, ни выйти.

Расположившись под стенами замка, капитан Морган приказал дозорному, которого они взяли в плен, обратиться к тем, кто находится внутри, и потребовал, чтобы они сдались по его усмотрению; в противном случае их всех перережут на куски без четверти. Но, не обращая внимания на эти угрозы, они сразу же начали стрелять, что вызвало тревогу в городе; тем не менее, хотя губернатор и солдаты упомянутого замка оказали столь сильное сопротивление, какое только можно было оказать, они были вынуждены сдаться. Взяв замок, Морган решил сдержать свое слово и предать испанцев мечу, чтобы тем самым навести ужас на весь остальной город. Затем, заключив всех солдат и офицеров в одну комнату, они подожгли порох (которого оказалось великое множество) и взорвали замок вместе со всеми находившимися в нем испанцами. Сделав это, они продолжили свой победный путь, обрушившись на город, который еще не был готов принять их. Многие жители бросали свои

драгоценности и деньги в колодцы и цистерны или прятали их в подполье, чтобы избежать, насколько это возможно, полного ограбления. Один из отряда пиратов, выделенный для этой цели, сразу же побежал в монастыри и забрал столько верующих мужчин и женщин, сколько смог найти. Губернатор города, не сумев собрать горожан, так как они были в большом смятении, удалился в один из оставшихся замков и оттуда непрерывно стрелял по пиратам: но те ничуть не стеснялись ни нападать на него, ни защищаться, так что среди ужаса нападения они сделали очень мало выстрелов напрасно; ведь целясь с большой ловкостью в устья пушек, испанцы непременно теряли одного или двух человек каждый раз, когда заново заряжали каждую пушку.

Бой продолжался с рассветом до полудня; правда, в это время суток дело было весьма сомнительным - кто победит, а кто будет побежден. Наконец пираты, видя, что потеряли много людей и мало продвинулись к захвату этого или других замков, пустили в ход огненные шары, которые бросали руками, намереваясь поджечь двери замков. Но испанцы со стен спустили большое количество камней и глиняных горшков, наполненных порохом и другими горючими веществами, что заставило их остановиться. Капитан Морган, видя эту отчаянную оборону испанцев, начал отчаиваться в успехе. Тогда в его голову пришло множество слабых и спокойных размышлений; он никак не мог определить, в какую сторону ему повернуть в этом проливе. В таком состоянии он внезапно получил стимул продолжать штурм, увидев английские флаги на одном из малых замков, в который тогда вошли его люди; вскоре он увидел отряд, идущий ему навстречу и провозглашающий победу с громкими криками радости. Это сразу же натолкнуло его на новые мысли о захвате остальных замков, тем более что самые главные горожане бежали в них и перевезли туда большую часть своих богатств, а также всю утварь, принадлежащую церквям и богослужению.

Для этого он приказал спешно сделать десять или двенадцать лестниц, таких широких, чтобы по ним могли подняться сразу три или четыре человека; закончив их, он велел всем верующим мужчинам и женщинам, которых взял в плен, прикрепить их к стенам замка. Перед этим он пригрозил губернатору, что сделает это, если тот не сдаст замок, но тот ответил, что "никогда не сдастся живым". Капитан Морган был убежден, что губернатор не станет использовать все свои силы, видя, что религиозные женщины и церковные лица подвергаются величайшей опасности перед солдатами. Поэтому лестницы, как я уже говорил, были сразу же отданы в руки религиозных лиц обоих полов, и их заставили во главе рот поднимать и прикрепить их к стенам. Но капитан Морган был полностью обманут в своих суждениях об этом замысле; ведь губернатор, который действовал как храбрый солдат, исполняя свой долг, прилагал все усилия, чтобы уничтожить всех, кто приближался к стенам. Религиозные мужчины и женщины не переставали взывать к нему и умолять его всеми святыми небесами освободить замок и пощадить его и их собственные жизни, но ничто не могло победить его упрямство и свирепость. Таким образом, многие религиозные мужи и монахини были убиты, прежде чем им удалось установить лестницы; что, наконец, и было сделано, хотя и с большими потерями, пираты взобрались на них в большом количестве и с безрассудной храбростью, имея в руках огненные шары и глиняные горшки, полные пороха; которые, находясь теперь на вершине стен, они разжигали и бросали вниз среди испанцев.

Эти усилия пиратов были очень велики, так что испанцы не могли больше ни сопротивляться, ни защищать замок, в который теперь вошли. Тогда все они бросили оружие и стали просить пощады за свою жизнь; но правитель города не хотел просить пощады, а убил многих пиратов своими руками, а также нескольких своих солдат, потому что они не устояли перед оружием. И хотя пираты спрашивали его, не желает ли он четвертования, он неизменно отвечал: "Ни в коем случае, я лучше умру как доблестный солдат, чем буду повешен как

трус". Они изо всех сил пытались взять его в плен, но он так упорно защищался, что они были вынуждены убить его, несмотря на все крики и слезы его собственной жены и дочери, которые на коленях умоляли его потребовать четвертования и спасти свою жизнь. Когда пираты овладели замком, а это было уже ближе к ночи, они заключили в него всех пленников, разместив женщин и мужчин поодиночке, с несколькими стражниками. Раненых поместили в одну из квартир, чтобы их собственные жалобы были лекарством от их болезней, так как никакого другого лекарства им не было предоставлено.

Сделав это, они принялись за еду и питье и, как обычно, за разврат и излишества, так что пятьдесят мужественных мужчин могли бы легко вернуть город и перебить всех пиратов. На следующий день, разграбив все, что смогли найти, они допросили некоторых пленников (которых их товарищи убедили сказать, что они самые богатые в городе) и сурово потребовали, чтобы те открыли, где они спрятали свои богатства и товары. Не имея возможности вымогать у них что-либо, поскольку они не были подходящими людьми, было решено подвергнуть их пыткам: это было сделано так жестоко, что многие из них умерли на дыбе или вскоре после нее. Когда президенту Панамы сообщили о разграблении и разорении Пуэрто-Бельо, он приложил все свои усилия, чтобы собрать силы для преследования и изгнания пиратов оттуда; но те мало заботились о его приготовлениях, имея под рукой свои корабли и решив обстрелять город и отступить. Они пробыли в Пуэрто-Бельо пятнадцать дней, за это время они потеряли много своих людей, как из-за нездоровья страны, так и из-за их расточительного распутства.

После этого они приготовились к отплытию, взяв на борт все награбленное, предварительно снабдив флот достаточным количеством провизии на время плавания. Пока все это происходило, капитан Морган потребовал от пленников выкуп за город, иначе он сожжет его и взорвет все замки; кроме того, он велел им как можно скорее послать двух человек, чтобы добыть сумму, которая составляла 100 000 кусков восьмерки. С этой целью к президенту Панамы были посланы два человека, которые дали ему отчет обо всем. Президент, собрав все силы, отправился в Пуэрто-Бельо, чтобы встретить пиратов перед их отступлением; но те, узнав о его приближении, вместо того, чтобы улететь, вышли навстречу ему к узкому проходу, который он должен был пройти: здесь они разместили сотню человек, очень хорошо вооруженных, которые при первой же встрече обратили в бегство большую часть панамцев. Это вынудило президента на время удалиться, так как он еще не был в состоянии продолжать путь. Вскоре после этого он отправил послание капитану Моргану, чтобы сказать ему, "что если он не уйдет внезапно со всеми своими силами из Пуэрто-Бельо, то ему не следует ожидать четверти ни для себя, ни для своих товарищей, когда он возьмет их, как он надеется вскоре сделать". Капитан Морган, который не боялся его угроз, зная, что у него есть надежное убежище на своих кораблях, которые были на расстоянии вытянутой руки, ответил: "Он не сдаст замки, прежде чем не получит требуемую им контрибуцию; если она не будет выплачена, он, конечно, сожжет весь город, а затем покинет его, предварительно разрушив замки и убив пленных".

Из этого ответа губернатор Панамы понял, что никакие средства не помогут ни успокоить сердца пиратов, ни образумить их: тогда он решил оставить жителей города договариваться как можно лучше. Еще через несколько дней несчастные горожане собрали требуемые взносы и принесли пиратам 100 000 кусков восьмерки в качестве выкупа. Президент Панамы был очень удивлен тем, что четыреста человек смогли взять такой большой город, с таким количеством сильных крепостей, тем более не имея никаких орудий, из которых можно было бы возвести батареи, и зная, что жители Пуэрто-Бельо всегда пользовались большой репутацией хороших солдат, которые никогда не нуждались в храбрости для своей защиты.

Его удивление было столь велико, что он послал к капитану Моргану, желая получить небольшой образец того оружия, с помощью которого он так энергично взял столь великий город. Капитан Морган принял этого посланца очень любезно, с большой вежливостью, и дал ему пистолет и несколько маленьких пуль, чтобы он отнес их обратно президенту, своему господину; при этом он сказал ему, что "желает, чтобы он принял этот маленький образец оружия, с которым он взял Пуэрто-Бельо, и хранил его в течение двенадцати месяцев; после этого времени он обещал приехать в Панаму и забрать его".[9] Губернатор очень скоро вернул подарок капитану Моргану, поблагодарив его за услугу одолжить ему оружие, в котором он не нуждался; кроме того, он послал ему золотое кольцо с таким посланием, "что он желает, чтобы он не давал себе труда прибыть в Панаму, как он сделал это в Пуэрто-Бельо: ибо он заверил его, что здесь он не будет так хорошо идти, как там".

После этого капитан Морган (снабдив свой флот всем необходимым и взяв с собой лучшие пушки из замков, прибыв остальные) отплыл из Пуэрто-Бельо со всеми своими кораблями и, прибыв через несколько дней на Кубу, стал искать место, где он мог бы быстро получить дивиденды от их добычи. Они нашли в готовых деньгах 250 000 кусков восьмерки, а также другие товары: сукно, лен, шелка и т. д. С этой богатой покупкой они отплыли к своему обычному месту встречи - Ямайке. Прибыв на место, они провели здесь некоторое время во всевозможных пороках и распутстве, согласно своему обычаю; они очень расточительно тратили то, что другие нажили немалым трудом и усердием.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ:

[8] Из книги *"Буканьеры Америки"*.

[9] Это обещание было выполнено. См. *"Захват Панамы"* (сноска).

ПУТИ БУКАНЬЕРОВ [10]

Джон Масфилд после Джона Эсквемелинга

На протяжении всех лет буканьерства буканьеры часто выходили в море на каноэ и периагуа, так же как Дрейк выходил в море на своих трех пинасах. Жизнь в открытой лодке далеко не из приятных, но люди, которые проводили свой досуг за рубкой леса в Кампичи, или мотыгой табака на Ямайке, или трудились над граммовой травой под жарким солнцем вслед за скотом, не были склонны к худшему. Они удовлетворенно сидели на скамье у весел и гребли длинными, медленными гребками часами, не выказывая признаков усталости. Почти все они были мужчинами более чем обычной силы, и все они хорошо привыкли к климату. Доплыв на каноа до Майна, они могли спокойно отдыхать, пока не появлялся корабль из одного из испанских портов. Если он казался разумной добычей, без слишком большого количества пушек, не слишком высоко заряжен и не слишком высоко построен, каперы заряжали свои мушкеты и гребли вниз, чтобы вступить с ним в бой. Лучших стрелков отправляли на нос, а гребсти не разрешали, чтобы не дрожали руки. Умного человека поставили к рулевому веслу, а мушкетерам велели кричать при каждом рывке противника, чтобы стрелять из пушек. Капитан командовал своими людьми только в бою, и только в бою. Штурман старался держать мачты каюты на одной линии и подходить к ней с кормы. Меткие стрелки с носа вели

непрерывный огонь по рулевым, если их можно было увидеть, и по любым орудийным портам, которые оказывались открытыми. Если рулевые не были видны с моря, канонастры стремились подплыть к каюте судна, где можно было заклинить руль деревянными чурками или клиньями. Затем они клали судно на борт через четверть или за цепи, и тащили его с помощью ножей и пистолетов. Тот, кто первым поднимался на борт, получал денежный подарок при разделе добычи.

Когда приз был взят, пленников допрашивали и подвергали осквернению. Нередко их раздевали догола и давали возможность увидеть свое одеяние на спине пирата. Каждый буканьер имел право взять смену одежды с каждого захваченного приза. Груз затем перебирался, а состояние корабля изучалось на предмет использования его в качестве крейсера. Как правило, пленников при первой же возможности отправляли на берег, но некоторые буканьеры умели продавать пленников в рабство. Если корабль был старым, дырявым, бесполезным, в балласте или с грузом, бесполезным для крейсеров, его либо лишали пушек, и пускали в дрейф вместе с командой, либо сгоняли на берег в какой-нибудь уютной бухте, где его сжигали ради железных изделий. Если груз представлял ценность, а, как правило, захваченные корабли имели на борту какую-нибудь богатую вещь, они отплывали на нем в одно из голландских, французских или английских поселений, где продавали груз за ту сумму, которую могли получить, - десятую или двадцатую часть его стоимости. Если судно было хорошим, в хорошем состоянии, с отличной оснасткой, быстроходным и не имело слишком большой осадки (ведь они предпочитали плавать на небольших кораблях), они брали его в качестве крейсера, как только освобождали его от груза. Они вычистили губки и зарядили пушки, перенесли на борт свои запасы, разложили на палубе свои циновки, закрепили лодки на корме и отплыли в поисках другой добычи. Дисциплина на борту кораблей была невелика. То, что нужно было делать, они делали, но сверхсрочную работу они презирали и отвергали как нечестивую. Ночные вахты отчасти превращались в оргии. Пока одни спали, другие стреляли из пушек и пили за здоровье своих товарищей. При свете бинокля или ламп в каюте бродяги играли в карты или в кости "семь и одиннадцать", используя в качестве костей панникин. Пока азартные игроки резали и тасовали, а кости стучали по жести, музыканты пели песни, скрипачи напевали, а морские котики ставили печать одобрения. Хитрые танцоры демонстрировали свою науку в лунном свете, избегая спящих, если могли. В такой веселой манере ночи стали короче. Днем азартные игры продолжались с небольшими перерывами, и капитан не имел права их пресекать. Один капитан, по рассказам, был настолько смел, что выбросил кости и карты за борт, но, как правило, капитан крейсера буканьеров выбирался в качестве художника, штурмана или удачливого бойца. От него не ожидали, что он будет портить спорт. Непрерывные азартные игры почти всегда приводили к дракам и ссорам. Удачливые игроки часто выигрывали столько, что невезучим приходилось расставаться со всей добычей. Иногда несколько человек выигрывали все награбленное в круизе, к отвращению большинства, которое требовало передела добычи. Если два буканьера ссорились, они при первой же возможности дрались на берегу, используя ножи, шпаги или пистолеты, в зависимости от вкуса. Обычно дрались на пистолетах: бойцы стояли спина к спине, на расстоянии десяти-двенадцати шагов, и по команде поворачивались, чтобы выстрелить. Если оба выстрела промахивались, вопрос решался с помощью тесаков, и победителем объявлялся тот, кто первым пускал кровь. Если оказывалось, что человек трус, его либо привязывали к мачте и расстреливали, либо калечили и отправляли на берег. Ни один круиз не заканчивался, пока компания не объявляла себя удовлетворенной количеством взятой добычи. Этот вопрос, как и все другие важные вопросы, обсуждался на мачте и решался голосованием.

По завершении удачного плавания они отплывали в Порт-Ройял с кораблем, полным сокровищ, таких, как шерсть викуньи, пакеты с жемчугом из Хача, кувшины с циветтой или амброй, коробки с мармалетом и пряностями, бочки с крепким напитком, тюки шелка, мешки с шоколадом и ванилью, рулоны зеленой ткани и бледно-голубого хлопка, которые индейцы ткали в Перу, в песчаной деревне у моря, на виду у пеликанов и пингвинов. Помимо всего этого, в сундуках обычно находилось несколько личных вещей тех, кого они захватили в море. В сундуках для последующего раздела лежали шпаги, серебряные пистолеты, кинжалы с чеканкой и инкрустацией, часы из Испании, ожерелья из неограненных драгоценных камней, кольца и браслеты, тяжелая резная мебель, "ящики с бутылками" из тонко ограненного зеленого стекла, в которых хранились дистиллированные из драгоценных мятных конфет кордиалы, с пакетами изумрудов из Бразилии, безоаровых камней из Патагонии, картин из Испании и целебных камедей из Никарагуа. Все эти вещи были поделены по жребию на грот-мачте, как только якорь встал на якорь. Когда корабль или корабли приближались к порту, их люди вывешивали цвета - любые, какие только могли найти, чтобы придать своему судну нарядность. Когда корабль медленно плыл к причалу, выпивали по стакану, и, выпив, снова и снова стреляли из пушки, "пули и все остальное", радуясь, когда пули попадали в воду. В бухте корабли, стоявшие в гавани, отвечали пушечными залпами; флаги опускались и поднимались в знак приветствия; и вот якорь брошен в безопасном месте, и начался раздел добычи.

После дележа добычи в красивой гавани Порт-Ройяла, в виду пальм и форта с развевающимися цветами, буканьеры собрали свое снаряжение и перевалились через борт в лодку. Их вытащил на берег какой-то ухмыляющийся негр с алым шарфом на голове и клеймом раскаленного железа на плечах. У причала, где индейцы бездельничали за табаком, а рыбацкие каноэ покачивались, загорелые пираты сошли на берег. Среди шумной компании, которая всегда собирается на пирсе, они встретились со своими товарищами. Последовало нечто вроде римского триумфа, когда "счастливо вернувшиеся", развязно потянувшись, направились к тавернам. Жаждающие руки помогали им нести добычу. Через несколько минут банда входила в таверну - длинное прохладное помещение с бочками по стенам, где стояли скамьи и стол, а старый слепой скрипач дрыгал локтем в такт джиге. Шумная компания расположилась вокруг стола и уселась на скамьи, в то время как ямщики, или горшечники, в своих рубашках, приблизились, чтобы принять заказ. Интересно, приходилось ли читателю слышать, как матрос в подобных обстоятельствах, через пять минут после того как он коснулся своего жалованья, обращается к компании паразитов в трактире с вопросом: "Что будем делать?".

ССЫЛКИ:

[10] Из книги *"Обычаи буканьеров на испанском материке"*.

ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ О ТРЕХ ОТЪЯВЛЕННЫХ ПИРАТАХ [11]

Говард Пайл, ред.

/

Капитан Тич по прозвищу Черная Борода

Эдвард Тич был уроженцем Бристоля, но некоторое время плавал с Ямайки на каперах во время последней французской войны; однако, хотя он часто отличался необычайной смелостью и личной храбростью, его никогда не назначали командиром, пока он не занялся пиратством, что, я думаю, произошло в конце 1716 года, когда капитан Бенджамин Хорниголд посадил его на шлюп, который он взял в качестве приза, и с которым он поддерживал отношения до некоторого времени перед сдачей Хорниголда.

Весной 1717 года Тич и Хорниголд отплыли из Провиденса в Америку, захватив по пути гаванский шлюп со 120 бочками муки, а также бермудский шлюп, хозяином которого был Турбар, у которого они взяли только несколько галлонов вина, а затем отпустили его; и корабль из Мадейры в Южную Каролину, с которого они взяли добычу на значительную сумму.

Почистив побережье Виргинии, они вернулись в Вест-Индию и на 24-й широте взяли в качестве приза большой французский гвинейский корабль, направлявшийся в Мартинико, на который, с согласия Хорниголда, Тич поднялся на борт в качестве капитана и отправился на нем в плавание. Хорниголд вернулся со своим шлюпом в Провиденс, где по прибытии капитана Роджерса, губернатора, он сдался на милость, согласно прокламации короля.

На борту этого гвинейского судна Тич установил сорок пушек и назвал его *"Месть королевы Анны"*; крейсируя у острова Сент-Винсент, он захватил большой корабль под названием *"Великий Аллен"*, командир Кристофер Тейлор; пираты разграбили его, что посчитали нужным, высадили всех людей на берег вышеупомянутого острова и подожгли корабль.

Через несколько дней после этого Тич столкнулся с тридцатипушечным кораблем *"Скарборо"*, который вступил с ним в бой на несколько часов; но, обнаружив, что пират хорошо вооружен, и испытал свои силы, он отказался от боя и вернулся на Барбадос, место своей стоянки, а Тич поплыл в сторону Испанской Америки.

На этом пути он встретил пиратский шлюп из десяти пушек, которым командовал некий майор Боннет, в недавнем прошлом джентльмен с хорошей репутацией и состоянием на острове Барбадос, к которому он присоединился; Но через несколько дней после этого Тич, обнаружив, что Боннет ничего не знает о морской жизни, с согласия своих людей назначил другого капитана, некоего Ричардса, командовать шлюпом Боннета, а майора взял на борт своего корабля, сказав ему, что, поскольку он не привык к усталости и заботам на такой должности, ему лучше отказаться от нее и жить спокойно, в свое удовольствие, на таком корабле, как его, где он не будет обязан выполнять необходимые обязанности в морском путешествии.

В Турниффе, в десяти лигах от Гондурасского залива, пираты набрали пресной воды и, стоя на якоре, увидели приближающийся шлюп, после чего Ричардс на шлюпе *"Месть"* соскочил с троса и выбежал навстречу; увидев поднятый черный флаг, он сорвал парус и очутился под кормой командора Тича. Это был корабль *"Приключение"* с Ямайки, хозяин - Дэвид Хэрриот. Они взяли его и его людей на борт большого корабля и послали несколько других людей с Израэлем Хендсом, хозяином корабля Тича, чтобы укомплектовать шлюп для пиратского счета.

9 апреля они отчалили от Терниффа, простояв там около недели, и отправились в бухту, где нашли корабль и четыре шлюпа; три из них принадлежали Джонатану Бернарду с Ямайки, а один - капитану Джеймсу. Корабль из Бостона назывался *"Протестантский Сезар"*, командир - капитан Уайар. Тич поднял свои черные флаги и выстрелил из пушки, после чего капитан Уайар и все его люди покинули корабль и сошли на берег в своей лодке. Квартермейстер Тича и восемь человек из его команды завладели кораблем Уайара, а Ричардс захватил все шлюпы, один из которых они сожгли из злости, чтобы владельца. *Протестантский "Сезар"* они также сожгли, разграбив его, потому что он принадлежал Бостону, где несколько человек были повешены за пиратство, а три шлюпа, принадлежавшие Бернарду, они отпустили.

Отсюда бродяги поплыли к Туркиллу, затем к Гранд-Кайману, небольшому острову примерно в тридцати лигах к западу от Ямайки, где взяли небольшой туртлер, и так до Гаваны, а оттуда до Багамских затонувших островов; от Багамских затонувших островов они поплыли в Каролину, захватив на своем пути бригантину и два шлюпа, где пролежали пять или шесть дней у бара Чарльз-Тауна. Здесь они захватили корабль, направлявшийся в Лондон под командованием Роберта Кларка, на борту которого находилось несколько пассажиров, направлявшихся в Англию. На следующий день они захватили еще одно судно, выходившее из Чарльз-Тауна, а также два пинка, заходивших в Чарльз-Таун; кроме того, бригантину с четырнадцатью неграми на борту; все это было сделано на виду у города и навело такой ужас на всю провинцию Каролина, где незадолго до этого побывал Вейн, другой отъявленный пират, что они впали в отчаяние, будучи не в состоянии сопротивляться их силе. В гавани стояло восемь парусников, готовых к выходу в море, но ни один не осмелился выйти, так как спастись от их рук было практически невозможно. Суда, идущие внутрь, оказались перед той же несчастливой дилеммой, так что торговля в этом месте была полностью прервана. Усугубляла эти несчастья долгая и дорогостоящая война колонии с туземцами, которая только-только закончилась, когда на них напали эти разбойники.

Учителя задержали все корабли и пленников, и, нуждаясь в лекарствах, решили потребовать сундук у правительства провинции. Соответственно, Ричардс, капитан шлюпа *"Месть"*, и еще два или три пирата были отправлены вместе с мистером Марксом, одним из пленников, которого они захватили на корабле Кларка, и очень нагло предъявили свои требования, угрожая, что если они немедленно не отправят сундук с лекарствами и не позволят пиратским послам вернуться, не предлагая никакого насилия над их личностью, они убьют всех своих пленников, отправят их головы губернатору и подожгут захваченные ими корабли.

Пока мистер Маркс обращался в совет, Ричардс и остальные пираты открыто ходили по улицам на виду у всех людей, которые пылали крайним негодованием, считая их грабителями и убийцами, а особенно виновниками своих бед и притеснений, но не смели и думать об осуществлении мести из страха навлечь на себя еще большие беды, и потому вынуждены были пропустить злодеев безнаказанно. Правительство недолго раздумывало над этим посланием, хотя оно было величайшим оскорблением, которое только можно было нанести, но ради спасения жизней стольких людей (среди них мистер Сэмюэл Рэгг, один из членов совета) они подчинились необходимости и отправили на борт сундук стоимостью от трех до четырехсот фунтов, и пираты благополучно вернулись на свои корабли.

Чернобородый (так обычно называли Тича, как мы покажем далее), как только получил лекарства и своих братьев-изгоев, отпустил корабли и пленников, предварительно взяв с них золотом и серебром около полутора тысяч фунтов стерлингов, кроме того, провизию и другие вещи.

Из Чарльз-Тауна они отплыли в Северную Каролину: капитан Тич на корабле, который они называли военным, капитан Ричардс и капитан Хэндс на шлюпах, которые они называли каперами, и еще один шлюп служил им в качестве тендера. Теперь Тич начал подумывать о том, чтобы разбить компанию и получить деньги и лучшие вещи для себя и некоторых других своих товарищей, к которым он питал большую дружбу, а остальных обмануть. Поэтому, под предлогом того, что ему нужно очистить бухту Топсейл, он посадил свой корабль на мель, а затем, как будто это было сделано неумышленно и случайно, приказал шлюпу Хэндса прийти к нему на помощь и снова снять его, что тот, пытаясь сделать, столкнул шлюп на берег рядом с другим, и таким образом оба погибли. Сделав это, Тич переходит на шлюп с сорока людьми и оставляет там *"Месть"*, а затем берет семнадцать других и сажает их на небольшой песчаный остров в лиге от берега, где не было ни птицы, ни зверя, ни травы для пропитания, и где они должны были погибнуть, если бы майор Боннет не забрал их через два дня после этого.

Тич отправляется к губернатору Северной Каролины с двадцатью своими людьми, и они подчиняются прокламации Его Величества и получают свидетельства об этом от Его Превосходительства; но не похоже, чтобы они согласились на это помилование из-за какого-либо исправления нравов, а только чтобы дожидаться более благоприятной возможности сыграть ту же игру снова; что он вскоре и сделал, с большей безопасностью для себя и с гораздо лучшей перспективой успеха, за это время установив очень хорошие отношения с Чарльзом Иденом, Esq, вышеупомянутым губернатором.

Первой услугой, которую этот добрый губернатор оказал Чернобородому, было предоставление ему права на судно, захваченное им во время пиратства на большом корабле *"Месть королевы Анны"*, для чего в городе Бат состоялся суд вице-адмиралтейства, и, хотя Тич никогда в жизни не имел никаких поручений, а шлюп принадлежал английским купцам и был захвачен в мирное время, он был осужден как приз, захваченный у испанцев упомянутым Тичем. Эти действия показывают, что губернаторы - всего лишь люди.

Перед тем как отплыть навстречу приключениям, он женился на юной особе лет шестнадцати, и губернатор совершил эту церемонию. Как здесь принято венчаться со священником, так и там - с магистратом; и это, как мне сообщили, четырнадцатая жена Тича, из которых около дюжины, возможно, еще живы.

В июне 1718 года он вышел в море в очередной экспедиции и взял курс на Бермуды. На своем пути он встретил два или три английских судна, но ограбил их, взяв только провизию, магазины и другие необходимые вещи на свои текущие расходы; но возле упомянутого острова он столкнулся с двумя французскими кораблями, один из которых был нагружен сахаром и какао, а другой - легким, и оба направлялись в Мартинико. Корабль, на котором не было груза, он отпустил, и, посадив на него всех людей с груженого корабля, доставил второй корабль с грузом домой в Северную Каролину, где губернатор и пираты разделили добычу.

Когда Тич со своим призом прибыл на место, он и четверо членов его команды отправились к его превосходительству и дали показания под присягой, что нашли французский корабль в море без единой души на борту; затем был созван суд, и корабль был осужден. Губернатор получил в качестве дивидендов шестьдесят бочонков сахара, мистер Найт, который был его секретарем и сборщиком в провинции, - двадцать, а остальное разделили между другими пиратами.

Дело было еще не закончено: корабль оставался, и не исключалось, что в реку может войти тот или иной человек, который будет знаком с ним и обнаружит мошенничество. Но Тич

придумал хитрость, чтобы предотвратить это: под предлогом того, что корабль негерметичен и может затонуть, заблокировав устье бухты, где он лежал, он получил приказ губернатора вывести его в реку и поджечь, что и было сделано, и корабль сгорел до самой кромки воды, его днище затонуло, а вместе с ним и их опасения, что он когда-нибудь восстанет на них в суде.

Капитан Тич, он же Чернобородый, провел на реке три или четыре месяца, иногда стоя на якоре в бухтах, иногда переплывая из одного залива в другой, торгуя с такими шлюпами, какие ему встречались, за добычу, которую он брал, и часто дарил им подарки за магазины и провизию, которые он у них брал, то есть когда он бывал в хорошем настроении; в другое время он дерзил им и брал все, что ему нравилось, не говоря "С вашего позволения", прекрасно зная, что они не смеют прислать ему счет для оплаты. Он часто развлекался тем, что сходил на берег среди плантаторов, где веселился днем и ночью. Они принимали его хорошо, но из любви или из страха, я не могу сказать. Иногда он обращался с ними достаточно учтиво и делал им подарки ромом и сахаром в возмещение того, что брал у них; но что касается вольностей, которые, как говорят, он и его спутники часто совершали с женами и дочерьми плантаторов, то я не берусь сказать, платил ли он за них *ad valorem* или нет. Иной раз он вел себя с ними по-хозяйски и обкладывал некоторых из них контрибуцией; более того, он часто задирали губернатора, не то чтобы я мог обнаружить хоть малейшую причину ссоры между ними, но, похоже, это делалось только для того, чтобы показать, что он смеет это делать.

Шлюпы, торгующие вверх и вниз по этой реке, так часто подвергались грабежам со стороны Чернобородого, и они посоветовались с торговцами и некоторыми из лучших плантаторов, как поступить. Они ясно видели, что бесполезно обращаться к губернатору Северной Каролины, которому надлежало искать возмещения ущерба; так что, если они не получают облегчения в другом месте, Черная Борода будет безнаказанно царствовать; поэтому, соблюдая максимальную секретность, они послали депутацию в Виргинию, чтобы изложить дело губернатору этой колонии и попросить вооруженные силы с военных кораблей, находящихся там, чтобы захватить или уничтожить этого пирата.

Губернатор посоветовался с капитанами двух кораблей, "*Жемчужина*" и "*Лайм*", которые простояли в реке Сент-Джеймс около десяти месяцев. Было решено, что губернатор должен нанять пару небольших шлюпов, а военные моряки должны на них работать. Так и было сделано, а командовать ими поручили мистеру Роберту Мейнард, первому лейтенанту "*Жемчужины*", опытному офицеру и джентльмену, отличавшемуся храбростью и решительностью, о чем свидетельствует его доблестное поведение в этой экспедиции. Шлюпы были хорошо укомплектованы, снабжены боеприпасами и стрелковым оружием, но не имели установленных пушек.

Во время их отплытия губернатор созвал собрание, на котором было решено опубликовать на сайте прокламацию, предлагающую определенное вознаграждение любому человеку или людям, которые в течение года после этого захватят или уничтожат любого пирата. Оригинал прокламации, находящийся в наших руках, выглядит следующим образом

Его Величества вице-губернатор и главнокомандующий колонии и доминиона Виргиния.

ПРОКЛАМАЦИЯ,

Публикующее вознаграждение, назначаемое за задержание или убийство пиратов.

В соответствии с Актом Ассамблеи, принятым на сессии Ассамблеи, начатой в столице в Уильямсбурге в одиннадцатый день ноября в пятый год правления Его Величества, озаглавленным "Акт о поощрении задержания и уничтожения пиратов": Помимо прочего, постановляется, что все и каждый человек или люди, которые с и после четырнадцатого дня ноября в год Господа нашего тысяча семьсот восемнадцатый и до четырнадцатого дня ноября, который будет в год Господа нашего тысяча семьсот девятнадцатый, возьмут любого пирата или пиратов на море или на суше, или, в случае сопротивления, убьют любого такого пирата или пиратов, между тридцатью четырьмя и тридцатью девятью градусами северной широты и в пределах ста лиг от континента Виргиния, или в пределах провинций Виргиния или Северная Каролина, после осуждения или предоставления надлежащих доказательств убийства всех и каждого такого пирата и пиратов перед губернатором и советом, будет иметь право на получение из государственных денег, находящихся в руках казначея этой колонии, следующих вознаграждений: а именно: за Эдварда Тича, обычно называемого капитаном Тичем, или Чернобородым, сто фунтов; за каждого другого командира пиратского корабля, шлюпа или судна - сорок фунтов; за каждого лейтенанта, мастера или квартермейстера, боцмана или плотника - двадцать фунтов; за каждого другого младшего офицера - пятнадцать фунтов; и за каждого частного человека, взятого на борт такого корабля, шлюпа или судна, десять фунтов; и что за каждого пирата, который будет взят любым кораблем, шлюпом или судном, принадлежащим этой колонии или Северной Каролине, в течение вышеуказанного времени в любом месте, подобное вознаграждение должно быть выплачено в соответствии с качеством и состоянием таких пиратов. Итак, для поощрения всех лиц, желающих служить его величеству и своей стране в столь справедливом и почетном деле, как подавление рода людей, которых можно по праву назвать врагами человечества, я счел нужным, по совету и с согласия Совета его величества, издать настоящее Постановление, в котором объявляю, что упомянутое вознаграждение будет своевременно и справедливо выплачено в текущих деньгах Виргинии в соответствии с указаниями упомянутого Закона. И я приказываю и назначаю, чтобы эта прокламация была опубликована шерифами в их соответствующих загородных домах, а также всеми священниками и чтецами в нескольких церквях и часовнях по всей этой колонии.

Дано в нашей палате Совета в Уильямсбурге, сего
24-го дня ноября 1718 года, в пятый год
царствования Его Величества.

БОЖЕ, ХРАНИ КОРОЛЯ.

А. Спотсвуд.

17 ноября 1718 года лейтенант отплыл из Киккетана, что на реке Джеймс в Виргинии, а 31-го, вечером, пришел в устье залива Океркок, где и увидел пирата. Эта экспедиция была предпринята со всей мыслимой секретностью, и офицер действовал со всей необходимой осторожностью, останавливая все лодки и суда, которые встречались ему на реке, чтобы они не поднимались вверх, и тем самым не давая никакой информации достичь Черной Бороды, и в то же время получая от них отчет о месте, где скрывался пират. Но, несмотря на эту предосторожность, Чернобородый получил информацию о замысле от его превосходительства провинции; его секретарь, мистер Найт, написал ему письмо, в котором, в частности, сообщал, "что послал ему четырех своих людей, то есть всех, кого он мог встретить в городе или около него, и просил его быть начеку". Эти люди принадлежали Чернобородому и были отправлены из города Бат в бухту Океркок, где лежал шлюп, что составляет около двадцати лиг.

Чернобородый слышал несколько сообщений, которые, как оказалось, не соответствовали действительности, и поэтому не слишком доверял этому совету; он не был убежден в этом, пока не увидел шлюпы. Тогда настало время привести свое судно в состояние обороны. На его борту было не более двадцати пяти человек, хотя всем судам, с которыми он разговаривал, он говорил, что у него сорок. Приготовившись к бою, он сел и провел ночь в пьянстве с хозяином торгового шлюпа, у которого, как считалось, было больше дел с Тичем, чем следовало.

Лейтенант Мейнард встал на якорь, так как место было отмелое, а канал сложный, и не было никакой возможности попасть туда, где лежал Тич этой ночью; но утром он взвесился и послал свою лодку впереди шлюпов на звук, и, подойдя к пирату на расстояние выстрела, получил его огонь; после этого Мейнард поднял королевские флаги и встал прямо к нему, держась так, как могли сделать его паруса и весла. Чернобородый перерезал свой трос и попытался завязать беглый бой, непрерывно обстреливая врагов из своих пушек. Мистер Мейнард, не имея таковых, вел непрерывный огонь из стрелкового оружия, в то время как некоторые из его людей работали на веслах. Через некоторое время шлюп Тича сел на мель, а шлюп мистера Мейнарда, набрав больше воды, чем пират, не мог к нему приблизиться; тогда он бросил якорь в полуверсте от врага и, чтобы облегчить свое судно и поднять его на борт, лейтенант приказал выбросить за борт весь балласт и вычерпать всю воду, а затем взвеситься и встать за ним; на что чернобородый окликнул его таким грубым тоном: "Черт бы вас побрал, злодеи, кто вы такие и откуда пришли?". Лейтенант заставил его ответить: "Вы можете видеть по нашим цветам, что мы не пираты". Чернобородый попросил его послать свою лодку на борт, чтобы он мог увидеть, кто он такой; но мистер Мейнард ответил так: "Я не могу выделить свою лодку, но я поднимусь к вам на борт, как только смогу, на своем шлюпе". На это Чернобородый взял стакан с ликером и выпил за него со словами: "Будь проклята моя душа, если я дам тебе четверть или возьму от тебя хоть что-нибудь". В ответ на это мистер Мейнард сказал ему, "что он не ждет от него четвертования и не должен его давать".

В это время шлюп Чернобородого подошел к шлюпам мистера Мейнарда, которые, будучи не выше фута в талии, и, следовательно, все люди были беззащитны, когда они приблизились друг к другу (до этого с обеих сторон почти ничего не было сделано), пират открыл огонь с широкой стороны, заряженный всеми видами мелкой дроби. Шлюп, на котором находился лейтенант, получил двадцать человек убитыми и ранеными, а другой шлюп - девять. Но ничего не поделаешь, так как ветра не было, пришлось держаться за весла, иначе пират ушел бы от него, а лейтенант, судя по всему, был полон решимости не допустить этого.

После этого неудачного удара шлюп Чернобородого упал широкой стороной на берег; другой шлюп мистера Мейнарда, который назывался "*Рейнджер*", завалился на корму, будучи на данный момент выведенным из строя. Лейтенант, обнаружив, что его собственный шлюп получил ход и скоро окажется на борту "Тича", приказал всем своим людям спуститься вниз, опасаясь еще одного удара бортом, который должен был привести к их гибели и гибели их экспедиции. Мистер Мейнард был единственным человеком, который держался на палубе, кроме рулевого, которому он велел лечь поудобнее, а людям в трюме приказал приготовить пистолеты и шпаги к ближнему бою и подниматься по его команде; для этого в люке были установлены две лестницы для более оперативной работы. Когда шлюп лейтенанта взошел на борт, люди капитана Тича бросили туда несколько новомодных гранат, а именно: бутылки с гильзами, наполненные порохом и мелкой дробью, пулями и кусочками свинца или железа, с быстрозажимной спичкой в горлышке, которая, будучи зажженной со стороны, тут же устремляется в бутылку к пороху и, будучи мгновенно брошена на борт,

обычно производит большую казнь, приводя всю команду в замешательство. Но, по милости Провидения, здесь они не возымели такого действия: люди находились в трюме. Чернобородый, увидев, что на борту почти нет людей, сказал своим людям, что "все они сбиты с ног, кроме трех или четырех; и поэтому, - говорит он, - давайте прыгнем на борт и разрубим их на куски".

После этого под дымом одной из бутылок, о которых только что говорилось, Чернобородый вместе с четырнадцатью людьми перебрался через нос шлюпа Мейнарда и не видел его до тех пор, пока воздух не рассеялся. Однако в этот момент он подал сигнал своим людям, которые мгновенно поднялись и напали на пиратов с такой отвагой, какой еще не было в подобных случаях. Чернобородый и лейтенант первыми выстрелили друг в друга, в результате чего пират получил рану, а затем схватились на шпагах, пока лейтенант по несчастью не сломался, и, отступив назад, чтобы выхватить пистолет, Чернобородый с помощью своей тесаки нанес ему страшную рану в шею и горло, в результате чего лейтенант отделался лишь небольшим порезом пальцев.

Лейтенант и двенадцать человек против чернобородого и четырнадцати, пока море вокруг судна не окрасилось кровью. Чернобородый получил пулю в тело из пистолета, из которого стрелял лейтенант Мейнард, но стоял на своем и дрался с яростью, пока не получил пять с двадцать ран, и пять из них - пулевые. В конце концов, когда он взводил очередной пистолет, выстрелив перед этим несколько раз, он упал замертво; к тому времени еще восемь человек из четырнадцати упали, а все остальные, сильно израненные, прыгнули за борт и стали просить четверти, которая была предоставлена, хотя это лишь продлило их жизнь на несколько дней. Шлюп "*Рейнджер*" подошел и с такой же храбростью атаковал людей, оставшихся на шлюпе Чернобородого, пока они тоже не стали просить четверти.

Так закончилась жизнь этого отважного зверя, который мог бы стать героем, если бы его использовали в добрых целях.

Лейтенант приказал отрубить голову Чернобородого от тела и повесить ее на болт; затем он отплыл в Бат-Таун, чтобы получить помощь для своих раненых людей.

Разбирая шлюп пирата, они нашли несколько писем и письменных бумаг, из которых выяснилась переписка между губернатором Иденом, секретарем и коллектором, а также некоторыми торговцами из Нью-Йорка и Черной Бородой. Вероятно, он достаточно уважал своих друзей, чтобы уничтожить эти бумаги до начала действий, чтобы они не попали в такие руки, где их обнаружение не принесло бы пользы ни интересам, ни репутации этих прекрасных джентльменов, если бы не его твердое намерение взорваться вместе, когда он не найдет возможности спастись.

Когда лейтенант прибыл в Бат-Таун, он нагло конфисковал из губернаторского склада шестьдесят бочек сахара, а у честного мистера Найта - двадцать; похоже, это были их дивиденды от добычи, захваченной на французском корабле. Последний не пережил этого позорного открытия, так как, опасаясь, что его могут призвать к ответу за эти пустяки, заболел, как полагают, от испуга и умер через несколько дней.

После того как раненые пришли в себя, лейтенант отплыл обратно к военным кораблям на реке Джеймс, в Виргинии, с головой Чернобородого, все еще висевшей на болтовом конце, и пятнадцатью пленными, тринадцать из которых были повешены, причем на суде выяснилось, что один из них, а именно Сэмюэл Оделл, был снят с торгового шлюпа в ночь перед сражением. Этому бедняге немного не повезло, когда он только приступил к своему новому ремеслу: после боя на нем оказалось не менее семидесяти ран; несмотря на это, он выжил и

вылечился от всех них. Другим человеком, избежавшим виселицы, был Израэль Хэндс, хозяин шлюпа Чернобородого, а в прошлом капитан этого же шлюпа, до того как *"Месть королевы Анны"* погибла в бухте Топсейл.

Вышеупомянутый Хэндс не участвовал в схватке, но был доставлен на берег в Бат-Тауне, а за некоторое время до этого был выведен из строя Черной Бородой в одном из его диких приступов, следующим образом: Однажды вечером, выпивая в своей каюте с Руками, лоцманом и еще одним человеком, Чернобородый без всякой провокации достал небольшую пару пистолетов и засунул их под стол, что было замечено людьми, он удалился и вышел на палубу, оставив Руки, лоцмана и капитана вместе. Когда пистолеты были готовы, он задул свечу и, скрестив руки, разрядил их в свою компанию; Руки, хозяин, был ранен в колено и искалечен на всю жизнь, второй пистолет не попал. Когда его спросили, что это значит, он ответил, что "если бы он не убивал время от времени кого-нибудь из них, они бы забыли, кто он такой".

Хэндса схватили, судили и осудили, но как раз в тот момент, когда его собирались казнить, в Виргинию прибыл корабль с прокламацией о продлении срока помилования Его Величества для тех пиратов, которые сдадутся, до указанного в ней ограниченного времени. Несмотря на приговор, Руки подал прошение о помиловании, и ему было разрешено воспользоваться им, и некоторое время назад он был жив в Лондоне, прося хлеба.

Теперь, когда мы немного рассказали о жизни и деяниях Тича, не лишним будет рассказать о его бороде, ведь она в немалой степени способствовала тому, что его имя стало таким страшным в этих краях.

Плутарх и другие серьезные историки отмечали, что некоторые великие люди среди римлян получали свои фамилии от некоторых странных знаков на лице - как Цицерон от знака, или лианы, на носу, - так и наш герой, капитан Тич, получил прозвище Чернобородый, от того большого количества волос, которые, как страшный метеор, покрывали все его лицо и пугали Америку больше, чем любая комета, которая появлялась там в течение долгого времени.

Эта борода была черной, и он позволял ей вырастать необычайно длинной; что касается ширины, то она доходила ему до глаз. Он имел обыкновение скручивать ее лентами в маленькие хвостики, на манер наших рамильских париков, и накручивать их на уши. Во время боя он накидывал на плечи перевязь с тремя пистолетами, висевшими в кобурах, как бандольеры, и засовывал под шляпу зажженные спички, которые, появляясь на каждой стороне его лица, а глаза, естественно, выглядели свирепыми и дикими, делали его в целом такой фигурой, что воображение не может представить себе фурию из ада более страшной.

Если у него был вид фурии, то его юмор и страсти соответствовали этому.

В содружестве пиратов на того, кто идет на самое большое злодеяние, смотрят с некоторой завистью, как на человека более необычайной галантности, и тем самым он имеет право на то, чтобы быть отмеченным каким-нибудь постом, и если у такого человека есть только мужество, он непременно должен быть великим человеком. Герой, о котором мы пишем, в этом деле преуспел, и некоторые из его злодейских выходок были столь экстравагантны, словно он стремился заставить своих людей поверить в то, что он воплощение дьявола; однажды, будучи в море и слегка покрасневшись от выпитого, он сказал: "Давайте, - говорит он, - устроим себе ад и попробуем, как долго мы сможем его выносить". Соответственно, он с двумя или тремя другими спустился в трюм и, закрыв все люки, наполнил несколько горшков серой и другими горючими веществами и поджег их, и так

продолжалось до тех пор, пока они почти не задохнулись, когда некоторые из мужчин закричали, прося воздуха. В конце концов он открыл люки, ничуть не довольный тем, что продержался дольше всех.

В ночь перед тем, как его убили, он сидел и пил до утра с несколькими своими людьми и хозяином торгового судна; получив сведения о двух шлюпах, идущих на него, как уже говорилось, один из его людей спросил его, на случай, если с ним что-нибудь случится в схватке со шлюпами, знает ли его жена, где он зарыл свои деньги? Он ответил: "Никто, кроме него самого и дьявола, не знает, где они лежат, и самая длинная печень должна забрать все".

Те из его команды, кого взяли живыми, рассказали историю, которая может показаться немного невероятной; однако мы считаем, что будет несправедливо опустить ее, поскольку мы получили из их собственных уст. Однажды во время плавания они обнаружили, что у них на борту есть человек больше, чем их команда; такого человека видели несколько дней среди них, иногда внизу, иногда на палубе, но ни один человек на корабле не мог сказать, кто он и откуда пришел, и что он исчез за некоторое время до того, как их отбросило на их большой корабль; но, похоже, они искренне верили, что это был дьявол.

Казалось бы, все это должно было побудить их исправить свою жизнь, но столько развратников, собравшись вместе, подбадривали и подстегивали друг друга в их злодеяниях, чему не мало способствовало непрерывное пьянство, ибо в дневнике Чернобородого, который был взят, нашлось несколько записей следующего характера, написанных его собственной рукой: В такой-то день ром кончился; наша компания была несколько трезва; среди нас царила чертова неразбериха; грубияны замыслили заговор; поговаривали о разлуке; я присмотрел себе приз; в такой-то день взяли на борт много спиртного, так что в компании было жарко, чертовски жарко, а потом все снова пошло на лад.

Так и прожили эти несчастные свою жизнь, не получая ни удовольствия, ни удовлетворения от обладания тем, что они силой отнимали у других, и непременно расплачиваясь за это в конце концов бесславной смертью.

Имена пиратов, убитых в этой схватке, следующие: -...

Эдвард Тич, командир; Филип Мортон, стрелок; Гаррет Гиббенс, боцман; Оуэн Робертс, плотник; Томас Миллер, квартирмейстер; Джон Хаск, Джозеф Кертис, Джозеф Брукс (1), Нат. Джексон. Все остальные, кроме двух последних, были ранены и впоследствии повешены в Виргинии: Джон Карнес, Джозеф Брукс (2), Джеймс Блейк, Джон Гиллс, Томас Гейтс, Джеймс Уайт, Ричард Стайлз, Сезар, Джозеф Филипс, Джеймс Роббинс, Джон Мартин, Эдвард Солтер, Стивен Дэниел, Ричард Гринсейл, Израэль Хендс, помилован, Сэмюэл Одел, оправдан.

На пиратских шлюпах и на берегу в палатке, стоявшей неподалеку от шлюпов, находилось двадцать пять бочонков сахара, одиннадцать тирсов и сто сорок пять мешков какао, бочка индиго и тюк хлопка; все это, вместе с тем, что было взято у губернатора и секретаря, и продажей шлюпа, составило 2500 фунтов стерлингов, помимо вознаграждения, выплаченного губернатором Виргинии в соответствии с его прокламацией; Все это было поделено между компаниями двух кораблей, "*Лайм*" и "*Перл*", которые стояли в Джеймс-Ривер; храбрецы, захватившие их, получили не более чем свой дивиденд среди остальных, и получили его только через четыре года после этого.

Сейчас мы расскажем о человеке, чье имя известно в Англии лучше, чем большинство тех, чьи истории мы уже описывали; речь идет о капитане Киде, чей публичный суд и казнь здесь сделали его предметом всех разговоров, так что его деяния воспевались в балладах; Однако прошло уже немало времени с тех пор, как это случилось, и хотя люди в целом знали, что капитан Кид был повешен и что его преступлением было пиратство, но даже в то время почти не было тех, кто был знаком с его жизнью и поступками или мог объяснить, почему он стал пиратом.

В начале войны короля Вильгельма капитан Кид командовал капером в Вест-Индии и благодаря нескольким авантурным действиям приобрел репутацию храброго человека, а также опытного моряка. В это время пираты доставляли немало хлопот в тех краях, поэтому лорд Белламонт, тогдашний губернатор Барбадоса, а также несколько других лиц рекомендовали капитана Кида здешнему правительству как человека, которому можно поручить командование правительственным кораблем и отправиться в крейсерство против пиратов, поскольку он прекрасно знает те моря и знаком со всеми их укромными местами; Но какие причины руководили политикой тех времен, я не могу сказать, но это предложение не встретило здесь поддержки, хотя, несомненно, оно имело бы большое значение для дела: наши купцы терпели невероятные убытки от этих разбойников.

В связи с этим лорд Белламонт и некоторые другие, знавшие, какие большие захваты были сделаны пиратами и какие огромные богатства должны быть в их распоряжении, сообразовали снарядить корабль за свой счет и передать командование им капитану Киду; и чтобы придать этому делу большую известность, а также держать своих моряков под лучшим командованием, они добились от короля поручения для упомянутого капитана Кида, точная копия которого приводится ниже.

"Уильям Рекс, Уильям Третий, милостью Божьей, король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитник веры и т.д. Нашему надежному и любимому капитану Уильяму Киду, командиру корабля *"Приключенческая галера"*, или любому другому командиру оно на данный момент, приветствие; В то время как нам сообщили, что капитан Томас Ту, Джон Ирланд, капитан Томас Уэйк и капитан Уильям Мэйз, или Мейс, и другие подданные, уроженцы или жители Нью-Йорка и других мест на наших плантациях в Америке, объединились с различными другими, злыми и дурно настроенными людьми, и совершают, вопреки закону народов, совершают многочисленные и великие пиратства, грабежи и разбои на морях в Америке и в других частях, сильно мешая и препятствуя торговле и судоходству, и причиняя большую опасность и вред нашим любящим подданным, нашим союзникам и всем другим, плавающим по морям по их законным делам. Знайте же, что мы, желая предотвратить вышеупомянутые беды и, насколько это в наших силах, предать суду упомянутых пиратов, вольных разбойников и морских разбойников, сочли нужным и настоящим даем и предоставляем упомянутому Уильяму Киду (которому наши уполномоченные по исполнению обязанностей лорда Верховного адмирала Англии дали поручение как частному военному человеку, датированное 11 декабря 1695 года), и командиру упомянутого корабля на данный момент, и офицерам, морякам и другим лицам, которые будут находиться под вашим командованием, полную власть и полномочия задержать, арестовать и взять под стражу как указанных капитана Томаса Ту, Джона Айрленда, капитана Томаса Уэйка и капитана Уильяма Мейза, или Мейса, так и всех пиратов,

вольных разбойников и морских разбойников, как наших подданных, так и других народов, связанных с ними, которых вы встретите в морях или у берегов Америки или в любых других морях или у берегов, со всеми их кораблями и судами; и со всеми товарами, деньгами, товарами и изделиями, которые будут найдены на борту или при них, если они добровольно уступят; если же они не уступят без боя, то вы должны силой принудить их к сдаче. И мы также требуем, чтобы вы привели или заставили привести таких пиратов, вольных разбойников или морских бродяг, которых вы захватите, к судебному разбирательству, дабы они могли быть привлечены к ответственности в соответствии с законом, принятым в таких случаях. И мы настоящим приказываем всем нашим офицерам, министрам и другим нашим любящим подданным, кто бы ни был, оказывать вам помощь и содействие в этих делах. И мы настоящим предписываем вам вести точный журнал ваших действий по выполнению этих предписаний и записывать в него имена пиратов, их офицеров и компании, а также названия кораблей и судов, которые вы в силу этих предписаний захватите и конфискуете, и количество оружия, боеприпасов, провизии и груза на этих судах, а также истинную стоимость того же самого, насколько вы можете судить. И мы настоящим строго поручаем и приказываем вам, поскольку вы на свою беду ответите обратное, что вы ни в коем случае не оскорбляете и не досаждаете нашим друзьям или союзникам, их кораблям или подданным, прикрываясь этими подарками или полномочиями, предоставленными в соответствии с ними. В подтверждение чего мы приложили к настоящим документам нашу Большую печать Англии. Дано при нашем Кенсингтонском дворе 26-го дня января 1695 года, в седьмой год нашего царствования".

У капитана Кида было еще одно поручение, которое называлось "Поручение о репрессалиях"; поскольку тогда было военное время, это поручение должно было оправдать его в захвате французских торговых судов, если таковые ему встретятся.

С этими двумя поручениями он отплыл из Плимута в мае 1696 года на галере *"Адвенчер"* с тридцатью пушками и восемьюдесятью людьми. Первым местом, куда он направился, был Нью-Йорк; во время плавания туда он захватил французского банкира, но это не было актом пиратства, поскольку у него была комиссия для этой цели, как мы только что отметили.

Когда он прибыл в Нью-Йорк, то выставил объявления о найме дополнительных людей, так как это было необходимо для команды его корабля, поскольку он намеревался иметь дело с отчаянным врагом. Он предложил такие условия: каждый человек должен был получить долю от захваченного, оставив себе и владельцам по сорок долей. Вскоре он увеличил свою компанию до ста пятидесяти пяти человек.

С этой компанией он отплыл сначала на Мадейру, где взял вино и некоторые другие необходимые вещи; оттуда он отправился в Бонависту, один из островов Зеленого мыса, чтобы снабдить корабль солью, а оттуда сразу же отправился в Сан-Яго, другой из островов Зеленого мыса, чтобы запастись провизией. Когда все это было сделано, он взял курс на Мадагаскар, известное место встречи пиратов. На своем пути он встретился с капитаном Уорреном, командиром трех военных кораблей; он ознакомил их со своим планом, составил им компанию на два-три дня, а затем, оставив их, направился наилучшим путем на Мадагаскар, куда прибыл в феврале 1696 года, всего через девять месяцев после своего отплытия из Плимута.

Случилось так, что в это время пиратские корабли в большинстве своем находились в поисках добычи, так что, согласно лучшим сведениям, которые капитан Кид мог получить, ни одного из них в это время на острове не было, поэтому, потратив некоторое время на поливку корабля водой и взяв побольше провизии, он решил попытать счастья на побережье

Малабара, куда прибыл в июне следующего года, через четыре месяца после достижения Мадагаскара. Здесь он совершил безуспешное плавание, заходя то на остров Махала, то на остров Джоанна, расположенный между Малабаром и Мадагаскаром. Его провизия с каждым днем убывала, а корабль начал нуждаться в ремонте; поэтому, оказавшись на Джоанне, он нашел возможность занять сумму денег у французов, которые потеряли свой корабль, но спасли свои вещи, и на эти деньги он купил материалы для приведения своего корабля в порядок.

Не похоже, чтобы все это время у него была хоть малейшая задумка стать пиратом, поскольку неподалеку от Махалы и Джоанны он встретил несколько индийских кораблей с богатым грузом, к которым он не применил ни малейшего насилия, хотя был достаточно силен, чтобы делать с ними все, что ему заблагорассудится; и первое возмущение или грабеж, как я обнаружил, он совершил против людей после того, как отремонтировал свой корабль и покинул Джоанну. Он пристал к месту под названием Мабби на Красном море, где силой отобрал у туземцев немного гвинейской кукурузы.

После этого он отплыл в Бабс-Ки, расположенный на маленьком острове у входа в Красное море. Здесь он впервые начал открываться своей корабельной компании и дал им понять, что намерен изменить свои действия; когда речь зашла о флоте мока, который должен был плыть этим путем, он сказал: "До сих пор мы не имели успеха; но мужайтесь, мои парни, мы сделаем наши состояния из этого флота". И, обнаружив, что никто из них не возражает, он приказал выслать лодку, хорошо укомплектованную, и отправиться на побережье, чтобы сделать открытия, велел им взять пленного и привести к нему, или добыть разведку любым способом, каким смогут. Лодка вернулась через несколько дней, принесла ему весть о том, что они видели четырнадцать или пятнадцать кораблей, готовых к отплытию, некоторые из них были английскими, некоторые - голландскими, а некоторые - мавританскими.

Мы не можем объяснить эту внезапную перемену в его поведении иначе, как предположив, что сначала он имел хорошие намерения, надеясь заработать свое состояние на захвате пиратов; но теперь, устав от неудач и опасаясь, что его хозяева, рассердившись на свои большие расходы, уволят его, и он будет нуждаться в работе и будет отмечен как невезучий человек - скорее, говорю я, чем подвергнется опасности нищеты, - он решил делать свое дело одним способом, поскольку не мог делать его по-другому.

Поэтому он приказал одному человеку постоянно дежурить у мачты, чтобы не пропустить этот флот; и примерно через четыре дня после этого, ближе к вечеру, он появился в поле зрения, сопровождаемый одним английским и одним голландским кораблями. Кид вскоре пристал к ним и, оказавшись среди них, открыл огонь по мавританскому кораблю, который находился рядом с ним; но военные люди, подняв тревогу, накинулись на Кида и, открыв огонь, вынудили его отступить, так как он не был достаточно силен, чтобы противостоять им. Начав военные действия, он решил продолжить их, а потому отправился крейсировать вдоль побережья Малабара. Первым призом, который он встретил, было небольшое судно, принадлежавшее Адену; судно было мавританским, и владельцами были мавританские купцы, но хозяином был англичанин, его звали Паркер. Кид заставил его и португальца по имени Дон Антонио, то есть всех европейцев на борту, взять с собой; первого он назначил лоцманом, а последнего - переводчиком. Он также очень жестоко обращался с людьми, заставляя их поднимать за руки и бить голой секирой, чтобы заставить их узнать, есть ли у них на борту деньги и где они лежат; но поскольку у них не было на борту ни золота, ни серебра, он ничего не добился своей жестокостью; однако он взял у них тюк перца и тюк кофе, и так отпустил их.

Через некоторое время после этого он пристал к Каравару, расположенному на том же побережье, где еще до его прибытия до них дошли вести о том, что он сделал с мавританским кораблем, ибо некоторые из английских купцов получили об этом сведения от владельцев, которые вели с ними переписку; поэтому, как только Кид появился, его заподозрили в том, что он совершил это пиратство, и один мистер Харви и мистер Мейсон. Харви и мистер Мейсон, двое из английской фактории, поднялись на борт и спросили Паркера и Антонио, португальцев, но Кид отрицал, что знает таких людей, укрыв их обоих в трюме, где они пробыли семь или восемь дней, то есть до тех пор, пока Кид не отплыл оттуда.

Однако на побережье поднялась тревога, и португальский военный корабль отправился в крейсерство. Кид встретился с ним и сражался с ним около шести часов, достаточно галантно; но, обнаружив, что корабль слишком силен, чтобы его можно было взять, он покинул его, так как мог убежать от него, когда хотел. Затем он отправился в местечко под названием Порко, где полил корабль водой и купил у туземцев несколько свиней для пропитания своей компании.

Вскоре после этого он подошел к мавританскому кораблю, хозяином которого был голландец по имени Схиппер Митчел, и погнался за ним под французскими знаменами, который, заметив это, поднял тоже французские знамена. Когда он подошел к ней, то окликнул ее по-французски, и они, имея на борту француза, ответили ему на том же языке; тогда он приказал им послать свою лодку на борт. Они были вынуждены это сделать, и, выяснив, кто они такие и откуда прибыли, он спросил француза, который был пассажиром, есть ли у него французский пропуск для себя? Француз дал ему понять, что да. Тогда он сказал французу, что тот должен пройти как капитан, и "ей-богу, - говорит он, - вы капитан". Француз не мог отказаться сделать то, что он хотел. Это означало, что он захватит корабль как справедливый приз и как если бы он принадлежал французским подданным, в соответствии с поручением, которое он имел для этой цели; хотя после того, что он уже сделал, можно было подумать, что ему не нужно прибегать к пререканиям, чтобы придать своим действиям окраску.

Короче говоря, он забрал груз и через некоторое время продал его; но все же, похоже, он опасался, что эти действия могут плохо кончиться, так как, подойдя к голландскому кораблю, когда его люди не думали ни о чем, кроме как напасть на него, Кид воспротивился этому; В результате возник мятеж, и большинство было за то, чтобы захватить упомянутый корабль и вооружиться, чтобы сесть в шлюпку и захватить его, но он сказал им, что те, кто это сделал, никогда больше не должны подниматься на его борт, что положило конец этому замыслу, так что он некоторое время держался в компании с упомянутым кораблем, не предлагая ей никакого насилия. Однако этот спор послужил причиной несчастного случая, на основании которого впоследствии против Кида было выдвинуто обвинение; ибо Мавр, канонир, будучи однажды на палубе и разговаривая с Кидом об упомянутом голландском корабле, перекинулся с ним несколькими словами, и Мавр сказал Киду, что тот погубил их всех; тогда Кид, назвав его собакой, взял ведро и ударил его им, от чего, проломив череп, он умер на следующий день.

Но покаяние Кида длилось недолго, так как, плывя вдоль Малабара, он встретил множество лодок, которые разграбил. На том же побережье он наткнулся на португальский корабль, которым владел неделю, а затем, забрав из него несколько сундуков с индийскими товарами, тридцать кувшинов с маслом, немного воска, железа и сто мешков риса, отпустил его.

Примерно в то же время он отправился на один из Малабарских островов за дровами и водой, и его бондарь, сойдя на берег, был убит туземцами; тогда Кид сам высадился, сжег и

разграбил несколько их домов, а люди разбежались; но, захватив одного, он привязал его к дереву и приказал одному из своих людей застрелить его; затем, снова выйдя в море, он взял самый большой приз, который попал ему в руки, пока он занимался своей торговлей. Это был мавританский корабль в четыреста тонн, богато нагруженный, по имени *Куэда*, купец, хозяином которого был англичанин - его звали Райт, потому что индейцы часто используют английских или голландских людей для управления своими кораблями, поскольку их собственные мореплаватели не столь хороши в навигации. Кид преследовал судно под французским флагом и, догнав его, приказал поднять шлюпку и отправить к нему на борт, что и было сделано, он сказал Райту, что тот его пленник; и, осведомившись об этом судне, он понял, что на борту нет ни одного европейца, кроме двух голландцев и одного француза, а все остальные - индейцы или армяне, и что армяне являются совладельцами груза. Кид дал армянам понять, что если они предложат за выкуп что-либо стоящее, то он согласится; они предложили заплатить ему двадцать тысяч рупий, то есть не более трех тысяч фунтов стерлингов; но Кид решил, что это будет плохая сделка, и отказался от нее, а отправив команду на берег в разных местах побережья, он вскоре продал столько груза, что получилось около десяти тысяч фунтов. С частью груза он также торговал, получая в обмен провизию или другие товары, которые ему были нужны. Постепенно он избавился от всего груза, и при дележе он получил около двухсот фунтов на человека, а, оставив себе сорок акций, его дивиденды составили около восьми тысяч фунтов стерлингов.

Индейцы, жившие на побережье, взошли на борт и торговали с полной свободой, а он пунктуально выполнял свои сделки, пока не собрался отплыть; тогда, решив, что у него больше не будет к ним повода, он не побрезговал забрать их товары и спустить их на берег без всякой платы деньгами или товарами, чего они мало ожидали; поскольку они привыкли иметь дело с пиратами, они всегда находили их людьми чести в торговле - людьми, врагами обмана, и которые не гнушались грабить, кроме как своим собственным способом.

Кид посадил часть своих людей на борт торгового судна "*Куэда*" и вместе с этим кораблем и своим собственным отплыл на Мадагаскар. Как только он прибыл на место и бросил якорь, к его борту подплыло каноэ, в котором находилось несколько англичан, ранее хорошо знакомых с Кидом. Как только они увидели его, они приветствовали его и сказали, что им сообщили, что он пришел забрать их и повесить, что было бы немного некрасиво по отношению к такому старому знакомому. Кид вскоре развеял их сомнения, поклявшись, что у него нет такого намерения, и что он теперь во всех отношениях их брат, и такой же плохой, как они, и, позвав чашку бомбу, выпил здоровье их капитана.

Эти люди принадлежали к пиратскому кораблю под названием "*Резолюшн*", бывшему купеческому "*Мокко*", командиром которого был капитан Каллифорд и который стоял на якоре неподалеку от них. Кид поднялся с ними на борт, пообещав им свою дружбу и помощь, а Каллифорд, в свою очередь, поднялся на борт Кида; и Кид, чтобы доказать свою искренность в беззаконии, обнаружив, что Каллифорд испытывает нужду в некоторых вещах, сделал ему подарок в виде якоря и нескольких пушек, чтобы он снова мог выйти в море.

Галера "*Адвенчер*" была уже настолько старой и дырявой, что они были вынуждены постоянно держать две помпы, поэтому Кид перевез с нее все пушки и снасти на купеческую "*Кведу*", намереваясь использовать ее в качестве своего военного корабля; и как раньше он разделил деньги, так теперь разделил и остаток груза. Вскоре после этого большая часть компании покинула его, некоторые отправились на борт капитана Куллифорда, а другие скрылись в стране, так что у него осталось не более сорока человек.

Он вышел в море и случайно пристал к Амбойне, одному из голландских островов пряностей, где ему сказали, что весть о его деяниях достигла Англии и что там его объявили пиратом.

По правде говоря, его пиратство настолько встревожило наших купцов, что в парламенте были приняты меры по расследованию поручения, которое ему было дано, и лиц, которые его снарядили. Эти действия, похоже, несколько задевали лорда Белламонта, который считал себя настолько задетым этим, что после казни Кида опубликовал в памфлете свое оправдание. Тем временем было сочтено целесообразным, чтобы остановить пиратство, опубликовать прокламацию, предлагающую королю помиловать всех пиратов, которые добровольно сдадутся, в каких бы пиратствах они ни были виновны до последнего дня апреля 1699 года. То есть за все пиратства, совершенные к востоку от мыса Доброй Надежды, до долготы и меридиана Сокатора и мыса Каморин". В этой прокламации Эйвери^[12] и Кид были поименно исключены.

Когда Кид покинул Амбойну, он ничего не знал об этой прокламации, ибо, конечно, если бы он узнал о том, что он в ней исключен, он не был бы настолько увлечен, чтобы броситься в самую пасть опасности; Но, полагаясь на свои интересы с лордом Белламонтом, полагая, что французский пропуск или два, найденные им на борту некоторых из захваченных кораблей, послужат делу, и что часть добычи, которую он получит, приобретет ему новых друзей, - все это заставило его льстить себе, что все затихнет, и что правосудие лишь подмигнет ему. Поэтому он сразу же отплыл в Нью-Йорк, куда прибыл не раньше, чем по приказу лорда Белламонта ему были переданы все его бумаги и вещи. Многие из его товарищей по приключениям, бросивших его на Мадагаскаре, прибыли оттуда пассажирами, некоторые в Новую Англию, а некоторые в Джерси, где, узнав о прокламации короля о помиловании пиратов, сдались губернаторам этих мест. Сначала они были выпущены под залог, но вскоре их поместили в строгое заключение, где они находились некоторое время, пока не представилась возможность отправить их вместе с капитаном в Англию для суда.

В мае 1701 года в Олд-Бейли состоялось заседание Адмиралтейства, на котором капитан Кид, Николас Черчилль, Джеймс Хау, Роберт Ламли, Уильям Дженкинс, Габриэль Лофф, Хью Паррот, Ричард Барликорн, Абель Оуэнс и Дарби Маллинз были обвинены в пиратстве и разбое в открытом море, и все были признаны виновными, кроме троих: Это были Роберт Ламли, Уильям Дженкинс и Ричард Барликорн, которые, доказав, что они были учениками кого-то из офицеров корабля, и предъявив в суде свои контракты, были оправданы.

Хотя было доказано, что трое вышеупомянутых участвовали в захвате и разделе корабля и товаров, упомянутых в обвинительном заключении, однако, как справедливо заметил джентльмен в длинной мантии, между их обстоятельствами и остальными была большая разница; ведь для совершения преступления или пиратства необходимо намерение ума и свобода воли. Пирата следует понимать не как человека, находящегося под принуждением, а как свободного агента; ибо в этом случае само по себе действие не делает человека виновным, если только его не сделает таковым воля".

Кида также судили по обвинению в убийстве - за убийство Мавра, канонира, - и признали виновным в том же самом.

Что касается защиты капитана Кида, то он много настаивал на своей невиновности и злодействе своих людей. По его словам, он занимался похвальным делом и не имел возможности, будучи в то время в хороших обстоятельствах, заниматься пиратством; что люди часто бунтовали против него и делали все, что хотели; что ему угрожали расстрелом в его каюте, и что девяносто пять человек покинули его в одно время и подожгли его лодку, так что он был лишен возможности вернуть свой корабль домой или взятые им призы, чтобы их

регулярно осудили, которые, по его словам, были взяты в силу комиссии за широкой печатью, у них были французские пропуска. Капитан вызвал к себе полковника Хьюсона, который дал ему необыкновенную характеристику и заявил суду, что служил под его командованием и участвовал с ним в двух схватках с французами, в которых тот сражался так хорошо, как никто из тех, кого он когда-либо видел; что против месье дю Касса, командовавшего эскадрой из шести парусов, были только корабль Кида и его собственный, и они одержали над ним верх. Но эти сведения, полученные за несколько лет до совершения фактов, упомянутых в обвинительном заключении, не оказали никакой пользы заключенному на суде.

Что касается дружбы с Каллифордом, известным пиратом, то Кид отрицал это и сказал, что намеревался захватить его, но его люди, будучи кучкой негодяев и злодеев, отказались поддержать его, и несколько из них сбежали с его корабля к указанному пирату. Но доказательства против него были полными и конкретными, и он был признан виновным, как уже говорилось выше.

Когда Кида спросили, что он может сказать, почему приговор не должен быть вынесен в отношении него, он ответил, что "ему нечего сказать, кроме того, что он поклялся в этом лживыми и нечестивыми людьми". И когда приговор был оглашен, он сказал: "Милорд, это очень тяжелый приговор. Со своей стороны я самый невиновный из всех, только меня подкупили лживые люди".

И вот, примерно через неделю после этого, капитан Кид, Николас Черчилль, Джеймс Хау, Габриэль Лофф, Хью Пэррот, Абель Оуэн и Дарби Маллинз были казнены в Казенной пристани, а затем повешены в цепях на некотором расстоянии друг от друга вниз по реке, где их тела повисели открытыми в течение многих лет.

III

Капитан Бартоломью Робертс и его команда

Бартоломью Робертс отплыл по честному найму из Лондона на борту корабля "Принцесса", командиром которого был капитан Пламб, а вторым помощником. Он покинул Англию в ноябре 1719 года, прибыл в Гвинею в феврале следующего года и, находясь в Анамбозе, где брал рабов для Вест-Индии, был взят на упомянутый корабль капитаном Хауэлом Дэвисом. Вначале он был очень против такой жизни и, конечно, сбежал бы от них, если бы представился удобный случай; но потом он изменил свои принципы, как и многие другие, и, возможно, по той же причине - из-за предпочтений; и то, что ему не нравилось как частному лицу, он мог примирить со своей совестью как командир.

Дэвис был убит на Принцевом острове, когда планировал захватить его со всеми жителями, компания оказалась перед необходимостью занять его место, на которое среди избранных, носящих титул лордов, было два или три кандидата - Симпсон, Эшплант, Анстис и т. д. - и, обсуждая этот вопрос, насколько расшатанным и слабым должно быть их правительство без главы, поскольку Дэвис был удален упомянутым выше способом, милорд Деннис предложил, как говорят, за чашей, сделать это:

"Что не имеет большого значения, кто удостоился этого титула, ибо на самом деле и по правде все хорошие правительства имеют, как и их, верховную власть, находящуюся в руках общества, которое, несомненно, может назначать и отзывать ее в соответствии с интересами или юмором. Мы - первоисточник этого права, - говорит он, - и если какой-нибудь капитан

окажется настолько дерзким, что превысит предписание в любой момент, что ж, долой его! После смерти он будет предостерегать своих преемников о том, к каким роковым последствиям может привести любое допущение. Однако я советую, пока мы трезвы, выбрать человека мужественного и искусного в навигации, того, кто своим советом и храбростью лучше всего сможет защитить это содружество и уберечь нас от опасностей и бурь неустойчивой стихии и роковых последствий анархии; и таким человеком я считаю Робертса - парня, как мне кажется, во всех отношениях достойного вашего уважения и благосклонности".

Этой речи громко аплодировали все, кроме лорда Симпсона, который сам питал тайные надежды, но после разочарования погрузился и покинул собрание, поклявшись, что "ему все равно, кого выберут капитаном, лишь бы не паписта, ибо против них он питал непримиримую ненависть, так как его отец пострадал во время восстания Монмута".

Соответственно, Робертс был избран, хотя пробыл среди них не более шести недель. Выбор был подтвержден и лордами, и простолюдинами, и он принял эту честь, заявив, что раз уж он окунул руки в мутную воду и должен быть пиратом, то лучше быть командиром, чем простым человеком.

Как только правительство уладило свои дела, назначив других офицеров вместо тех, что были убиты португальцами, компания решила отомстить за смерть капитана Дэвиса, которого команда уважала больше обычного за его приветливость и добрый нрав, а также за его поведение и храбрость во всех случаях; во исполнение этого решения было высажено около тридцати человек, чтобы совершить нападение на форт, к которому нужно было подняться по крутому холму против устья пушки. Возглавлял их некто Кеннеди, человек смелый, дерзкий, но очень злой и распутный; они пошли прямо вверх под огнем корабельных пушек, и как только их обнаружили, португальцы бросили свой пост и бежали в город, а пираты без сопротивления вошли внутрь, подожгли форт и сбросили все пушки с холма в море, после чего спокойно отступили на свой корабль.

Но это не было сочтено достаточным удовлетворением за нанесенный им ущерб, поэтому большинство компании высказалось за сожжение города, на что Робертс сказал, что уступит, если будет предложено какое-либо средство сделать это без их собственного уничтожения, так как город имел более безопасное положение, чем форт, густой лес подходил почти вплотную к нему, обеспечивая прикрытие для обороняющихся, которые, имея такое преимущество, сказал он им, следует опасаться, будут стрелять и лучше держаться за свое оружие; кроме того, голые дома будут лишь малой наградой за их неприятности и потери. Этот благоразумный совет возоблада; тем не менее, они установили на захваченном ими в этом месте французском корабле двенадцать пушек и облегчили его, чтобы подойти к городу, поскольку вода была мелководной, и снесли несколько домов; после этого они все вернулись на борт, вернули французский корабль тем, кто имел на него больше прав, и вышли из гавани при свете двух португальских кораблей, которые им было угодно поджечь там.

Робертс отошел к югу и встретил голландский гвинейский корабль, который взял в качестве приза, но, разграбив его, шкипер снова получил свой корабль. Через два дня после этого он захватил у мыса Лопес английский корабль "*Эксперимент*" капитана Корнета; люди полностью перешли на пиратскую службу, и, не имея возможности использовать корабль, сожгли его, а затем направились к Сент-Томе, но, не встретив ничего на своем пути, отплыли к Аннабоне, где помылись, набрали провизии и поставили на голосование компании вопрос о том, куда им отправиться в следующее плавание - в Ост-Индию или в Бразилию. Решено

было выбрать последнее, и они отправились в путь, а через двадцать восемь дней прибыли на Фердинандо, необитаемый остров на этом побережье. Здесь они помылись, надели сапоги и приготовились к намеченному путешествию.

На этом побережье наши мореходы крейсировали около девяти недель, держась, как правило, вне видимости земли, но не видя парусов, что обескуражило их настолько, что они решили покинуть станцию и направиться в Вест-Индию; и, чтобы сделать это, они встали на сушу, чтобы взять землю для своего отплытия; И таким образом они неожиданно столкнулись с флотилией из сорока двух португальских кораблей в бухте Лос-Тодос-Сантос, со всем их грузом, направлявшимся в Лиссабон, несколько из них были хорошей силы, которые лежали в ожидании двух военных кораблей по семьдесят пушек каждый, их конвоя. Однако Робертс решил, что ему придется нелегко, но он сделает свой рынок среди них, после чего смешался с флотом и спрятал своих людей, пока не будут приняты соответствующие решения. Сделав это, они подошли к одной из самых глубоких яхт и приказали ей спокойно отправить хозяина на борт, угрожая, что не дадут им покоя, если будет оказано сопротивление или подан сигнал бедствия. Португальцы, удивленные этими угрозами и внезапным взмахом пиратских тесаков, подчинились без единого слова, и капитан поднялся на борт. Робертс приветливо поздоровался с ним, сказав, что они - джентльмены удачи, но что их дело - узнать, какой корабль самый богатый в этом флоте, и если он правильно укажет им, то будет возвращен на свой корабль без всяких притеснений, в противном случае его должна ожидать немедленная смерть.

Тогда португальский мастер указал на сорок пушек и сто пятьдесят человек, корабль более мощный, чем "*Ровер*"; но это ничуть не обескуражило их; они сказали, что это португальцы, и тут же направились к нему. Когда они приблизились, хозяину, которого они взяли в плен, было приказано спросить, "как поживает сеньор капитан?" и пригласить его на борт, "так как у него есть важное дело, которое он должен ему сообщить"; что и было сделано, он ответил, что "подождет его сейчас", но по суматохе, которая сразу же последовала, пираты поняли, что их обнаружили, и что это был лишь обманный ответ, чтобы выиграть время и поставить свой корабль в положение обороны; поэтому без дальнейшего промедления они навалились на корабль, взяли его на бордаж, и схватились с ним. Спор был коротким и жарким, в котором пало много португальцев и только двое пиратов. К этому времени флот был поднят по тревоге: сигналы с верхнего галланта листами и выстрелы из пушек известили военных моряков, которые все еще стояли на якоре и поспешили на помощь; и если то, что рассказывали сами пираты, правда, то командиры этих кораблей были виноваты в высшей степени и недостойны звания или даже имени человека. Робертс, обнаружив, что приз на корабле тяжел, но решив не терять его, пристал к самому большому из них, который намного превосходил другой, и приготовился к бою, от которого позорно отказался, хотя и обладал столь превосходящими силами; ибо, не осмеливаясь напасть на пирата в одиночку, он так долго ждал свою спутницу, что дал им обоим время не спеша уйти.

Они нашли этот корабль очень богатым: на нем было много сахара, шкур и табака, а золота - сорок тысяч мойдоров, кроме того, цепочки и безделушки немалой стоимости; в частности, крест с бриллиантами, предназначенный для короля Португалии, который они потом подарили губернатору Кайаны, которому были обязаны.

Обрадованные такой добычей, они теперь не думали ни о чем, кроме как о безопасном убежище, где они могли бы предаться всем удовольствиям, которые могут дать роскошь и распутство; и в настоящее время они остановились на месте, называемом Дьявольские острова в реке Суринам, на побережье Кайаны, куда они прибыли, и нашли самый вежливый

прием, какой только можно себе представить, не только от губернатора и фабриканта, но их жен, которые обменивались товарами и вели с ними значительную торговлю.

В этой реке они захватили шлюп и узнали, что вместе с ним из Род-Айленда отплыла бригантина, груженная провизией для побережья - желанный груз! В морском магазине не хватало провизии, и, как говорит Санчо, "без живота приключений не бывает". Однажды вечером, когда они разгребали свои сокровища, португальский приз, это ожидаемое судно было замечено у мачты, и Робертс, полагая, что никто не сможет справиться с этим делом так хорошо, как он сам, берет сорок человек на шлюп и отправляется в погоню за ним; Но за этой опрометчивой, хотя и незначительной авантюрой последовала роковая случайность, ибо Робертс, думая лишь о том, чтобы привести бригантину в тот же день, не побеспокоился о провизии на шлюпе и не поинтересовался, что есть на борту, чтобы прокормить такое количество людей; но он отплыл за ожидаемым призом, который не только потерял из виду, но после восьми дней борьбы со встречными ветрами и течениями оказался в тридцати лигах подветренной стороны. Течение по-прежнему противодействовало их усилиям, и, не видя надежды доплыть до корабля, они бросили якорь и неосмотрительно отослали лодку, чтобы дать остальной компании знать о своем состоянии и приказать доставить к ним корабль; но слишком скоро - даже на следующий день - их нужды дали им понять, что они заблуждаются, так как вода была израсходована, а они не подумали, как им прокормиться, пока не придет корабль или не вернется лодка, что вряд ли произойдет раньше чем через пять или шесть дней. Здесь, подобно Танталу, они почти умирали от голода при виде пресных ручьев и озер, и в конце концов были доведены до такой крайности, что были вынуждены разодрать пол в хижине и соорудить из веревок что-то вроде бадьи или лотка, чтобы грести к берегу и немедленно доставать воду для сохранения жизни.

Через несколько дней долгожданное судно вернулось, но с самыми нежелательными новостями в мире: Кеннеди, который был лейтенантом и остался, в отсутствие Робертса, командовать капером и призом, ушел с обоими. Это был смертный приговор, и вы можете себе представить, что они не ушли без нескольких жестких речей со стороны тех, кто остался и пострадал от их вероломства. И чтобы впредь не упоминать об этом Кеннеди, я оставлю капитана Робертса излить свой гнев в нескольких клятвах и проклятиях, а сам последую за другим, которого с того времени мы можем считать направляющим свой курс к Казненному Доку.

Теперь капитаном взбунтовавшейся команды был выбран Кеннеди, но он не мог привести свою компанию к какому-либо определенному решению. Некоторые из них были за то, чтобы продолжать прежнюю игру, но большая часть, похоже, склонялась к тому, чтобы свернуть с этого дурного пути и вернуться домой частным порядком, поскольку акт о помиловании не действовал; поэтому они договорились разойтись, и каждый сам за себя, как ему вздумается. Первым делом они расстались с большим португальским призом, а хозяин шлюпа (которого звали, кажется, Кейн), который, по их словам, был очень честным человеком - ведь он всегда их веселил - рассказал им о бригантине, за которой охотился Робертс; и когда пираты впервые захватили его, он похвалил их, сказав, что они рады его шлюпу и грузу, и пожелал, чтобы судно было больше, а груз богаче ради них. Этому добродушному человеку они отдали португальское судно, которое к тому времени было загружено более чем наполовину, трех или четырех негров и всех его людей, который поблагодарил своих добрых благодетелей и удалился.

Капитан Кеннеди на "*Ровере*" отплыл к Барбадосу, возле которого они захватили очень мирный корабль, принадлежавший Вирджинии. Командиром был квакер, которого звали Нот; на борту у него не было ни пистолета, ни шпаги, ни тесака, и мистер Нот так пассивно

реагировал на все, что они ему говорили, что некоторые из них решили, что это хорошая возможность уйти; соответственно, восемь пиратов поднялись на борт, и он доставил их в целости и сохранности в Виргинию. Они подарили квакеру десять сундуков сахара, десять рулонов бразильского табака, тридцать мойдоров и немного золотой пыли, всего на сумму около 250 фунтов стерлингов. Они также сделали подарки матросам, одни больше, другие меньше, и вели веселую жизнь все время, пока находились в плавании, капитан Нот давал им на дорогу; да и сам он не мог удержаться, если только не воспользовался случаем удивить их, когда они были пьяны или спали, потому что на борту корабля они носили оружие и приводили его в постоянный ужас, поскольку он (как и секта) не имел права сражаться, если только с помощью искусства и сговора. Он хорошо управлялся с этим оружием, пока не достиг мысов; после этого четверо пиратов уплыли на лодке, которую взяли с собой, чтобы легче было бежать, и направились по заливу в сторону Мэриленда, но были вынуждены вернуться из-за шторма в безлюдное место, где, встретив приятное развлечение среди плантаторов, пробыли несколько дней, не будучи обнаруженными пиратами. Тем временем капитан Нот, оставив на борту своего корабля четырех человек, намеревавшихся отправиться в Северную Каролину, поспешил сообщить губернатору мистеру Спотсвуду, что за пассажиров он был вынужден взять с собой, и тот, по счастливой случайности, схватил их; а когда были проведены поиски остальных, веселившихся по стране, их тоже схватили, всех судили, осудили и повесили; главными уликами стали два португальских еврея, которых взяли на побережье Бразилии и которых они привезли с собой в Виргинию. Последние нашли способ припрятать часть своих богатств у плантаторов, которые так и не отдали их в управление. Но капитан Нот отказался от всего, что принадлежало им и было взято на борт, даже от того, что они подарили ему, взамен тех вещей, которые они награбили у него во время плавания, и обязал своих людей поступить так же.

Через несколько дней после захвата упомянутого выше "Виргинца", когда он крейсировал на широте Ямайки, Кеннеди взял шлюп, шедший из Бостона, груженный хлебом и мукой; на борт этого шлюпа поднялись все, кто был за то, чтобы разбить шайку, и оставили тех, кто был настроен на дальнейшие приключения. Среди первых был Кеннеди, их капитан, о чести которого они имели столь презрительное представление, что собирались выбросить его за борт, когда обнаружили на шлюпе, опасаясь, что он может предать их всех по возвращении в Англию; в детстве его воспитали карманником, а до того, как он стал пиратом, - взломщиком домов; обе профессии, о которых эти джентльмены весьма невысокого мнения. Однако капитану Кеннеди, принесшему торжественную клятву верности своим товарищам, разрешили идти с ними.

В этой компании был только один человек, претендовавший на умение ориентироваться в навигации (ведь Кеннеди не умел ни писать, ни читать, его выбрали в команду только за храбрость, которую он не раз демонстрировал, в частности, при захвате португальского корабля), и он оказался только притворщиком, потому что, взяв курс на Ирландию, где они договорились высадиться, они скрылись на северо-западном побережье Шотландии, и там несколько дней их швыряло сильным ветром, не зная, где они находятся, и подвергаясь большой опасности погибнуть. В конце концов они загнали судно в небольшую бухту и сошли на берег, оставив шлюп на якоре для следующих желающих.

Вся компания освежилась в маленькой деревушке в пяти милях от того места, где они оставили шлюп, и выдала себя за потерпевших кораблекрушение моряков, и, без сомнения, могла бы отправиться дальше, не вызывая подозрений, но безумный и буйный образ жизни, который они вели по дороге, заставил их прервать путешествие, как мы увидим в дальнейшем.

Кеннеди и еще один человек оставили их здесь и, добравшись до одного из морских портов, отправились в Ирландию и прибыли туда в целости и сохранности. Шестеро или семеро благоразумно отделились от остальных, путешествовали в свое удовольствие и добрались до столь желанного лондонского порта без помех и подозрений, но основная банда наводила страх на всю страну, где бы они ни появлялись, пили и ревели с такой скоростью, что люди закрывались в своих домах, в некоторых местах не решаясь выйти на улицу среди такого количества безумных парней. В других деревнях они угощали весь город, растрачивая свои деньги, словно, подобно Эзопу, хотели облегчить свою ношу. Из-за такого дорогостоящего образа жизни двое из их пьяных бродяг получили по голове, их нашли убитыми на дороге, а деньги у них отобрали. Все остальные, числом семнадцать, по мере приближения к Эдинбургу были арестованы и брошены в тюрьму по подозрению неизвестно в чем; однако мировые судьи долго не могли найти подходящих обвинений, так как двое из шайки, предложившие себя в качестве доказательств, были приняты, а остальные были приведены к скорому суду, на котором девять из них были осуждены и казнены.

Кеннеди, растратив все свои деньги, приехал из Ирландии и содержал публичный дом на Дептфорд-роуд, а время от времени, как считалось, совершал экскурсии за границу, занимаясь своим прежним ремеслом, пока одна из его домашних не дала на него сведения об ограблении, за что он был помещен в Брайдвелл; но поскольку она не хотела делать дело наполовину, она узнала помощника с корабля, на котором Кеннеди совершил пиратство, в чем он ей по глупости признался. Этот помощник, которого звали Грант, навел Кеннеди в Брайдвелле и, узнав, что это тот самый человек, достал ордер и отправил его в тюрьму Маршалси.

Теперь Кеннеди предстояло выступить в роли свидетеля; он дал список восьми или десяти своих товарищей, но, не зная их местожительства, отобрал только одного, который, хотя и был осужден, оказался человеком честного характера, был вынужден поступить к ним на службу и при первой же возможности сбежал от них, а потому получил помилование; Уолтер же Кеннеди, будучи отъявленным преступником, был казнен 19 июля 1721 года в Казенной палате.

Остальные пираты, оставшиеся на корабле "*Ровер*", пробыли там недолго: они сошли на берег одного из вест-индских островов. Что с ними стало потом, я не могу сказать, но корабль был обнаружен в море шлюпом, принадлежащим *Сент-Кристоферу*, и доставлен на этот остров с девятью неграми на борту.

Таким образом, мы видим, какая гибельная участь постигает нечестивцев, и как редко они избегают наказания за свои преступления, которые, предаваясь такой распутной жизни, грабят, портят и охотятся на человечество, вопреки свету и закону природы, а также закону Божьему. Можно было надеяться, что пример этих смертей послужит остальным членам шайки указанием, как избегать скал, на которых разбились их товарищи; что они сдадутся на милость или навсегда откажутся от таких занятий, которые, как они могли быть уверены, в конце концов подвергнут их тому же закону и наказанию, которого, как они должны были сознавать, они теперь в равной степени заслуживают; надвигающемуся закону, который никогда не дает им спокойно спать, разве что в пьяном виде. Но все, что здесь было использовано, - это похвала справедливости суда, осудившего Кеннеди, ибо он, по их словам, был печальным псом и заслуживал той участи, которая его постигла.

Но вернемся к Робертсу, которого мы оставили на берегу Кайаны, разгневанного поступком Кеннеди и его команды, и который теперь замышлял новые приключения со своей небольшой компанией на шлюпе; но, обнаружив, что до сих пор они были лишь как веревка

на песке, они составили свод статей, которые должны были подписать и поклясться, чтобы лучше сохранять свое общество и поступать справедливо друг с другом, исключив из него всех ирландцев, к которым они питали непримиримую неприязнь из-за Кеннеди. Как, правда, Робертс мог подумать, что клятва будет обязательной там, где попираются законы Божьи и человеческие, я не могу сказать, но он считал, что их главная безопасность заключается в этом - "что каждый заинтересован соблюдать их, если они намерены продолжать столь отвратительную комбинацию".

Ниже приводится содержание статей, взятых из сообщений самих пиратов.

I

Каждый человек имеет право голоса в важных делах, имеет равное право на свежую провизию или крепкие напитки в любое время и может пользоваться ими по своему усмотрению, если только нехватка (что не редкость среди них) не заставит проголосовать за сокращение для всеобщего блага.

II

Каждого человека справедливо вызывать по очереди по списку на борт призов, потому что, сверх положенной доли, им в этих случаях полагается смена одежды. Но если они обманывали компанию на сумму в один доллар пластинами, драгоценностями или деньгами, их наказывали выкидыванием на берег. (Это - варварский обычай высаживать преступника на берег, на какой-нибудь пустынный или необитаемый мыс или остров, с ружьем, несколькими выстрелами, бутылкой воды и бутылкой пороха, чтобы прокормиться или умереть с голоду). Если же грабеж был только между собой, они довольствовались тем, что отрезали виновному уши и нос, и отправляли его на берег, но не в необитаемое место, а туда, где он наверняка столкнется с трудностями.

III

Запрещается играть в карты и кости на деньги.

IV

Огни и свечи должны гаснуть в восемь часов вечера. Если кто-то из команды после этого часа все еще будет склонен к выпивке, он должен будет делать это на открытой палубе (Робертс полагал, что это положит конец их распутству, поскольку сам был трезвенником, но в конце концов обнаружил, что все его попытки положить конец этому дебошу оказались безрезультатными).

V

Содержать свои ружья, пистолеты и тесаки в чистоте и пригодности к службе. (В этом они были необычайно любезны, стараясь превзойти друг друга в красоте и богатстве своего оружия, отдавая иногда на аукционе на мачте по 30 или 40 фунтов за пару пистолетов. Во время службы их перевязывали через плечо разноцветными лентами, что было свойственно этим парням и доставляло им огромное удовольствие).

VI

Среди них не должно быть ни мальчиков, ни женщин. Если кто-либо из мужчин будет уличен в соблазнении любой представительницы последнего пола и унесет ее в море переодетой, его ожидала смерть. (Поэтому, когда кто-нибудь попадал в их руки, как это случилось на "Онслоу", они немедленно ставили над ней часового, чтобы предотвратить дурные последствия от столь опасного орудия раздора и ссор; но здесь кроется мошенничество - они спорят, кто будет часовым, что обычно случается с одним из самых больших забияк).

VII

Дезертирство с корабля или из своей каюты в бою каралось смертью или затоплением.

VIII

Запрещалось наносить друг другу удары на борту, но все мужские ссоры должны были заканчиваться на берегу, на мечах и пистолетах. Таким образом, капитан корабля, когда стороны не могут прийти к примирению, сопровождает их на берег с той помощью, которую считает нужной, и ставит спорщиков спина к спине на расстоянии стольких-то шагов. По команде они поворачиваются и немедленно стреляют, иначе ружье выбивается из рук. Если оба промахнулись, то они сходятся на своих тесаках, и тогда победителем объявляется тот, кто первым пустит кровь.

IX

Ни один человек не должен говорить о том, чтобы расстаться со своим образом жизни, пока каждый не разделит между собой 1 000 фунтов стерлингов. Если для этого кто-либо лишится конечности или станет калекой на службе, он должен был получить 800 долларов из общественных запасов, а за меньшие увечья - соразмерно.

X

Капитан и квартирмейстер должны получать по две доли приза; мастер, боцман и канонир - по полторы доли, остальные офицеры - по одной с четвертью.

XI

Музыканты должны отдыхать в день субботний, а остальные шесть дней и ночей - без особой надобности.

Это, как нас уверяют, были некоторые из статей Робертса, но поскольку они позаботились выбросить за борт оригинал, который подписали и присягнули, есть все основания подозревать, что остальные содержали нечто слишком ужасное, чтобы быть раскрытыми кому-либо, кроме тех, кто был готов стать соучастником их беззакония. Пусть они будут такими, какими будут, но они вместе были испытанием для всех новичков, которые проходили посвящение, принося клятву на Библии, предназначенной только для этой цели, и подписывались в присутствии уважаемого мистера Робертса. А на случай, если возникнут какие-либо сомнения относительно толкования этих законов и останется спор, нарушила их сторона или нет, было назначено жюри, которое должно было разъяснить их и вынести вердикт по сомнительному делу.

Раз уж мы заговорили о законах этой компании, я продолжу и, как можно короче, расскажу о главных обычаях и управлении этим разбойничьим сообществом, которые почти одинаковы у всех пиратов.

Для наказания мелких проступков, не предусмотренных уставом и недостаточно серьезных, чтобы их можно было доверить суду присяжных, среди пиратов есть главный офицер, называемый квартирмейстером, которого выбирают сами пираты и который претендует на всю полноту власти, за исключением времени боя. Если они не подчиняются его командам, ссорятся и бунтуют друг с другом, злоупотребляют пленными, грабят не по его приказу, и в особенности, если они небрежно относятся к своему оружию, которое он собирает по своему усмотрению, он наказывает по своему усмотрению, битьем или розгами, чего никто другой не смеет делать, не навлекая на себя удары плетью от всей корабельной компании. Короче говоря, этот офицер является доверенным лицом всего судна, первым поднимается на борт любого приза, отбирает для использования компанией то, что ему нравится, и возвращает владельцам то, что считает нужным, за исключением золота и серебра, которые они сочли не подлежащими возврату".

После описания квартального надзирателя и его обязанностей, который выступает в роли своего рода гражданского судьи на борту пиратского корабля, я рассмотрю их военного офицера, капитана; какие привилегии он имеет при такой анархии и недисциплинированности членов. А что, действительно, очень мало - они позволяют ему быть капитаном только при условии, что они могут быть капитанами над ним; они отделяют для его пользования большую каюту, иногда голосуют за него небольшими порциями тарелок и фарфора (ибо можно отметить, что Робертс постоянно пил чай), но затем каждый человек, как ему взбредет в голову, будет пользоваться тарелками и фарфором, вторгаться в его апартаменты, ругаться на него, захватывать часть его еды и питья, если им это нравится, без его предложения найти ошибку или оспорить ее. И все же Робертс, управляя лучше обычного, стал главным режиссером во всем, что касалось момента; а произошло это так: звание капитана, полученное большинством голосов, достается тому, кто превосходит его по знаниям и смелости - пистолетной стойкости, как они это называют, - кто может заставить бояться тех, кто его не любит. Говорят, что Робертс превосходил своих товарищей в этих отношениях, а когда выдвинулся, увеличил уважение, которое последовало за этим, создав своего рода тайный совет из полудюжины величайших забияк, таких, которые были его конкурентами и имели достаточно интересов, чтобы сделать его правление легким; но даже с ними, во второй половине своего правления, он сталкивался в каждом проекте, который противоречил его собственному мнению; за это, и потому что он стал сдержанным и не стал пить и реветь в их темпе, был создан заговор, чтобы лишить его капитанства, что смерть сделала более эффективным.

В погоне или в бою власть капитана бесконтрольна: он может избить, изрубить или даже застрелить любого, кто осмелится отказать ему в командовании. Той же привилегией он пользуется и в отношении пленных, которые получают хорошее или плохое обращение в зависимости от того, как он одобряет их поведение, ибо, хотя самые подлые люди могли бы злоупотреблять хозяина корабля, он все же контролирует это, когда видит, и весело за бутылкой дает своим пленникам двойную причину для этого: во-первых, это сохраняет его первенство, а во-вторых, это выводит наказание из-под власти гораздо более опрометчивых и безумных парней, чем он сам. Когда он обнаружил, что от его людей не ждут строгости (а он часто практиковал ее, чтобы успокоить их), то дал понять посторонним, что к хорошему обращению с ними его побуждает чистая склонность, а не любовь или пристрастие к их персонам; ибо, говорит он, "нет никого из вас, кто не повесил бы меня, я знаю, когда бы вы ни схватили меня в своей власти".

И вот, видя, в каком невыгодном положении они оказались для осуществления своих планов, а именно: маленькое судно плохо отремонтировано, на нем нет ни провизии, ни запасов, они решили все вместе, с теми небольшими припасами, которые могли достать, отправиться в Вест-Индию, не сомневаясь, что найдут там средство от всех этих бед и возместят свои потери.

На широте Десеады, одного из островов, они взяли два шлюпа, которые снабдили их провизией и другими необходимыми вещами, а через несколько дней после этого взяли бригантину, принадлежащую Род-Айленду, и направились к Барбадосу, у которого столкнулись с бристольским кораблем в десять пушек, у которого они взяли много одежды, немного денег, двадцать пять тюков товаров, пять бочек пороха, трос, якорный канат, десять бочек овсянки, шесть бочек говядины и несколько других товаров, кроме того, пять своих людей; И после того, как они продержали ее три дня, отпустили ее, которая, направляясь на вышеупомянутый остров, сразу же по прибытии сообщила губернатору о случившемся.

После этого было приказано снарядить бристольскую галеру, стоявшую в гавани, со всеми возможными удобствами, с 20 пушками и 80 людьми, так как в то время на этой станции не было ни одного военного судна, а также шлюп с 10 пушками и 40 людьми. Галерой командовал капитан Роджерс из Бристоля, а шлюпом - капитан Грейвс с того же острова, и капитан Роджерс, по поручению губернатора, был назначен коммодором.

На второй день после того, как Роджерс вышел из гавани, его обнаружил Робертс, который, ничего не зная об их замысле, устроил им погоню. Барбадосские корабли держали легкий парус, пока пираты не подошли к ним, и тогда Робертс дал им пушку, ожидая, что они немедленно поднимут свой пиратский флаг; но вместо этого он был вынужден принять огонь из бродсайда, с тремя гудками одновременно, так что завязался бой; но Робертс, будучи с трудом сдерживаемым, был вынужден навалиться на шлюп всем парусом, чтобы убраться прочь. Галера, шедшая под неплохим парусом, долгое время составляла ему компанию, ведя постоянный огонь, который досаждал пиратам; однако в конце концов, накинув на пушки и другие тяжелые грузы и тем самым облегчив судно, они с большим трудом освободились; но Робертс никогда после этого не мог терпеть барбадосцев, и когда на его пути попадались корабли, принадлежащие этому острову, он был с ними особенно суров, чем с другими.

Капитан Робертс отправился на шлюпе к острову Доминико, где поливал и получал провизию от жителей, которым он давал товары в обмен. В этом месте он встретил тринадцать англичан, которых французский гвардеец де ла Кост, принадлежащий Мартинико, вытащил на берег с двух кораблей Новой Англии, захваченных в качестве призов этим французским шлюпом. Люди охотно присоединились к пиратам, и это оказалось подходящей вербовкой.

Здесь они пробыли недолго, хотя у них сразу же появился повод почистить свой шлюп, но они не сочли это место подходящим; и в этом они были правы, ибо пребывание на этом острове могло стать их гибелью, поскольку они, решив уйти на Гренадские острова с вышеупомянутой целью, по какой-то случайности стали известны французской колонии, которая, послав весть губернатору Мартинико, снарядила и снарядила два шлюпа, чтобы отправиться на их поиски. Пираты отплыли прямо к Гренадилье, зашли в лагуну у Корвоку, где убрались с необычайной быстротой, пробыв там чуть больше недели, за это время они разминутись со шлюпами Мартинико всего на несколько часов, Робертс отплыл на ночь, а французы прибыли на следующее утро. Это было удачное спасение, особенно если учесть, что они так поспешно покинули остров не из-за опасений быть обнаруженными, а, как они сами имели наглость признаться, из-за недостатка вина и женщин.

Так, едва спасшись, они отплыли на Ньюфаундленд и прибыли к его берегам во второй половине июня 1720 года. Они вошли в гавань Трепасси с развевающимися черными цветами, барабанами и трубами. В гавани находилось два с половиной десятка судов, которые все покинули при виде пиратов и сбежали на берег. Невозможно перечислить, какие разрушения и хаос они здесь устроили, сжигая и топя все суда, кроме бристольской галеры, и уничтожая рыбные промыслы и плантации бедных плантаторов без угрызений совести; ибо ничто не вызывает такого сожаления, как власть в подлых и невежественных руках - она делает людей развратными и легкомысленными, не заботясь о несчастьях, которые они навлекают на своих собратьев, и заставляет их улыбаться тем бедам, которые не приносят им никакой пользы. Они подобны безумцам, которые бросают огненные мечи, стрелы и смерть и говорят: "Разве мы не в спорте?"

ССЫЛКИ:

[11] Современное повествование. Из книги *"Буканьеры Америки"*.

[12] Эйвери называли "королем пиратов". См. *"Дочь Великого Могола"*.

РАССКАЗ О ЗАХВАТЕ КОРАБЛЯ "ДЕРБИ" В 1735 ГОДУ

Капитан Ансельм

Я попал в страну *Мадагаскар*, широта около 24 градусов 13 минут северной широты: И за некоторое время до того, как я добрался до нее, я не встретил ничего, кроме легких ветров и штилей, и так продолжалось долго. Мои люди слегли с цингой, я взял небольшой штиль, который у меня был, и перегнал соленую воду в пресную. Я разрешил им есть столько гороха и цветов, сколько они могли съесть, чтобы они не ели соленой пищи, хотя я варил ее в пресной воде. Я был очень щедр с пресной провизией во время моего перехода к моим людям, а переход был таким долгим, что у меня почти ничего не осталось, да и то лишь несколько особей; и я сам, и офицеры тоже были не в порядке. Наконец, оказавшись к северу от бухты *Августина*, я увидел, что мои бедные люди так быстро падают, и это вызвало у меня сильную тревогу за них, но все же я хотел надеяться на перемену ветра для *Джоанны*. Но малые ветры не давали мне покоя, и то, что было северным, заходило на юг, что делать, я не мог сказать. Заходить в бухту *Августина* мне очень не хотелось: Ко мне подошли две лодки, люди говорили на хорошем *английском языке*. Наконец, мой доктор *Шарп* сказал мне, что более тридцати человек заболели цингой, и все остальные, даже некоторые старшины, были ею заражены. Если бы я вскоре не зашел в порт, то, как я понял, оказался бы в плохом состоянии для людей; я посоветовался со своими офицерами, чтобы зайти в бухту *Августина*, и мы согласились, и отчалили к ней. Вскоре после этого ветер стал южным, и я направился к *Иоганне*. У меня был прекрасный проход, и я бросил якорь на следующий день около четырех часов пополудни, 13 сентября. Я благодарю Бога, что привел всех своих людей живыми, и это самое большее, что я могу сказать о многих из них. Я сделал для них палатку на берегу и снабдил их всем, чем мог, а доктора помогали всем, что было в их силах, для их скорейшего выздоровления. После того как я пробыл здесь две недели, днем подул свежий ветер с северо-запада на северо-восток. Выходить из дома с такими же плохими людьми, как и когда они пришли, я не хотел, но решил потерпеть еще одну неделю. Я посоветовался с мистером *Роджерсом*, моим старшим помощником, и сказал ему, что перед тем, как войти, мы должны подумать о состоянии людей и о том, как мы встретим ветры и

течения. Жители острова сказали мне, что сейчас как раз время года для северных ветров и южных течений, и я сказал ему, что лучше обрезать все наши бочки и наполнить водой все, что можно, опасаясь долгого перехода, если мы задержимся здесь еще на некоторое время. Мистер *Роджерс* поддержал мое мнение. Должен сказать, что я обнаружил, что бочки не так хорошо используются в трюме, как следовало бы, что заставляет куперов больше работать; и я не стал поднимать шум по этому поводу, потому что у меня было больше слов с моим старшим и вторым матом, о моем третьем и четвертом мате, чем о чем-либо еще.

Имея на борту всю свою воду, около 80 тунцов, 25 голов оленей *и т. д.*, я отплыл 13 октября, причем несколько моих людей не вернулись; некоторых я похоронил в *Йоханне*, а некоторых после, числом десять или около того. Был прекрасный шторм, и я поставил все паруса, какие только мог, кроме студеных, которые я считал ненужными. Ветер отклонился к северу, и я решил как можно скорее взять курс на *Маллабар*, чтобы иметь преимущество перед сухопутным и морским ветром. У меня на борту был один пассажир, грустный и беспокойный злой парень, чье поведение было настолько плохим, что я едва мог удержаться от того, чтобы не использовать его в дурных целях. Я запретил своим офицерам общаться с ним, но мистер *Б...* сделал бы это во что бы то ни стало. Однажды я выгнал его с квартердека за то, что он был там с ним, но это не помогло. Однажды ночью я вышел около половины десятого, когда мой второй помощник стоял на вахте, а этот *Бу-Эс* лег спать; увидев в его каюте свет, я послал к нему мистера *Каддона*, второго помощника, чтобы узнать, как он сможет просидеть одну вахту и сохранить свой. На это *Б...* поднялся на половину рулевой лестницы с трубкой в руке и заговорил со мной очень грубо; и это было уже не в первый раз. Это привело меня в ярость, что со мной так разговаривает мальчишка, и я уволил его на два или три дня, а потом снова назначил его, что было больше, чем он заслуживал, за то, что я был в компании с тем, для кого самое плохое имя достаточно хорошо, и с теми, кто рекомендовал его в комиссию. По моему приказу мистер *Роджерс* рассказал об этом *Бу-су*, а я рассказал ему об этом на квартердеке и сказал ему, что в то же время я намерен рассказать об этом джентльменам дома; и спросил его, что, по его мнению, они подумают о нем за то, что он держит такую ругающуюся пьяную компанию. Это было до того, как я его уволил.

До того как я пришел с суши, услышав много разговоров об *Ангрии*,^[13] капитана *Скарлета* и мистера *Роджерса*, и о его огромной силе (ибо раньше я имел о нем весьма слабое представление), я позаботился о том, чтобы привести корабль в надлежащее положение для обороны: Пороховые сундуки на квартердеке, пупе и форкастле, пунш, наполненный водой, на главной палубе, бочонок на носовой палубе и бочка на мизерной палубе, все наполненные водой: Сундуки с хорошими крышками на верхушках для гренадерских снарядов; все мелкое оружие, с 50 новыми в готовности. Корабль мой был слишком глубоководен, чтобы открыть орудийные порты, как сообщил мне артиллерист, корабль *посылало*, а море омывало выше верхушек портов; я отнес пушки в большую каюту; четверть-счета над пушками; награды и ближние штабы, *и т.д.* на мизен-мачте, шот-локеры и выстрелы на своих местах; пробки для шот-отверстий; и все, что я мог придумать; и дал особые приказы моему канониру, плотнику и боцману, чтобы все было на их пути, в готовности, два нижних ярда были спущены с топ-цепями. Не будучи в здравом уме относительно этих кормовых орудийных портов, я послал мистера *Роджерса*, когда была гладкая вода, открыть один из кормовых орудийных портов, чтобы посмотреть, сможем ли мы, в случае необходимости, достать оттуда пушки, но он принес мне известие, что это не может быть сделано с безопасностью, так как корабль очень глубоководен. За несколько дней до того, как я вышел на берег, ветер то усиливался, то ослабевал, и в течение часа я с трудом мог подняться с востоко-северо-востока на юго-восток, но в основном ветер держался северного направления. Я очень хотел добраться до суши, не зная, как далеко юго-западные течения

могут отнести меня к западу. В полдень 12 декабря я достиг земли Гоа, расположенной в 15 градусах северной широты. Мой старший помощник хотел, чтобы я зашел в Гоа, но я решил не делать этого, а направиться в Бомбей. На следующее утро, когда был отличный шестиузловой шторм, около девяти часов мистер Роджерс сказал мне, что он видел Гереа и хотел, чтобы я отплыл дальше от берега, и сказал, что если Ангрия и его граббы увидят нас в своей реке, то он пошлет их за нами. Я спросил его, не выходят ли его граббы из виду земли. Он сказал мне, что они боятся это делать, опасаясь, что бомбейские суда встанут между ними и берегом и не пустят их в свои порты. Чтобы не подвергаться опасности, я держался в стороне от суши: я считал, что так будет лучше, поскольку разница в пути до Бомбея составит всего несколько дней; я не сомневался, что доберусь туда в последних числах месяца, как, несомненно, и мы, если бы нас не постигло печальное несчастье.

Когда было уже слишком поздно, я узнал от тех, кто плыл по Северну, что мистер Роджерс неправильно меня информировал; ибо "Ангрия" иногда держит берег на борту, а иногда выходит прямо в море на расстоянии 60 лиг. Размышлять было поздно; да и винить себя я не мог, зная, что сделал все по уму: Но если бы я был лучше информирован, то, по моему мнению, мы могли бы спастись от этих проклятых собак, держась на берегу и пользуясь преимуществом сухопутного и морского ветра.

С тех пор я раскаиваюсь, что мы не пошли в Гоа; но Бог знает, идет ли человек слишком быстро или слишком медленно, ибо у меня, конечно, был очень подходящий груз для этого места; но моим искренним желанием было добраться до Бомбея, так как время года было далеко впереди.

26 декабря, когда мой второй помощник стоял на утренней вахте, около пяти часов он пришел ко мне и сказал, что видит девять парусов галливатов. Я поднялся и обнаружил, что это пять топ-мачтовых судов и четыре галливата, не более чем в двух милях от нас. Я приказал позвать всех людей и спуститься в каюты на рулевом, что и было сделано в одно мгновение, и все разошлись по своим каютам. Они быстро приближались к нам, но при легком ветре, и оказалось, что это флот Ангрии. Я приказал отрезать купол в большой каюте и балкон в круглом доме, чтобы можно было обойти кормовые орудия. Они подошли ко мне очень смело, на расстояние пистолетного выстрела. До шести часов они начали обстреливать нас, бросая свои выстрелы в корму, обстреливая нас спереди и сзади. Я приказал подготовить все к выходу, чтобы отдать им свой широкий борт, когда ко мне подошли мой старший помощник мистер Роджерс и третий помощник мистер Барроуз и умоляли не выходить, потому что, если я это сделаю, они непременно возьмут нас на абордаж. Что касается меня, то, будучи незнакомцем с этим побережьем и Ангрией, зная, что мой старший помощник часто ходил этим путем, а мой третий помощник плавал на галсах, я был вынужден отказаться от галсов. Поскольку враг держался под моей кормой, играя в нас своими выстрелами и быстро разрушая мой такелаж, я вскоре после этого попытался надеть корабль на врага; но ветер утих, и он не обращал внимания на руль, а лежал как бревно в воде. К восьми часам вечера большая часть моего такелажа была уничтожена, и баркас, получив огонь с кормы, был вынужден отрезать ее. Ял был завален их выстрелами, и мы спустили его за борт. К девяти часам верхняя цепь, отбрасывавшая грот-ярда, была отстрелена, вместе с гиром и гир-блоками. Затем упал грот-ярда, а паруса почти разорвало на куски выстрелом. Как только наши люди завязывали узлы и соединяли такелаж, он отстреливался прямо у них в руках. Водяные ванты в топе были разнесены на куски, а у помощника боцмана на грот-топе оторвало ногу. Одному из фор-мачтовиков отстрелило ногу в носовой части, и еще один был ранен. К десяти часам мизен-мачта была снята с борта. Потребовав людей, чтобы срезать с борта мачты такелаж и т.д., я обнаружил, что они очень тонкие на палубе, и попросил моих

младших товарищей выбить их из отверстий. Затем мне сообщили, что у моего старшего помощника отстрелена нога, но что он в добром сердце. Все это время было тихо, и наши пушки с широкой стороны не приносили никакой пользы, так как во время боя мы не смогли поднять на них ни одной пушки. Они продолжали бросать свои снаряды в нашу корму, ведя непрерывный огонь, и мы отвечали им так быстро, как только могли заряжать и стрелять. Около часа дня моя грот-мачта была прострелена бортом, и от ее падения пиннас упал на гики. Потеря грот-мачты вызвала у меня сильное беспокойство, а состояние передней мачты: фор-ярда наполовину опущена, а верхняя шкаторина паруса смята в нескольких местах, голова топ-галлант-мачты отстрелена, что сделало эту мачту совершенно бесполезной. Я не мог понять, каким образом люди могут спасти нас от этих собак. Однако я сделал себя настолько легким, насколько можно было ожидать, и держал свои мысли при себе. Хотя выстрелы, как град, хлестали меня по ушам, я, слава Богу, избежал их, и они не причинили мне особого беспокойства по поводу моей персоны. Грабберы, видя свое преимущество в падении нашей грот-мачты *и т.д.*, хотя все это время находились в пределах мушкетного выстрела, смело подошли на зов, бросая в нашу корму дустволки и картечь так быстро, как они могли заряжать и стрелять; мы делали то же самое с болтами *и т.д.* Мы видели множество дыр в их парусах. Вскоре после этого они заложили два двуглавых снаряда и большой камень в фор-мачту, шпангоуты которой в основном исчезли. Я часто посылал капитана *Скарлета* к мистеру *Каддену*, чтобы он ободрял людей и следил за тем, чтобы охлаждать пушки и не стрелять в спешке, а хорошо прицеливаться. Мы получили два выстрела из дустволки в хлебной, которые вскоре были заделаны, и один выстрел под ливреей Честри, но так низко в воде, что мы не смогли его достать, и корабль оказался дырявым. У меня была стая унылых трусливых, невежественных собак, каких никогда не было на корабле. Что касается моих простых матросов, которых было не больше двенадцати человек, вместе с офицерами, то они поддерживали меня. Это все из-за моего несчастья на "*Мыше*", что я был так плохо вышколен. Что касается моего третьего помощника, *Би-са*, то он, похоже, не понимал, что к чему; иногда он находился на квартердеке (не имея возможности использовать никакие орудия, кроме кормового) и при каждом выстреле противника трусливо вздрагивал, опустив голову почти до палубы. Об этом капитан *Скарлет* часто рассказывал джентльменам в *Бомбее* и тем, кто сейчас возвращается домой. У меня убили шесть человек, шести отстрелили ноги, еще несколько человек были ранены куропатками *и т.д.* Если бы наши люди держались на палубе как люди, то, должно быть, было бы еще несколько убитых и раненых. Около трех я услышал громкий призыв к стрельбе и попросил капитана *Скарлета* пойти к мистеру *Каддону* и сказать ему, чтобы он не стрелял впустую.

Теперь мы лежали, как затонувший корабль в море, и были на волосок от гибели. Наши патроны были почти израсходованы, и мы проделали дыру в колодце, чтобы попытаться выйти на роту. Мы продолжали стрелять двойными патронами и картечью, болтами *и т.д.*, выдавая двойную порцию пороха на каждую пушку, делая все возможное, чтобы спасти корабль. Теперь отстрелили рулевую веревку, хотя раньше она была бесполезна. Плотник сказал мне, что корабль набрал много воды, и в трюме было больше двух футов. После этого кочегар сказал мне, что в нем три фута. Я не видел ничего, что мы могли бы сделать, кроме как стрелять из кормового орудия. На выстрелы было жалко денег, но мы стреляли болтами. Я призвал людей к добрым сердцам и пошел в Круглый дом, чтобы ободрить их там. Было очень тяжело, мы не могли устоять ни перед одной их мачтой, ни одним удачным выстрелом не могли вывести из строя некоторых из них, при всем том количестве, что мы стреляли. Что касается нашего стрелкового оружия, то оно было малопригодно, так как они держали своих людей так близко. Такелаж фор-мачты был убран, и это так сильно мешало, что я ожидал, что он будет уходить каждую минуту; и около семи часов вечера, когда корабль упал во впадину моря, фор-мачта оказалась у борта. Было уже около четырех часов, когда мистер *Томас*

Роджерс, мой старший помощник, послал моего стюарда, чтобы тот пожелал поговорить со мной. Когда я пришел к нему, он заговорил со мной вот о чем. "Сэр, - говорит он, - мне сообщили, в каком состоянии находится корабль; поскольку его мачты снесены, вам лучше не упрямыться, чтобы продержаться дольше; это будет только средством сделать больше объектов, убить больше людей, и все без толку, только чтобы быть использованным врагом еще хуже, поскольку уйти невозможно. Поэтому вам лучше сдаться". Насколько мне известно, я почти не дал ему ответа; до того как он послал ко мне, у меня не было ни малейшей мысли о сдаче, о чем я заявляю перед Богом и людьми; хотя внутри себя я был убежден, что спасти корабль невозможно. Я поднялся на свое прежнее место на квартердеке, сделал несколько поворотов, как обычно, и продолжил бой. Я начал обдумывать то, что сказал мне мистер *Роджерс*, и состояние корабля, и рассуждать о невозможности сделать что-либо еще (ведь если бы поднялся шторм, это не принесло бы никакой пользы), и все время с момента падения нашей грот-мачты враги были так близко, что я мог слышать их разговоры, и мой второй помощник делал то же самое. Что касается наших мачт, то они достигли своей цели, и теперь их единственным делом было стрелять по корпусу. Надежды на то, что они покинут нас, не было, учитывая состояние, в которое они нас привели, и мы не могли долго тонуть: поскольку они лежали так близко от нас и так низко в воде, наши выстрелы, несомненно, должны были пролететь над ними. В конце концов я пришел к мнению мистера *Роджерса*, что жертвовать людьми было бесполезно; ведь они так сильно нас заметили, что не могли промахнуться; и во время всего боя, поскольку они так горячо стреляли по нашей корме, удивительно, что не было убито больше людей. Затем я послал за своим вторым и третьим помощниками и рассказал им мнение мистера *Роджерса* и свое собственное. Они оба согласились с ним и дали согласие на сдачу корабля. Так мы покорились врагу, решив, что продолжать путь бесполезно. На моих часах было пять часов вечера. Мой второй и третий помощники пошли в рубку, чтобы запретить стрельбу, и я в круглой рубке сделал то же самое. Казалось, все были очень довольны сдачей, и возражений не последовало. Цветов у нас не было, чтобы бить; они и штандарт мичмана были разбиты на куски, а то, что осталось от мичмана, было прикреплено к грот-шпангоуту и ушло вместе с мачтой. Капитан *Скарлет* пошел в круглый дом, позвал врагов на борт и сказал им, что у нас нет лодок. Они послали на борт своего Динги с четырьмя людьми для меня и моих старших офицеров. Двоих из четырех они оставили на борту "*Дерби*". Я сам и мой второй помощник отправились в "Динги" на борт "*Габба*". Мы были в пути полтора часа, если не больше; затем мы вернулись в галивате с 50 или 60 людьми, но ни одна душа не поднялась на борт "*Дерби*", пока мы не вернулись. Затем на борт поднялось еще больше галиотов и еще больше людей, закрепили оружие *и т.д.* и погнали наших людей наверх, одних к насосам, других - убирать такелаж с борта корабля. Они перетаскивали на свои корабли все сокровища, какие только можно было достать, а на следующий день перевезли остатки со мной, *Скарлетом*, *Каддоном*, двумя дамами и моими слугами на один из кораблей.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[13] Известный пират.

ФРАНСИС ЛОЛОНУА

Раб, ставший королем пиратов[14]

Джон Эсквемелинг

Франсис Лолонуа был уроженцем той территории во Франции, которая называется Лес Сабль д'Олоне, или Пески Олоне. В юности он был перевезен на Карибские острова в качестве слуги или раба, в соответствии с обычаями. Отслужив свой срок, он прибыл на Испаньолу; здесь он некоторое время сотрудничал с охотниками, прежде чем начать грабить испанцев.

Сначала он совершил два или три плавания в качестве простого моряка, где вел себя так мужественно, что снискал расположение губернатора Тортуги, месье де ла Плас, и тот дал ему корабль, на котором он мог искать свою удачу, что поначалу было очень благоприятно для него, так как за короткое время он получил большое богатство. Но его жестокости по отношению к испанцам были таковы, что слава о них сделала его настолько известным в Индии, что испанцы в его время предпочли бы скорее умереть или утонуть в бою, чем сдаться, зная, что не получают пощады от его рук. Но фортуна, редко бывает постоянной, через некоторое время отвернулась от него; во время сильного шторма он потерял свой корабль у берегов Кампечи. Все люди спаслись, но, выйдя на сушу, испанцы преследовали их и убили большую часть, ранив и Лолонуа. Не зная, как спастись, он спас свою жизнь хитростью: смешав песок с кровью из ран, которой вымазал лицо и другие части тела, и ловко спрятавшись среди мертвых, он пролежал там до тех пор, пока испанцы не покинули поле боя.

Когда они ушли, он удалился в лес и перевязал свои раны так хорошо, как только мог. Залечив их, он отправился в Кампечи, переодевшись в испанскую одежду; здесь он заманил нескольких рабов, которым обещал свободу, если они будут слушаться его и доверять его поведению. Они приняли его обещания и, украв каноэ, отправились с ним в море. Теперь испанцы, сделав нескольких его спутников пленниками, держали их в темнице, а Лолонуа ходил по городу и наблюдал за происходящим. Их часто спрашивали: "Что стало с вашим капитаном?". На что они постоянно отвечали: "Он мертв", что обрадовало испанцев, которые возблагодарили Бога за избавление от столь жестокого пирата. Лолонуа, видя эти ликования по поводу своей смерти, поспешил бежать с вышеупомянутыми рабами и благополучно добрался до Тортуги, общего убежища всякого рода нечестивцев и семинарии, так сказать, пиратов и воров. И хотя теперь его состояние было невелико, он хитростью и уловками добыл еще один корабль, а на нем двадцать одного человека. Хорошо снабженный оружием и предметами первой необходимости, он отправился на Кубу, на юге которой находится небольшая деревня, называемая Де-лос-Кайос. Жители ведут большую торговлю табаком, сахаром и шкурами, и все на лодках, не имея возможности использовать корабли по причине небольшой глубины моря.

Лолонуа был убежден, что получит здесь значительную добычу; но по счастливой случайности рыбаки, увидевшие его, и по милости Божьей избежали его: жители города немедленно послали судно по суше в Гаванну, жалуюсь, что Лолонуа пришел уничтожить их на двух каноэ. Губернатор с трудом поверил в это, получив от Кампечи письма о том, что он мертв, но, вняв их просьбам, послал им на помощь корабль с десятью пушками и девяносто людьми, хорошо вооруженными; он дал им прямой наказ, "чтобы они не возвращались к нему, не уничтожив полностью этих пиратов". Для этого он дал им негра для палача и приказал, "чтобы они немедленно повесили всех пиратов, кроме Лолонуа, их капитана, которого они должны доставить живым на Гаванну". Этот корабль прибыл на Кайос, о приходе которого пираты были предупреждены заранее, и вместо того, чтобы улететь, отправился искать его в реке Эстера, где и встал на якорь. Пираты захватили несколько рыбаков и заставили их ночью показать вход в порт, надеясь вскоре получить более крупное

судно, чем их два каноэ, и тем самым поправить свое положение. После двух часов ночи они приблизились к кораблю, и вахта на борту спросила их, откуда они пришли и не видели ли они пиратов за границей. Они заставили одного из пленников ответить, что не видели ни пиратов, ни чего-либо другого. Этот ответ заставил их поверить, что они бежали, услышав об их приходе.

Но вскоре они убедились в обратном, так как с рассветом пираты напали на судно с двух сторон на двух своих каноэ с такой силой, что хотя испанцы вели себя как подобает и защищались, как могли, используя свои большие пушки, все же они были вынуждены сдаться, будучи избиты пиратами с мечом в руке, спустившись под люки. Отсюда Лолонуа приказал поднимать их по одному и в таком порядке отрубать им головы. Среди остальных подошел негр, предназначенный быть палачом пиратов; этот парень очень жалобно просил пощады, говоря Лолонуа, что он палач этого корабля, и если он пощадит его, то скажет ему все, что он пожелает. Лолонуа, заставив его признаться в том, что он считает нужным, приказал убить его вместе с остальными. Так он жестоко и варварски предал их всех смерти, оставив в живых только одного, которого отправил обратно к правителю Гаванны с таким посланием в письменном виде: "Впредь я никогда не дам передышки ни одному испанцу; и я очень надеюсь, что сам подвергну тебя тому же наказанию, что и тех, кого ты послал против меня. Так я отплатил за доброту, которую вы оказали мне и моим спутникам". Губернатор, сильно встревоженный этой дурной вестью, в присутствии многих поклялся, что никогда не даст четвертовать ни одного пирата, который попадет в его руки. Но жители Гаванны просили его не упорствовать в исполнении этой опрометчивой и строгой клятвы, видя, что пираты непременно воспользуются случаем, чтобы сделать то же самое, и у них в сто раз больше возможностей отомстить, чем у него; что, будучи вынужденными добывать средства к существованию рыбной ловлей, они впредь всегда будут подвергать свою жизнь опасности. Эти доводы убедили его умерить свой гнев и смягчить суровость клятвы.

У Лолонуа был хороший корабль, но на нем было мало провизии и людей; чтобы приобрести все это, он решил плавать из одного порта в другой. Проплавав так некоторое время без успеха, он решил отправиться в порт Маракайбо. Здесь он настиг корабль, груженный тарелками и другими товарами, который направлялся за границу, чтобы купить какао-орехи. С этим призом он вернулся на Тортугу, где был с радостью принят жителями; они поздравляли его с успехом и своими личными интересами. Он пробыл там недолго, но решил снарядить флот, достаточный для перевозки пятисот человек и предметов первой необходимости. Снабженный таким образом, он решил разграбить оба города, поселки и деревни и, наконец, взять сам Маракайбо. Для этой цели он знал, что остров Тортуга предоставит ему много решительных и смелых людей, пригодных для таких предприятий: кроме того, у него на службе было несколько пленников, хорошо знакомых с путями и местами, на которые он рассчитывал.

Об этом замысле Лолонуа известил всех пиратов, как у себя дома, так и за границей, и через некоторое время собрал более четырехсот человек; кроме того, на Тортуге находился еще один пират, по имени Майкл де Баско, который своим пиратством приобрел богатство, достаточное, чтобы жить безбедно и больше не выходить за границу; кроме того, он занимал должность майора острова. Но, видя, как Лолонуа готовится к экспедиции, он присоединился к нему и предложил ему, что если он сделает его своим главным капитаном на суше (поскольку он хорошо знал страну и все ее пути), то разделит с ним его состояние и отправится вместе с ним. Они согласились на это, к великой радости Лолонуа, который знал, что Баско совершал великие дела в Европе и имел репутацию хорошего солдата. Таким

образом, все они разместились на восьми судах, причем судно Лолонуа было самым большим и имело десять пушек с безразличными лафетами.

Все было готово, и вся компания была на борту, они отплыли вместе примерно в конце апреля, всего шестьсот шестьдесят человек. Они направились в ту часть острова, которая называется Байала, к северу от Испаньолы: здесь они взяли в свою компанию несколько французских охотников, которые добровольно предложили себя, и здесь они снабдили себя продуктами и предметами первой необходимости для своего плавания.

Отсюда они снова отплыли в последних числах июля и направились прямо к восточному мысу острова, называемому Пунта-д'Эспада. Здесь, заметив корабль из Пуэрто-Рико, направлявшийся в Новую Испанию и груженный орехами какао, Лолонуа приказал остальному флоту ждать его у Савоны, к востоку от мыса Пунта-д'Эспада, намереваясь один захватить указанное судно. Испанцы, хотя и находились в поле зрения целых два часа и знали, что это пираты, все же не стали бежать, а приготовились к бою, будучи хорошо вооружены и обеспечены. Бой продолжался три часа, после чего они сдались. На борту этого корабля было шестнадцать пушек и пятьдесят человек бойцов: они нашли на нем 120 000 г какао, 40 000 штук восьмерки и еще 10 000 драгоценностей. Лолонуа отправил судно на Тортугу, чтобы его разгрузили, с приказом как можно скорее вернуться в Савону, где он будет их ждать: тем временем остальной флот, прибыв в Савону, встретил другое испанское судно, идущее из Комана, с военной провизией для Испаньолы и деньгами для оплаты тамошних гарнизонов. Это судно они также захватили, не оказав никакого сопротивления, хотя на нем было установлено восемь пушек. На нем было 7000 пороха, большое количество мушкетов и тому подобных вещей, а также 12000 штук восьмерок.

Эти успехи воодушевили пиратов: им казалось, что они очень удачно начали, тем более что за короткое время их флот был довольно хорошо укомплектован: на первом же корабле, прибывшем на Тортугу, губернатор приказал немедленно снять с него груз и вскоре после этого отправить обратно в Лолонуа со свежей провизией и другими необходимыми вещами. Этот корабль он выбрал для себя, а тот, которым командовал, отдал своему товарищу, Антони дю Пюи. Набрав таким образом людей взамен тех, кого он потерял при взятии призов и из-за болезни, он оказался в хорошем состоянии, чтобы отплыть в Маракайбо, в провинции Нейва-Венесуэла, на широте 12 градусов 10 минут северной широты. Этот остров имеет двадцать лиг в длину и двенадцать в ширину. К этому порту также относятся острова Онега и Монгес. Восточная сторона его называется мысом Святого Романа, а западная - мысом Какибакоа: залив некоторые называют Венесуэльским, но пираты обычно именуют его заливом Маракайбо.

У входа в этот залив находятся два острова, вытянутые с востока на запад; тот, что на востоке, называется Исла-де-лас-Вигилиас, или Сторожевой остров, потому что в середине его находится высокий холм, на котором стоит сторожевая башня. Другой остров называется Исла-де-ла-Паломас, или Остров голубей. Между этими двумя островами протекает небольшое море, или скорее озеро пресной воды, длиной в шестьдесят лиг и шириной в тридцать; которое, впадая в океан, расширяется вокруг двух островов. Между ними - лучший проход для кораблей, канал не шире полета большой пушки весом около восьми фунтов. На Голубином острове стоит крепость, препятствующая входу судов; все они вынуждены подходить очень близко к крепости из-за двух песчаных отмелей на той стороне, где вода составляет всего четырнадцать футов. Много других песчаных отмелей есть в этом озере; например, та, что называется Эль-Таблазо, или Большой стол, не глубже десяти футов, в сорока лигах от озера; есть и другие, глубина которых не превышает шести, семи или восьми футов: все они очень опасны, особенно для мореплавателей, не знакомых с ними. К западу от

него находится город Маракайбо, очень приятный на вид, его дома построены вдоль берега, и кругом открываются восхитительные виды: в городе может проживать три или четыре тысячи человек, включая рабов, что составляет город разумной величины. По оценкам, здесь проживает около восьмисот человек, способных носить оружие, все испанцы. Здесь есть одна приходская церковь, хорошо построенная и украшенная, четыре монастыря и один госпиталь. Городом управляет заместитель губернатора, которого замещает губернатор Каракаса. Торговля здесь ведется в основном шкурами и табаком. Жители имеют большое количество скота и множество плантаций, которые простираются на тридцать лиг по стране, особенно в направлении большого города Гибралтар, где собирается огромное количество какао-орехов и всех других садовых фруктов, которые служат для пропитания жителей Маракайбо, чьи территории намного суше, чем Гибралтар. Жители Маракайбо отправляют сюда большое количество плоти, получая взамен апельсины, лимоны и другие фрукты, ибо жителям Гибралтара нужна плоть, поскольку их поля не способны прокормить ни коров, ни овец.

Перед Маракайбо находится очень просторный и безопасный порт, где можно строить всевозможные суда, с большим запасом древесины, которую можно перевозить за небольшую плату. Недалеко от города находится небольшой остров Боррика, где кормят большое количество коз, которых жители используют больше для шкур, чем для мяса или молока; они не обращают внимания на эти два вида животных, если только они не нежные и маленькие дети. На полях кормят овец, но очень маленьких. На некоторых островах озера и в других местах поблизости живет много диких индейцев, которых испанцы называют браво, или дикими: они никогда не могли быть покорены испанцами, будучи грубыми и неукротимыми. Живут они в основном на западной стороне озера, в маленьких хижинах, построенных на деревьях, растущих в воде; так они спасаются от бесчисленных mosquitos или мошек, которые мучают их днем и ночью. К востоку от упомянутого озера расположены целые города рыбаков, которые также живут в хижинах, построенных на деревьях, как и первые. Еще одна причина такого обитания - частые наводнения; ведь после сильных дождей земля часто разливается на две-три лиги, а великих рек, питающих это озеро, насчитывается не менее двадцати пяти. Город Гибралтар также часто тонет в них, так что жители вынуждены удаляться на свои плантации.

Гибралтар, расположенный на берегу озера примерно в сорока лигах от него, получает провизию, как уже было сказано, из Маракайбо. В городе проживает около полутора тысяч человек, из которых четыреста могут носить оружие; большая часть из них держит лавки, где они занимаются тем или иным ремеслом. На прилегающих полях расположены многочисленные плантации сахара и какао, среди которых растет множество высоких и красивых деревьев, из древесины которых можно строить дома и корабли. Среди них много красивых и пропорциональных кедров, семь или восемь футов в длину, из которых можно строить лодки и корабли, чтобы нести только один большой парус; такие суда называются пирагуа. Вся страна хорошо снабжена реками и ручьями, очень полезными в засуху, когда их разрезают на множество маленьких каналов для полива полей и плантаций. Они также выращивают много табака, который очень ценится в Европе и за его полезные свойства называется там *табаком священников (tobacco de sacerdotes)*. Их юрисдикция составляет около двадцати лиг, которые ограничены очень высокими горами, вечно покрытыми снегом. По другую сторону этих гор расположен большой город Мерида, которому подчиняется Гибралтар. Все товары доставляются в вышеупомянутый город на мулах, и то только в одно время года, по причине сильного холода в этих высоких горах. На упомянутых мулах возвращается мука из муки, которая поступает из Перу по дороге в Эстаффу.

Лолонуа, прибыв в Венесуэльский залив, бросил якорь со всем своим флотом вне пределов видимости Вигилии или Сторожевого острова; на следующий день очень рано он отплыл со всеми своими кораблями к озеру Маракайбо, где они снова бросили якорь; затем они высадили своих людей, намереваясь сначала напасть на крепость, которая командовала баром, поэтому она называется *де ла барра*. Эта крепость состояла лишь из нескольких больших земляных корзин, поставленных на возвышенности, в которых было установлено шестнадцать больших пушек, и еще несколько земляных куч вокруг для прикрытия людей: пираты высадились в лиге от этой крепости и продвигались к ней; но губернатор, заметив их высадку, устроил засаду, чтобы отрезать их сзади, пока он будет атаковать их спереди. Пираты обнаружили это и, высадившись раньше, разгромили его настолько, что ни один человек не смог отступить в замок: это было сделано, Лолонуа со своими спутниками немедленно двинулся к форту, и после почти трехчасового боя, с обычным отчаянием людей этого сорта, они стали его хозяевами, не имея никакого другого оружия, кроме шпаг и пистолетов. Пока они сражались, те, кто был в засаде, не имея возможности попасть в замок, в большом смятении и беспорядке отступили в Маракайбо, крича: "Пираты скоро будут здесь с двумя тысячами человек и более." Город, который ранее был захвачен подобными людьми и разграблен до основания, все еще имел представление о том несчастье; поэтому при этих мрачных вестях они попытались бежать в сторону Гибралтара на своих лодках и каноэ, захватив с собой все товары и деньги, какие только могли. Прибыв в Гибралтар, они рассказали, как была взята крепость, и ничего не удалось спасти, ни одному человеку не удалось спастись.

Взяв крепость, пираты тут же дали знак кораблям о своей победе, чтобы те шли дальше, не опасаясь опасности: остаток того дня был потрачен на разрушение и уничтожение упомянутой крепости. Они забили гвоздями пушки и сожгли все, что не смогли унести, похоронив мертвых и отправив на борт флота раненых. На следующий день, очень рано, они снялись с якоря и направились прямо к Маракайбо, примерно в шести лигах от форта; но ветер в тот день стих, и они смогли продвинуться немного вперед, будучи вынуждены ждать прилива. На следующее утро они подошли к городу и приготовились к высадке под защитой собственных пушек, опасаясь, что испанцы могли устроить засаду в лесу. Они посадили своих людей в каноэ, привезенные для этой цели, и высадились, яростно стреляя из своих больших пушек. Из тех, кто был в каноэ, на берег сошла только половина, другая половина осталась на борту. Они стреляли с кораблей как можно быстрее, в сторону лесистой части берега, но никого не могли обнаружить; тогда они вошли в город, жители которого удалились в леса и Гибралтар с женами, детьми и семьями. Их дома они оставили хорошо снабженными продуктами, такими как мука, хлеб, свинина, бренди, вина и домашняя птица, и этим пираты стали веселиться, так как за четыре недели до этого у них не было возможности набить свои желудки таким изобилием.

Они тут же завладели лучшими домами в городе и расставили часовых везде, где посчитали нужным, - главной стражей им служила большая церковь. На следующий день они отправили сто шестьдесят человек на поиски жителей в окрестных лесах. Они вернулись в ту же ночь, приведя с собой 20 000 кусков восьмерки, несколько мулов, нагруженных домашней утварью и товарами, и двадцать пленников - мужчин, женщин и детей. Некоторых из них посадили на дыбу, чтобы заставить признаться, где они спрятали остальные товары; но вырвать у них удалось совсем немного. Лолонуа, который ценил, что не убил, хотя и хладнокровно, десять или двенадцать испанцев, выхватил свою секиру и разрубил одного на куски перед остальными, сказав: "Если ты не признаешься и не скажешь, где спрятал остальные товары, я сделаю то же самое со всеми твоими товарищами". Наконец, среди этих ужасных жестокостей и бесчеловечных угроз, один пообещал показать место, где спрятаны

остальные испанцы. Но те, кто бежал, узнав об этом, переменили место и зарыли остатки своих богатств под землей, чтобы пираты не смогли их найти, если только кто-нибудь из них сам не откроет их. Кроме того, испанцы, каждый день перелетая с места на место и часто меняя леса, завидовали даже друг другу, так что отец не мог доверять собственному сыну.

Пробыв пятнадцать дней в Маракайбо, пираты решили направиться в Гибралтар; но жители, получив сведения об этом и о том, что они намереваются после этого идти в Мериду, уведомили об этом тамошнего губернатора, который был доблестным воином и служил офицером во Фландрии. Он ответил, что "не желает, чтобы они беспокоились, так как надеется через некоторое время истребить пиратов". После этого он прибыл в Гибралтар с четырьмя сотнями хорошо вооруженных людей, приказав в то же время жителям вооружиться, так что в общей сложности у него было восемьсот боевых людей. С той же быстротой он воздвиг в сторону моря батарею с двадцатью орудиями, обложенную большими корзинами с землей: другую батарею он поставил в другом месте, с восемью орудиями. После этого он забаррикадировал узкий проход в город, через который должны были пройти пираты, открыв в то же время другой проход через много грязи и ила в лес, который был совершенно неизвестен пиратам.

Не зная об этих приготовлениях, пираты, собрав всех пленников и добычу, направились к Гибралтару. Приблизившись к нему, они увидели, что королевский штандарт висит и что жители города намерены защищать свои дома. Лолонуа, видя это, созвал военный совет, что им делать, и сказал своим офицерам и морякам: "Трудность этого предприятия очень велика, поскольку у испанцев было столько времени, чтобы привести себя в состояние обороны, и они собрали хороший отряд людей с большим количеством боеприпасов; но несмотря на это, - сказал он, - будьте мужественны; мы должны либо защищаться как хорошие солдаты, либо потерять наши жизни со всеми богатствами, которые мы получили. Поступайте, как я, ваш капитан: в иные времена мы сражались с меньшим числом людей, чем сейчас, и все же одолели большее число, чем может быть в этом городе: чем их будет больше, тем больше славы и богатства мы получим". Пираты предполагали, что все богатства жителей Маракайбо были перевезены в Гибралтар, или, по крайней мере, большая их часть. После этой речи все они пообещали следовать за ним и слушаться его. Лолонуа ответил: "Хорошо; но знайте, что первого, кто проявит хоть малейший страх или опасение, я прикончу собственными руками".

С этим решением они бросили якорь у берега, примерно в трех четвертях лиги от города: на следующий день до восхода солнца они высадили на берег триста восемьдесят человек, хорошо обеспеченных, и вооружили каждого тесаком, одним или двумя пистолетами, а также порохом и пулями в количестве, достаточном для тридцати зарядов. Здесь все они пожали друг другу руки в знак признательности за храбрость и начали свой поход, а Лолонуа сказал: "Идите за мной, братья мои, и будьте мужественны". Они последовали за своим проводником, который, полагая, что ведет их хорошо, привел их к дороге, которую забаррикадировал губернатор. Не имея возможности пройти этим путем, они направились к другому, недавно сделанному в лесу среди трясины, куда испанцы могли стрелять по своему усмотрению; но пираты, полные мужества, срубали ветви деревьев и бросали их на дорогу, чтобы они не застревали в грязи. Тем временем гибралтарцы стреляли из своих огромных пушек так яростно, что из-за шума и дыма не было ни слышно, ни видно. Миновав лес, они вышли на твердую землю, где встретили батарею из шести орудий, из которых испанцы немедленно выстрелили по ним, все они были заряжены мелкими пулями и кусками железа; и испанцы, выйдя вперед, набросились на них с такой яростью, что пираты отступили, лишь немногие из них пытались продвинуться к форту, многие из них были уже убиты и ранены. Это заставило их вернуться назад и искать другой путь, но испанцы, срубив множество деревьев,

мешающих проходу, не смогли найти ни одного, и были вынуждены вернуться к тому, что оставили. Здесь испанцы продолжали стрелять, как и прежде, и не выходили из своих батарей, чтобы атаковать их. Лолонуа и его спутники, не имея возможности взобраться на земляной бастион, были вынуждены прибегнуть к старой хитрости, с помощью которой они, наконец, обманули и одолели испанцев.

Лолонуа внезапно отступил со всеми своими людьми, сделав вид, что бежит; тогда испанцы с криками "Они бегут, они бегут, давайте преследовать их" с большим беспорядком бросились в погоню. Оказавшись на некотором расстоянии от батарей, что было единственной целью пиратов, они неожиданно повернули на них с мечом в руках и убили более двухсот человек; таким образом, пробившись через оставшихся, они овладели батареями. Испанцы, оставшиеся за границей, потеряв себя, бежали в леса: те, кто находился в батарее из восьми орудий, сдались, получив четверть за свою жизнь. Став хозяевами города, пираты сорвали испанские флаги и установили свои, взяв в плен всех, кого смогли найти. Их отнесли в большую церковь, где они возвели батарею из нескольких больших пушек, опасаясь, что бежавшие испанцы соберутся и снова нападут на них; но на следующий день, когда все было укреплено, их страхи прошли. Они собрали мертвых, чтобы похоронить их, а это было более пятисот испанцев, кроме раненых в городе и тех, кто умер от ран в лесу. У пиратов было также более ста пятидесяти пленных и около пятисот рабов, много женщин и детей.

Из их собственных товарищей было убито только сорок человек, а ранено почти восемьдесят, из которых большая часть умерла от плохого воздуха, принесшего лихорадки и другие болезни. Они положили убитых испанцев в две большие лодки и, отнеся их на четверть лиги в море, затопили лодки; после этого они собрали все тарелки, домашние вещи и товары, которые могли или сочли нужным унести. Испанцы, у которых что-то оставалось, тщательно прятали это; но недовольные пираты, не довольствуясь полученными богатствами, искали еще больше товаров и товаров, не щадя тех, кто жил в поле, - охотников и плантаторов. Не прошло и восемнадцати дней, как большая часть пленников умерла от голода. Ибо в городе было мало провизии, особенно мяса, хотя его и было немного, но не было достаточного количества муки, которую пираты забрали себе, как забрали свиней, коров, овец и домашнюю птицу, не оставив бедным пленникам никакой доли. Для них они приготовили лишь небольшое количество мяса мулов и ослов, и многие, кто не мог есть эту мерзкую пищу, умерли от голода, так как их желудки не были привычны к такому питанию. Многие из пленников также умерли под пытками, которым они подвергались, чтобы заставить их открыть свои деньги или драгоценности; и из них одни не имели их и не знали о них, а другие, отрицая то, что знали, терпели такую ужасную смерть.

Наконец, продержавшись в городе целых четыре недели, они отправили четырех пленников к испанцам, которые скрылись в лесу, требуя от них выкуп за то, что они не сожгут город. Требуемая сумма составляла 10 000 кусков восьмерки, которые в случае отказа они грозились сжечь в пепел. На то, чтобы принести эти деньги, они дали им всего два дня; но испанцы, не сумев собрать в срок такую сумму, пираты подожгли многие части города, после чего жители умоляли их помочь погасить огонь, и выкуп будет выплачен без труда. Пираты сжалились и помогли, насколько могли, остановить огонь; но, несмотря на все их старания, одна часть города была разрушена, а церковь, принадлежащая монастырю, сгорела дотла. Получив указанную сумму, они вывезли на борт все добытые ими богатства, а также большое количество рабов, не заплативших выкуп; ибо на всех пленных были наложены денежные суммы, а рабов также было велено выкупить. Затем они вернулись в Маракайбо, где, прибыв туда, обнаружили всеобщее смятение во всем городе, куда послали

трех или четырех пленников сказать губернатору и жителям, что "они должны привезти им 30 000 кусков восьмерки на борт своих кораблей, чтобы выкупить их дома, иначе они будут разграблены заново и сожжены".

Во время этих дебатов на берег сошла партия пиратов, которые унесли с собой на борт флота образа, картины и колокола великой церкви. Испанцы, посланные потребовать вышеупомянутую сумму, вернулись с приказом заключить соглашение; они заключили с пиратами договор о том, что дадут за их выкуп и свободу 20 000 кусков восьмерки и пятьсот коров, при условии, что они не будут больше предпринимать никаких военных действий, а уйдут оттуда сразу после уплаты денег и скота. Получив то и другое, вся флотилия отплыла, доставив великую радость жителям Маракайбо, что они избавились от них; но через три дня после этого они с восторгом возобновили свои опасения, увидев, что пираты появились снова и вновь вошли в порт со всеми своими кораблями; однако эти опасения исчезли, когда они услышали о поручении одного из пиратов, который сошел на берег Лолонуа, "чтобы потребовать искусного лоцмана, который провел бы один из самых больших кораблей через опасную отмель, лежащую у самого входа в озеро". Просьба, а точнее, приказ, была немедленно удовлетворена.

В этих городах они пробыли целых два месяца, в течение которых совершили те жестокие и дерзкие поступки, о которых мы рассказывали. Отплыв оттуда, они взяли курс на Испаньолу и прибыли туда через восемь дней, бросив якорь в порту под названием Исла-де-ла-Вакка, или Коровий остров. Этот остров населен французскими буканьерами, которые в основном продают добытую ими плоть пиратам и другим людям, которые время от времени заходят туда, чтобы подкрепиться или поторговать. Здесь они выгрузили все свои богатства - обычное хранилище пиратов обычно находится под укрытием буканьеров. Здесь они разделили все свои призы и добычу, в соответствии с порядком и степенью каждого, как уже говорилось ранее. Произведя точный подсчет всего награбленного, они нашли 260 000 кусков восьмерки готовых денег: разделив их, каждый получил за свою долю деньги, а также шелк, лен и другие товары на сумму 100 кусков восьмерки. Те, кто был ранен, получили свою первую часть, по упомянутому ранее курсу, за потерю конечностей; затем они взвесили все пластины без чеканки, считая десять кусков восьмерки за фунт; драгоценности были оценены безразлично, либо слишком высоко, либо слишком низко, по причине их незнания; после этого каждый снова был приведен к присяге, что он не украл ничего из общего запаса. Затем приступили к выплате дивидендов по акциям тех, кто погиб в бою или иным образом: эти акции были отданы их друзьям, чтобы те хранили их в целости и в надлежащее время передали их ближайшим родственникам или законным наследникам.

Покончив со всеми дивидендами, они отплыли на Тортугу. Сюда они прибыли через месяц, к великой радости большей части острова; ведь что касается обычных пиратов, то за три недели у них почти не осталось денег, они потратили их на малоценные вещи или проиграли их в игре. Незадолго до них сюда прибыли два французских корабля с вином, бренди и другими подобными товарами, так что эти спиртные напитки к моменту прибытия пиратов были безразлично дешевы. Но это продолжалось недолго, так как вскоре после этого они чрезвычайно подорожали: галлон бренди продавался за четыре штуки восемь центов. Губернатор острова выкупил у пиратов весь груз корабля, груженного какао, отдав за этот богатый товар едва ли двадцатую часть его стоимости. Таким образом, они успели потерять и потратить полученные богатства за гораздо меньшее время, чем они были добыты. Наибольшая часть богатства, по обычаю пиратов, досталась им в тавернах и на постоянных дворах, так что вскоре они были вынуждены искать еще больше тем же незаконным путем, каким добыли прежнее.

ССЫЛКИ:

[14] *Буканьеры Америки.*

БОЙ МЕЖДУ ДОРРИЛОМ И МОКА [15]

В этих строках мы видим схему того, какое несчастье постигло нас, когда мы шли через Малаккские прямые в соответствии с нашим предполагаемым плаванием, *а именно*: в среду, 7 июля, в 5 часов утра мы увидели корабль с подветренной стороны; как только стало хорошо светло, мы увидели, что он идет на нас. Сначала мы подумали, что это голландец, направляющийся в Атчин или Бенгалию, но когда увидели, что у него нет галер, то предположили, что это то, что потом, к нашему ужасному сожалению, нашли. Мы привели наш корабль в наилучшее положение для обороны, какое только могла позволить возникшая необходимость. Мы внимательно смотрели по сторонам, ожидая увидеть остров под названием Пуло Верелло [Пуло Барахла], но так и не увидели его.

Около 8 часов утра корабль подошел к нам на близкое расстояние. Видел в комнате наших галерей большие салли-порты, в каждом из которых стояло по большой пушке, кажется, медной. Ее таферилл был также снят. Мы сделали все возможное, чтобы подготовиться, опасаясь, что на нас внезапно нападут, и приказали нашим людям занять свои места для действий. Мы подняли наши цвета. Капитан приказал привязать нашего энсина к штабу в виду энима, что и было немедленно сделано. Как только они увидели, что мы подняли наши цвета, они подняли свои, с "Юнион Джеком", и пустили широкий красный шкентель у головы грот-мачты.

Пират находился от нас на расстоянии чуть больше половины пистоля, и мы заметили множество людей, которые отправились на корму на квартердек, где, как мы полагаем, должны были совещаться. Они стояли так же, как и мы, но мы не разговаривали друг с другом. Никто не успокаивался, так что мы боялись, что море навалится друг на друга. В час ночи поднялся шторм. Пират держался так же, как и мы. В 3 часа злодейка откинула паруса, и они ушли от нас. Мы держались ближе, имея встречный ветер для Маллакки. Когда пират был на расстоянии около 7 миль от нас, мы отвязались и стали преследовать его. В 6 часов того же вечера мы увидели остров, и пират подошел к нам с правого борта в нескольких шагах. Он держал по человеку у каждой топмачты и смотрел вдаль, пока не стемнело, затем он отошел немного от нас, но всю ночь составлял нам компанию.

В 8 часов утра он приблизился к нам, но мы успели установить остальные четыре пушки, которые были в трюме, и теперь мы находились в лучшей позиции для обороны, какую только можно было пожелать. Приблизившись к нам и видя, что если бы мы хотели, то не смогли бы от него оторваться, он далеко обгоняет нас по парусам [в ту или иную сторону], капитан решил посмотреть, что будет делать этот негодяй, и приказал спустить все наши малые паруса и закрутить грот. Он, видя это, сделал то же самое и, приблизившись к нам, забил в барабан и затрубил в трубы, а затем четыре раза окликнул нас, прежде чем мы ответили ему.

Наконец было решено узнать, что он скажет, и боцман заговорил с ним так, как было приказано, а именно, что мы прибыли из Лондона. Затем он поинтересовался, мир или война с Францией. Мы ответили, что в Европе царит всеобщий мир, на что они сделали паузу, а затем сказали: "Вот и хорошо". Далее он поинтересовался, причалили ли мы к Атчину. Мы сказали, что к нам подошла лодка, но мы не приблизились к ней на несколько лиг. Далее он поинтересовался именем нашего капитана и тем, куда мы направляемся. Мы ответили, что на Майлакку. Они тоже и [хотели бы], чтобы капитан поднялся на борт и выпил стакан вина. Мы сказали, что увидимся на Маллакке. Затем он попросил задержаться и подняться к нам на борт. Мы ответили, что уже поздно. Он сказал, что, верно, плывет в Китай, и поинтересовался, нужно ли заходить на Водные острова [Пуло-Ондан, у берегов Малакки]. Мы сказали, что надо. Тогда он сказал: "И мы тоже". После того как он задал нам все эти вопросы, мы пожелали узнать, откуда он. Он сказал, что из Лондона, их капитан по фамилии Коллифорд, корабль называется "*Резолюшн*" и направляется в Китай. Этот Коллифорд был помощником артиллериста в Бомбее, а после сбежал с кетча.

Так прошло 8 июля. В пятницу, 9-го, он был на некотором расстоянии от нас, примерно в ½ часа после 10 подошел к нам. Потом стало спокойнее. Мы различили на четвердеке человека с мечом. Когда он приблизился, этот адский имп крикнул: "Бейте, собачки", что, как мы поняли, не было общим согласием, так как его отозвали. Наш боцман в ярости побежал на полуюту, не зная капитана, и ответил, что мы не будем бить таких псов, как он, сказав ему, что негодяй Каждый и его сообщники все повешены. Капитан рассердился, что тот говорит без приказа, затем приказал преследовать его и спросить, по какой причине он нас преследует. Один вышел вперед на фордевинд, махнул рукой и сказал: "Господа, нам нужен не корабль и не люди, а деньги. Мы сказали, что у нас нет для них денег, но попросили их подойти к борту и взять все, что смогут достать. Тогда группа разбойников с ищейками вцепилась в свои тесаки и заявила, что получит их или кровь наших сердец, говоря: "Вы что, не знаете, что мы - *мока*?". Мы ответили: "Да, да". Тогда они подняли крик, и все они скрылись из виду, а мы пошли в нашу каюту. Они собирались поднять флаги, но у них порвались фалды, и наши люди, заметив это, подняли большой крик, так что они оставили их в покое.

Как только они смогли привести в боевую готовность свои пушки, они открыли огонь по нам и так продолжали идти к нашей четверти. Наши пушки не выдерживали на небольшом пространстве, но как только это случилось, дали им лучше, чем [пиратам] хотелось. Второй шот унес наш сприт сайл-ярда. Примерно через полчаса или больше он подошел к нам, и мы набросились на него и продолжали, иногда с широких сторон, а иногда с трех или четырех пушек, когда представлялась возможность и они могли принести наилучшую пользу. Он собирался уложить нас на корму, но по Божьему промыслу капитан Хидэ сорвал его намерение, запустив в него широким бортом, что заставило его отступить и уйти в астрал, где он залег и остановился, не стреляя, а затем на небольшом пространстве выстрелил из одной пушки. Шотт вошел в окно нашего круглого дома, не причинив никому вреда, после чего наполнился и удалился, а когда был примерно в ¼ мили от нас, выстрелил из пушки с подветренной стороны, на что мы ответили другой пушкой с наветренной стороны. Примерно через час после этого он отвалил и снова подошел к нам. Мы не сделали ни одного выстрела, но легли рядом, чтобы принять его, но он держался в стороне. Расстояние, на котором мы вели обстрел, никогда не превышало двух кораблей; время нашего боя длилось с ½ часа после 11 до 3 часов пополудни.

Когда [мы] пришли посмотреть, какой урон понесли, то обнаружили, что наш помощник капитана, мистер Смит, ранен в ногу. Смита, раненного в ногу, рядом с коленом, осколком или куском цепи, что невозможно определить, нашему цирюльнику отрубило два пальца,

когда он закручивал одну из наших пушек, мальчику артиллериста отрубило ногу в отходы, Джону Амосу, квартирмейстеру, , отстрелило ногу, когда он находился у штурвала, мальчику боцмана (мальчику 13 лет) прострелили бедро, которое прошло насквозь и раздробило кость, оружейник Джос. Осборн в круглом доме был ранен осколком в висок, мальчику капитана на квартердеке осколок поднял череп через шапку, и он был первым раненым и первым раненым. Мальчику Вма Рейнольдса оторвало ½ околыша шапки, а его указательный палец был очень сильно раздроблен. У Джона Блейка, токаря, отколота большая часть ноги и голени.

У наших кораблей повреждена мизентопмачта, которая пробита рядом с крышкой, и это было чудо, что она простояла так долго и не упала в поле зрения разбойников. Наш такелаж, у которого остался только один канат, был чист, наши грот-мачты - три с одной стороны, две с другой - разрезаны надвое. Наш грот-мачта в десяти футах от мачты пробита трещиной глубиной 8 дюймов, наши фор-мачты пробиты, большой треск в круглой рубке, один на квартердеке и два из круглой рубки попали на указанную палубу, несколько в стеллаже между палубами и в форпике, два в хлебной комнате, из-за чего мы набрали много воды и повредили большую часть нашего хлеба. Они разобрали одну из наших пушек в круглой рубке, две в стеллаже, две в отхожем месте, одну в форштевне, с большим количеством других повреждений, которые могут показаться утомительными для повторения.

Их маленькие шотганы были наиболее тинны и тютенеги [*tutenaga*, *spelter*]. Они стреляли осколками стеклянных бутылок, чайников, цепей, камней и прочего, что находили на наших палубах. Мы могли наблюдать, что через разбойничий форсаж прошло много большого шотта, и мы надеемся, что сделали с ним то, что заставит его больше не иметь дела ни с одним европейским кораблем. Ночью, как мы поняли, они держали свои огни близко. Мы сделали то же самое и легли рядом. Утром они были так далеко, как мы могли различить на палубе. Мы послали наверх посмотреть, как они стоят, и все было в порядке. Ночью мы завязали такелаж, а утром приложили все усилия, чтобы подготовить наши повозки.

Видя, что наши люди стоят за нами, мы заметили, что их лица удручены. Мы подбодрили их, чем могли, и, чтобы их ободрить, капитан и мы из наших денег выдали им, каждому мужчине и мальчику, по три доллара, что их оживило, и обещали дать им еще столько же, если они снова примутся за дело, а если мы возьмем корабль, то за каждого пленного по пять фунтов и, кроме того, вознаграждение от джентльменов-работодателей. Мы прочли прокламацию короля о каждом и т. д., а также прокламацию достопочтенной компании. Company's.

Около 9 часов 10 июля мы увидели, что разбойник ушел от нас, и возблагодарили Всевышнего за его милость, что он избавил нас от худшего из наших врагов, ибо он [пират] был очень силен, имея на борту не менее сотни европейцев, 34 пушки, кроме того, 10 патр и 2 маленькие мортиры в голове; его нижний ярус, некоторые из них, как мы судили, шестнадцати и восемнадцатифунтовые пушки. Мы лежали так близко к нашему курсу, как только могли, и на следующий день увидели землю по правому борту, которая была Мэн [Земля]. Продолжили путь.

12 июля утром покрасили мальчика боцмана Джорджа Моппа. Пятница, 16 июля, вечером покрасили мальчика артиллериста Томаса Мэтьюса. В воскресенье 18-го на якоре в двух лигах от островов Пилло-Сумбелонг [Пуло-Семболан] покрасили цирюльника Эндрю Миллера. 31-го числа покрасили матроса-чифа, мистера Джона Смита. Двое других все еще находятся в очень плачевном состоянии, и мы сошли на берег здесь, чтобы освежить их..... Китайцы далее сообщают, что ... "Мокко" находился у Мальдивских островов и потерпел

крушение; там они покончили с жизнью своего командира, негодяя Стаута, которого они убили за попытку бегства.

ССЫЛКИ:

[15] Из "Индийского антиквара", том 49.

ДЖАДДИ МАЛАЙСКИЙ ПИРАТ [16]

Задолго до того случая с английским военным кораблем, который привел меня в Сингапур, я плавал в прекрасном флоте прахусов, принадлежавшем радже Джохора [султану Махмаду Шаху]. Все мы были тогда очень богаты - ах! такое количество прекрасных жен и такие пиры! Но, прежде всего, в нашем отряде было множество самых святых людей! Когда наступил подходящий муссон, мы вышли в море, чтобы сразиться с бугисменами [из Целебеса] и китайцами, направлявшимися с Борнео и Целебеса на Яву, ибо вы должны помнить, что наш раджа был в состоянии войны с ними. (Жади всегда утверждал, что дела, в которые он был вовлечен, носили чисто военный, а не пиратский характер).

Все наши тринадцать прахусов были оборудованы в Сингапуре и его окрестностях. Хотел бы я, чтобы вы их увидели, Тухан [Туан, сэр]. Эти прахусы, которые мы видим здесь, - ничто по сравнению с ними, такие медные пушки, такие длинные подвески, такие крисы [малайский крис, кинжал]! Аллах-ил-Аллах! Наши датуа [датук, вождь] были поистине великими людьми!

Проплыв вдоль побережья до Патани, мы переправились на Борнео, два илланунских прахуса выступали в качестве лоцманов, и достигли места под названием Самбас [Западное Борнео]: там мы сражались с китайцами и голландцами, которые жестоко обращаются с нашими соотечественниками и пытаются изгнать малайцев из этой страны. Золотая пыль и рабы в больших количествах были захвачены здесь, большинство из них - наши соотечественники с Суматры и Явы, которые были захвачены и проданы плантаторам и шахтерам голландских поселений".

"Вы хотите сказать, - спросил я, - что голландцы одобряют такую торговлю?"

"Голландцы, - ответил Жади, - были бичом малайской расы; никто не знает, сколько злодейства, сколько кровавой жестокости было в их системе по отношению к нам. Они загоняют нас в наши прахусы, чтобы избежать их налогов и законов, а затем объявляют пиратами и предают смерти. В нашей команде есть туземцы, Тухан, с Суматры и Явы, с Бьянки и Борнео; спросите их, почему они ненавидят голландцев; почему они готовы убить голландца. Это потому, что голландец - ложный человек, не такой, как белый человек [англичанин]. Голландец бьет в темноте; он лжец!"

Однако с Борнео мы отплыли на Билитон [остров между Банкой и Борнео] и Бианку и там дождались ожидаемых больших джонок. До сих пор наше плавание было успешным, и мы пировали - дрались с петухами, курили опиум и ели белый рис. Наконец наши разведчики доложили нам, что в поле зрения появилась джонка. Она подошла, высокобортная, из Фокиена. Мы знали, что эти люди из Амоя будут драться, как тигры, за сахар и шелка; поскольку дул свежий ветер, мы держали ее в поле зрения, только держась ближе к берегу и следуя за ней. Чтобы не пугать китайцев, мы не стали поднимать парус, а заставили наших

рабов тянуть. "О!" - сказал Жади, согреваясь воспоминаниями об этом событии, - "о! как хорошо было почувствовать, какими храбрыми парнями мы тогда были!"

Ближе к ночи мы подняли парус и закрыли джонку, а с рассветом наступил штиль, и мы набросились на наш приз, как акулы. Все наши бойцы надели свои военные костюмы, илланунцы танцевали свой военный танец, и все наши гонги звучали, когда мы открывались, чтобы атаковать ее с разных сторон.

Но эти люди Амоя - свиньи! Они жгли бумагу, играли в гонги и осыпали нас такими камнями, горячей водой, длинными пиками и одним-двумя меткими выстрелами, что мы отступили, чтобы испытать действие наших пушек, хотя нам было жаль это делать, так как это наверняка привело бы голландцев на нас. Мы стреляли в них, а они в нас; три часа мы упорствовали, и всякий раз, когда мы пытались взойти на борт, китайцы отбивали нас, потому что борт судна был гладким и высоким, как стена, с нависающими галереями.

У нас было несколько человек убитых и раненых; был созван совет; один из наших святых людей, знаменитый вождь, совершил некое заклинание, и двадцать наших лучших людей посвятили себя высадке на палубу джонки, когда наш наблюдательный прахус подал сигнал, что голландцы приближаются; и, конечно, несколько голландских пушечных лодок появились на мысу. Через мгновение мы уже были на месте и, как демоны, тянулись к берегам Билитона, канонерские лодки преследовали нас, а китайцы вопили от восторга. Морской бриз посвежел и быстро поднял шхуну. Мы работали двадцать четыре часа и очень устали; наши рабы не могли больше работать, и мы приготовились к встрече с голландцами; они боялись приближаться к нам и начали стрелять на расстоянии. Этого мы и добивались; у нас были пушки, не хуже, чем у них, и, продолжая бой до темноты, мы были уверены в побеге. Голландцы, однако, знали это и продолжали постепенно приближаться к нам; увидев, как наши прахусы вычерпывают воду и кровь, они поняли, что мы страдаем, и развеселились, как черти. Мы были в отчаянии; сдаваться голландцам мы ни за что не хотели; мы сплотились для взаимной поддержки и в конце концов решили, если всякая надежда на спасение исчезнет, вытащить наши прахусы на берег, сжечь их и спрятаться в джунглях до будущего дня. Но храбрый Дату со своим разбитым прахусом спас нас; он предложил позволить голландцам взойти на борт, заколоть всех, кто это сделает, а потом уповать на Аллаха, что ему удастся спастись.

Это было сделано немедленно; мы все отплыли на небольшое расстояние и оставили праху храброго Датоо, как брошенную развалину. Как кричали и стреляли в нее голландцы! Рабы и трусы выпрыгивали праху, но наши храбрецы молчали; наконец, как мы и ожидали, одна пушечная лодка бросилась рядом с их призом и всей толпой взошла на борт. Тогда-то и настало время посмотреть, как умеют сражаться малайцы; крик стоил двадцати мечей, и голландцы пали, как овцы. Мы открыли огонь, чтобы прикрыть наших соотечественников, которые, как только их работа была сделана, прыгнули за борт и поплыли к нам; но храбрый Дату и многие другие погибли, как и положено храбрым малайцам, бегущим наперегонки со множеством врагов.

Канонерские лодки были весьма напуганы таким наказанием, и мы не теряли времени, пытаясь как можно быстрее уйти; но проклятая шхуна, держась ближе к берегу, удерживала ветер и сохраняла свое положение, подавая все время сигнал канонерским лодкам, чтобы они следовали за ней. Мы не хотели больше сражаться; очевидно, это был неудачный день. На противоположной стороне канала, где мы находились, коралловые рифы и отмели не позволяют голландцам преследовать нас: было решено во что бы то ни стало добраться туда, несмотря на шхуну. С первым сухопутным ветром вечером мы поставили парус перед ним и

взяли курс на Бьянку. Шхуна, как ловкий моряк, встала на нашем пути, чтобы повернуть нас назад; но мы были полны решимости идти вперед, принять на себя ее огонь и пойти на любой риск.

Это было зрелище, когда мы встречались друг с другом; но мы были в отчаянии: мы уже убили много голландцев, теперь была их очередь. Я был во втором праху, и хорошо, что так вышло, потому что когда самый головной приблизился к шхуне, голландец выстрелил в нее из всех своих пушек и сразу же разбил ее на куски. Мы зааплодировали, выстрелили из пушек, а затем бросились вперед, спасая свои жизни. "Ах! сэр, это была темная ночь для нас. Три прахуса были потоплены, а все наши силы рассеяны".

К нашим несчастьям добавился сильный шторм. Мы были вынуждены нести парусину; наш праху протекал из пробоин; море постоянно разбивалось о него; мы не осмелились в такую ночь наткнуться на коралловые рифы и понеслись к Малаккскому проливу. Раненые корчились и кричали в агонии, а мы, боевые люди, должны были качать и тюкать, как *черные парни* [кафры или рабы-негры]! К двум часам ночи мы все были измотаны. Мне было безразлично, утону я или нет, и многие бросали свои ведра и садились умирать. Ветер усилился, и наконец, словно желая избавить нас от страданий, на нас обрушился такой шквал. Я понял, что глупо противиться судьбе, и последовал общему примеру. "Бог велик!" - воскликнули мы, но тут пришел раджа Джохора и стал нас упрекать. "Работайте до рассвета, - сказал он, - и я обеспечу вашу безопасность". Мы указали на приближающуюся черную бурю. "Вы этого боитесь?" - ответил он и, спустившись вниз, достал такую же деревянную ложку и сделал то, что вы видели, как я делал, и я говорю вам, мой капитан, как если бы передо мной стоял "Компани Сахиб", что буря была пустяком, и что через час после этого у нас был штиль, и мы спаслись. Бог велик, а Магомет - его пророк, но нет такого талисмана, как джохорский, чтобы убить ветер!

ССЫЛКИ:

[16] Из "*Индийского антиквара*", том 49.

УЖАСНЫЕ ЛАДРОНЫ [17]

Ричард Гласспул

17 сентября 1809 года корабль почтенной компании "*Маркиз Эли*" бросил якорь у острова *Сам Чоу* в Китае, примерно в двенадцати английских милях от Макао, где мне было приказано отправиться на одном из наших катеров, чтобы найти лоцмана, а также высадить на берег мурзилку с пакетом. Я покинул корабль в 5 часов вечера с семью людьми под моей командой, хорошо вооруженными. Дул свежий шторм с N. E. Мы прибыли в Макао в 9 часов вечера, где я передал пакет мистеру Робертсу и отправил людей с парусами спать под фабрикой компании, а лодку оставил на попечение одного из людей компрадора; в течение ночи шторм усилился. В половине третьего утра я вышел на берег и обнаружил, что лодка на берегу наполовину заполнена водой, так как человек покинул ее. Я позвал людей и свалил ее на тюк; оказалось, что она значительно повреждена и очень дырявая. В половине пятого утра, когда начался отлив, мы покинули Макао с овощами для корабля.

Один из людей компрадора, говоривший по-английски, отправился с нами, чтобы управлять кораблем до Линтина, так как мандарины, в связи с недавними беспорядками в Макао, не давали разрешения на обычных лоцманов. Я имел все основания ожидать корабль на дорогах, так как он готовился встать под весы, когда мы покинули его; но, обогнув Кабаретта-Пойнт, мы увидели его в пяти или шести милях к подветренной стороне, под весом, стоящим на правом галсе: тогда дул свежий ветер на N. E. Взяли вверх и встали к ней; когда примерно на расстоянии кабельтова к ветру от нее, она встала на галс; мы взяли наш ветер и встали за ней. Налетевший шквал, сильный прилив и сильное волнение, мы быстро дрейфовали к подветренной стороне, а погода была туманной, и мы вскоре потеряли корабль из виду. Ударившись о мачты, мы попытались вытащить его; обнаружив, что наши усилия бесполезны, поставили рифы на переднем парусе и мизене и направились к деревенскому судну, стоявшему на якоре под землей к подветренной стороне от Кабаретта-Пойнт. Когда до нее оставалось четверть мили, она взвесилась и спустила парус, оставив нас в очень критическом положении: у нас не было якоря, и мы дрейфовали на скалах подветренной стороны. Задело мачты: после четырех или пяти часов упорной борьбы удалось их убрать.

В это время не было видно ни одного корабля; погода прояснилась, мы увидели корабль с подветренной стороны, опустили корпус, поставили мачты и поплыли к нему; это оказался корабль почтенной компании *"Глаттон"*. Мы подали ей сигналы носовыми платками на фор-мачте, но она, к сожалению, не обратила на них внимания, а взяла галс и встала от нас. Наше положение было поистине бедственным: ночь быстро приближалась, надвигалась угроза, дул свежий ветер, шел сильный дождь, море было тяжелым; наше судно было очень дырявым, без компаса, якоря и провизии, и мы быстро дрейфовали по слабому берегу, окруженному опасными скалами и населенному самыми варварскими пиратами. Я убрал паруса и держал галсы до рассвета, когда мы с радостью обнаружили, что дрейфовали совсем немного к подветренной стороне от того места, где находились вечером. Ночь была очень темной, с постоянными сильными шквалами и проливным дождем.

Вторник, 19-е, кораблей не видно. Около десяти часов утра наступил штиль, пошел сильный дождь и поднялась сильная волна; задрало мачты и потянуло, но, не видя земли, мы шли по волне. Когда погода разрядилась, мы обнаружили, что дрейфуем на несколько миль к подветренной стороне. Во время штиля поднялся свежий бриз, мы поставили парус и попытались добраться до берега и бросить якорь с помощью шести мушкетов, которые мы связали для этой цели. Обнаружив, что лодка не может идти против прилива и отлива, мы зашли в бухту с подветренной стороны и бросили якорь около часа ночи недалеко от суши в пяти или шести саженьях воды, дул свежий ветер, шел сильный дождь.

В среду, 20-го числа, при свете дня, полагая, что начинается прилив, взвесились и встали на якорь у берега, но обнаружили, что быстро дрейфуем к подветренной стороне. Около десяти часов мы заметили две китайские лодки, которые направились к нам. Взяли курс и встали в направлении, подавая сигналы, чтобы побудить их подойти к нам на расстояние града; когда мы приблизились к ним, они взяли курс и прошли подветренной стороной к островам. Китаец, который был у нас в лодке, посоветовал мне следовать за ними, и он отвезет нас в Макао подветренным путем. Я выразил опасение, что нас захватят ладронцы. Наши боеприпасы промокли, а мушкеты пришли в негодность, и нам нечем было защищаться, кроме тесаков, а мы находились в слишком бедственном положении, чтобы оказывать им сопротивление, так как постоянно были мокрыми и три дня не ели ничего, кроме нескольких зеленых апельсинов.

Поскольку наше положение было безнадежным, а человек заверил меня, что нет опасений встретить ладронов, я выполнил его просьбу и встал подветреннее к островам, где вода была

гораздо ровнее и, по-видимому, был прямой путь в Макао. Мы продолжали тянуть и плыть весь день. В шесть часов вечера я обнаружил три больших судна на якоре в бухте с подветренной стороны. Увидев нас, они взвесились и поплыли в нашу сторону. Китайцы сказали, что это ладронцы и что если они нас захватят, то наверняка предадут всех нас смерти! Найдя нас, они быстро настигли нас, задрали мачты и в течение пяти или шести часов тянули к ветру. Прилив обернулся против нас, и мы бросили якорь под сушей, чтобы не быть замеченными. Вскоре мы увидели, что лодки прошли мимо нас с подветренной стороны.

В четверг, 21-го числа, при дневном свете, во время наводнения, взвесились и потянулись вдоль берега в отличном настроении, ожидая, что будем в Макао через два-три часа, так как, по словам китайцев, до него было не более шести-семи миль. Пройдя милю или две, мы заметили на берегу несколько человек, стоявших недалеко от берега; они были вооружены пиками и копьями. Я приказал переводчику окликнуть их и спросить, как пройти в Макао. Они сказали, что если мы выйдем на берег, то они сообщат нам об этом; мне не понравился их враждебный вид, и я не счел нужным выполнить просьбу. Увидели большую флотилию лодок на якоре недалеко от противоположного берега. Наш переводчик сказал, что это рыболовные суда и что, отправившись туда, мы не только получим провизию, но и лоцмана, который отвезет нас в Макао.

Я взял курс и, приблизившись к ним, увидел, что это несколько больших судов, битком набитых людьми и оснащенных несколькими пушками. Я не решался подойти ближе, но китайцы заверили меня, что это мандаринские джонки^[18] и соляные суда, мы подошли к одному из них и спросили дорогу в Макао. Они ничего не ответили, но сделали нам несколько знаков, чтобы мы подошли к берегу. Мы прошли дальше, и за нами потянулась большая гребная лодка; вскоре она причалила, и тогда около двадцати дико выглядевших злодеев, уложенных на дне лодки, вскочили на борт. Они были вооружены короткими мечами в каждой руке, один из которых они положили нам на шею, а другой направили на грудь, не сводя глаз со своего офицера, ожидая его сигнала рубить или остановиться. Видя, что мы не в состоянии оказать никакого сопротивления, он опустил меч, и остальные немедленно последовали его примеру. Затем они затащили нас в свою лодку и перевезли на борт одной из своих джонок с самыми зверскими демонстрациями радости и, как мы предполагали, для того, чтобы подвергнуть нас пыткам и жестокой смерти. На борту джонки они обыскали все наши карманы, сняли платки с наших шей и принесли тяжелые цепи, чтобы приковать нас к пушкам.

В это время подошла лодка и забрала меня с одним из моих людей и переводчиком на борт судна вождя. Затем я предстал перед вождем. Он сидел на палубе в большом кресле, одетый в пурпурный шелк, с черным тюрбаном на голове. На вид ему было около тридцати лет, крепкий мужчина с властным взглядом. Он взял меня за пальто и притянул к себе; затем очень строго спросил переводчика, кто мы такие и что у нас за дело в этой части страны. Я сказал ему, что мы англичане, попавшие в беду и пробывшие четыре дня в море без провизии. Он не поверил, но сказал, что мы плохие люди и что он предаст нас всех смерти, а затем приказал нескольким людям подвергнуть переводчика пыткам, пока он не признается в правде.

По этому случаю к вождю пришел некий Ладроне, который однажды побывал в Англии и знал несколько слов по-английски, и сказал ему, что мы действительно англичане и что у нас много денег, добавив, что пуговицы на моем пальто золотые. Тогда вождь заказал нам грубого коричневого риса, из которого мы приготовили сносный обед, так как почти четыре дня ничего не ели, кроме нескольких зеленых апельсинов. Во время трапезы вокруг нас

столпилось несколько ладронов, которые осматривали нашу одежду и волосы и всячески досаждали нам. Несколько из них принесли мечи и положили их нам на шеи, делая знаки, что скоро вытащат нас на берег и разрубят на куски, что, к сожалению, стало судьбой нескольких сотен человек за время моего плена.

Меня вызвали к вождю, который разговаривал с переводчиком; он сказал, что я должен написать своему капитану и передать ему, что если он не пришлет сто тысяч долларов за наш выкуп, то через десять дней он предаст нас всех смерти. Напрасно я уверял его, что писать бесполезно, если только он не согласится взять гораздо меньшую сумму; мол, мы все бедняки, и самое большее, что мы можем собрать, не превышает двух тысяч долларов. Видя, что он сильно раздражен моими уговорами, я принял предложение написать письмо, чтобы сообщить своему командиру о нашем плачевном положении, хотя не было ни малейшей вероятности облегчить наше положение. Они сказали, что письмо должно быть доставлено в Макао на рыболовном судне, которое принесет ответ утром. Небольшая лодка подошла к берегу и забрала письмо.

Около шести часов вечера нам дали немного риса и соленой рыбы, которые мы съели, и сделали знак, чтобы мы легли на палубу спать; но с разных судов постоянно сходило такое количество ладронцев, чтобы увидеть нас и осмотреть нашу одежду и волосы, что они не давали нам ни минуты покоя. Особенно их интересовали пуговицы моего пальто, которые были новыми и, как они полагали, золотыми. Я снял его и положил на палубу, чтобы они не мешали мне; ночью его унесли, и на следующий день я увидел его без пуговиц.

Около девяти часов подошла лодка и окликнула судно вождя; он тут же поднял грот, и флот взвесился, видимо, в большом смятении. Всю ночь и часть следующего дня они работали по ветру и около часа дня бросили якорь в бухте под островом Лантоу, где стоял на якоре главный адмирал Ладронес с примерно двумя сотнями судов и португальским бригам, который они захватили за несколько дней до этого, и убили капитана и часть команды.

В субботу, 23-го, рано утром к флоту подошла рыбацкая лодка, чтобы спросить, не захватили ли они европейское судно; получив утвердительный ответ, они подошли к судну, на котором я находился. Один из них сказал несколько слов по-английски и сообщил мне, что у него есть ладронский пропуск и что он послан капитаном Кеем на наши поиски; я был весьма удивлен, обнаружив, что у него нет письма. Он оказался хорошо знаком с вождем и весь день просидел в своей каюте, куря опиум и играя в карты.^[19]

Вечером меня вместе с переводчиком вызвали к вождю. Он расспрашивал нас в гораздо более мягком тоне, заявив, что теперь считает нас англичанами, с которыми хотел бы поддерживать дружеские отношения, и что если наш капитан одолжит ему семьдесят тысяч долларов до возвращения из плавания вверх по реке, то он вернет ему долг и отправит нас всех в Макао. Я заверил его, что писать на таких условиях бесполезно, и, если выкуп не будет быстро улажен, английский флот отплывет и сделает наше расширение совершенно неэффективным. Он остался непреклонен и сказал, что если выкуп не будет отправлен, он удержит нас, заставит сражаться или предаст смерти. Я написал письмо и передал его человеку с упомянутой лодки. Он сказал, что не сможет ответить менее чем через пять дней.

Теперь вождь отдал мне письмо, которое я написал, когда его только взяли. Я так и не смог выяснить причины его задержания, но полагаю, что он не смеет вести переговоры о нашем выкупе без приказа главного адмирала, который, как я понял, сожалел о нашем захвате. Он

сказал, что английские корабли присоединятся к мандаринам и нападут на них.[20] Он сказал начальнику, захватившему нас, чтобы тот распоряжался нами по своему усмотрению.

В понедельник, 24-го, дул сильный шторм с непрерывным проливным дождем; мы сильно страдали от холода и сырости, вынужденные оставаться на палубе без всякого укрытия, кроме старой циновки, которую ночью часто отбирали у нас ладроны, стоявшие на вахте. Ночью португальцы, оставшиеся на бриге, убили находившихся на его борту ладронов, перерезали тросы и, к счастью, скрылись в ночной темноте. Впоследствии мне сообщили, что они столкнули ее на берег недалеко от Макао.

Во вторник, 25-го, утром, при свете дня, флот, насчитывающий около пятисот парусов разных размеров, взвесился, чтобы отправиться в намеченное плавание вверх по рекам, чтобы взимать контрибуцию с городов и деревень. Невозможно описать, каковы были мои чувства в это критическое время, когда я не получал ответов на свои письма, а флот находился в пути, чтобы отплыть на сотни миль в страну, которую никогда не посещали европейцы, и оставаться там, вероятно, в течение многих месяцев, что сделает все возможности для переговоров о нашем расширении совершенно неэффективными; Поскольку единственным средством сообщения являются лодки, имеющие пропуск от ладронов, и они не смеют отплывать более чем на двадцать миль от Макао, будучи вынуждены приходить и уходить ночью, чтобы избежать мандаринов; и если эти лодки будут обнаружены в каких-либо сношениях с ладронами, они немедленно предаются смерти, и все их родственники, хотя они и не участвовали в преступлении,[21] разделяют наказание, чтобы ни один человек из их семей не остался, чтобы подражать их преступлениям или мстить за их смерть. Такая суровость делает сообщение опасным и дорогим; ни одно судно не отважится отправиться в путь меньше чем за сто испанских долларов.

В среду, 26-го, при свете дня мы прошли мимо наших кораблей, стоявших на якоре под островом Чун-По. Тогда вождь позвал меня, указал на корабли и велел переводчику сказать, чтобы мы смотрели на них, потому что больше мы их никогда не увидим. Около полудня мы вошли в реку к западу от Боге, в трех или четырех милях от входа. Мы миновали большой город, расположенный на склоне красивого холма, который впадает в Ладронес; жители приветствовали их песнями, когда они проходили мимо.

Флот, разделенный на две эскадры (красную и черную),[22] и поплыл вверх по разным рукавам реки. В полночь дивизион, в котором мы находились, бросил якорь недалеко от огромного холма, на вершине которого горело несколько костров, которые, как я понял при свете дня, исходили из китайского лагеря. В глубине холма находился красивейший город, окруженный водой и украшенный рощами апельсиновых деревьев. Таможня[23] и несколько коттеджей были немедленно разграблены и сожжены; большинство жителей, однако, сбежали в лагерь.

Ладроны приготовились напасть на город с грозными силами, собранными в лодках с разных судов. Они послали в город гонца, требуя дань в размере десяти тысяч долларов в год, заявив, что если эти условия не будут выполнены, они высадятся на берег, разрушат город и убьют всех жителей; они бы непременно это сделали, если бы город находился в более выгодном положении для их целей; но, оказавшись вне досягаемости их выстрелов, они позволили им договориться. Жители согласились заплатить шесть тысяч долларов, которые они должны были получить к моменту нашего возвращения вниз по реке. Эта хитрость возымела желаемый эффект, так как за время нашего отсутствия они установили несколько

пушек на холме, с которого просматривался проход, и по возвращении вместо долларов дали нам горячий салют.

1 октября, ночью флот взвесился, приливом поднялся вверх по реке и очень тихо встал на якорь перед городом, окруженным густым лесом. Рано утром ладроны собрались в лодках и высадились на берег; затем подняли крик и бросились в город с мечами в руках. Жители бежали на соседние холмы, числом явно превосходящие ладронов. Мы можем легко представить себе ужас, который охватил этих несчастных людей, вынужденных покинуть свои дома и все, что было им дорого. Было очень тоскливо видеть, как женщины в слезах сжимали на руках своих младенцев и умоляли этих жестоких грабителей пощадить их! Старики и больные, которые не могли ни бежать, ни сопротивляться, были либо взяты в плен, либо самым бесчеловечным образом зарублены! Лодки, груженные добычей, и люди, перемазанные кровью, продолжали быстро сходить с джонки на берег! Двести пятьдесят женщин и несколько детей были взяты в плен и отправлены на борт разных судов. Они не смогли бежать вместе с мужчинами из-за отвратительной практики судорожного сжимания ног: некоторые из них не могли двигаться без посторонней помощи, более того, можно сказать, что все они скорее шатались, чем шли. Двадцать этих несчастных женщин были отправлены на борт судна, на котором я находился; их затащили на борт за волосы и обращались с ними самым диким образом.

Когда начальник поднялся на борт, он расспросил их об обстоятельствах жизни их друзей, и потребовал выкуп, соответственно, от шести тысяч до шестисот долларов с каждого. Он приказал им расположиться на палубе, в задней части судна, где им нечем было укрыться от непогоды, которая в это время была очень переменчивой: дни были очень жаркими, а ночи холодными, с проливными дождями. Город, в котором было разграблено все ценное, подожгли, и к утру он превратился в пепел. Флот оставался здесь три дня, ведя переговоры о выкупе пленных и грабя рыбные баки и сады. За все это время китайцы ни разу не отважились покинуть холмы, хотя на берегу одновременно находилось не более сотни ладронов, и я уверен, что людей на холмах было в десять раз больше.^[24]

5 октября флот двинулся вверх по другому рукаву реки, останавливаясь в нескольких небольших деревнях для получения дани, которая обычно выплачивалась долларами, сахаром и рисом, а также несколькими большими свиньями, зажаренными целиком, в качестве подарков для их джоса (идола, которому они поклоняются).^[25] Каждый человек при выкупе обязан подарить ему свинью или несколько птиц, которых священник преподносит ему с молитвами; они остаются у него на несколько часов, а затем делятся между экипажем. До 10-го числа ничего особенного не происходило, кроме частых стычек на берегу между небольшими партиями ладронцев и китайских солдат. Они часто заставляли моих людей выходить на берег и сражаться из мушкетов, которые у нас были, когда мы их взяли, и они отлично справлялись со своей задачей, китайцы же в основном использовали луки и стрелы. У них есть спичечные замки, но пользуются они ими очень неумело.

10-го числа мы соединились с черной эскадрой и прошли много миль вверх по широкой и красивой реке, миновав несколько развалин деревень, разрушенных черной эскадрой. 17-го числа флот встал на якорь поблизости от четырех грязевых батарей, защищавших город, настолько окруженный лесом, что невозможно было составить представление о его размерах. Погода была очень туманной, с сильными шквалами дождя. Ладроны оставались совершенно спокойными в течение двух дней. На третий день форты в течение нескольких часов вели ожесточенный огонь: ладронцы не сделали ни одного ответного выстрела, но ночью взвесились и спустились вниз по реке.

Причины, по которым они не атаковали город и не открыли ответный огонь, заключались в том, что Джосс не обещал им успеха. Они очень суеверны и по любому поводу обращаются к своему идолу. Если его предзнаменования благоприятны, они решаются на самые смелые авантюры.

Теперь флот бросил якорь напротив развалин города, где женщины были взяты в плен. Здесь мы пробыли пять или шесть дней, за это время удалось выкупить около сотни женщин; остальные были выставлены на продажу среди ладронов по сорок долларов за каждую. Женщина считается законной женой покупателя, и если он откажется от нее, то будет предан смерти. Некоторые из них прыгнули за борт и утопились, не желая подвергаться такому позорному унижению.

Затем флот взвесился и отплыл вниз по реке, чтобы получить выкуп из упомянутого выше города. Когда мы проходили мимо холма, они сделали по нам несколько выстрелов, но безрезультатно. Ладроны были сильно раздосадованы и решили отомстить; они опустились вне пределов досягаемости их выстрелов и встали на якорь. Каждая джонка выслала на берег около сотни человек, чтобы вырезать падди и уничтожить апельсиновые рощи, что и было сделано с наибольшей эффективностью на протяжении нескольких миль вниз по реке. Во время нашего пребывания здесь они получили сведения о девяти лодках, которые лежали вверх по ручью, груженные рисом; за ними немедленно были отправлены лодки.

На следующее утро эти лодки были доставлены на флот; в них было захвачено десять или двенадцать человек. Поскольку они не оказали никакого сопротивления, вождь сказал, что разрешит им стать ладронами, если они согласятся принести обычную клятву перед Джоссом. Трое или четверо из них отказались подчиниться, за что были наказаны следующим жестоким образом: им связали руки за спиной, продели через руки веревку с форштевня и подняли три или четыре фута от палубы, и пять или шесть человек пороли их тремя скрученными вместе раттанами, пока они не стали мертвы; затем подняли их на форштевень и оставили висеть почти час, затем спустили вниз и повторили наказание, пока они не умерли или не выполнили клятву.

20 октября, ночью, прибыл экспресс-бот с информацией о том, что большой мандариновый флот движется вверх по реке, чтобы напасть на нас. Начальник немедленно взвесился с пятьюдесятью самыми большими судами и поплыл вниз по реке, чтобы встретить их. Около часа ночи они открыли сильный огонь до рассвета, когда был послан экспресс для остальной части флота, чтобы присоединиться к ним: примерно через час после этого пришел встречный приказ встать на якорь, так как мандариновый флот бежал. Спустя два-три часа после этого главный вернулся с тремя захваченными судами на буксире, потопив два, а восемьдесят три судна спаслись. Адмирал мандаринов взорвал свое судно, бросив зажженную спичку в магазин, когда ладронцы брали его на abordаж; судно выбросилось на берег, и им удалось захватить двадцать его пушек.

В этом бою было взято очень мало пленных: люди с захваченных судов утопились, так как были уверены, что их ждет долгая и жестокая смерть, если их схватят после сопротивления. Адмирал оставил флот на попечение своего брата, второго командира, и направился со своим собственным судном к Лантоу. Флот оставался на этой реке, рубил падди и получал необходимые припасы.

28 октября я получил письмо от капитана Кея, привезенное рыбаком, который сказал ему, что вернет нас всех за три тысячи долларов. Он посоветовал мне предложить три тысячи, а если не примут, увеличить до четырех, но не больше, так как предлагать много вначале - плохая политика: в то же время он заверил меня, что мы будем освобождены, пусть выкуп будет

таким, каким он будет. Я предложил вождю три тысячи, от которых он с презрением отказался, заявив, что с ним нельзя играть, и если они не пришлют десять тысяч долларов и две большие пушки с несколькими бочками пороха, он скоро убьет нас всех. Я написал капитану Кею и сообщил ему о намерении вождя, попросив, если представится возможность, прислать нам смену одежды, что, как легко представить, нас очень огорчило: мы уже семь недель не получали смены, хотя постоянно находились в непогоде и, конечно, часто мокли.

Первого ноября флот отправился вверх по узкой реке и ночью бросил якорь в двух милях от города под названием Литтл-Уампоа. Перед ним находился небольшой форт, а в гавани стояло несколько мандариновых судов. Вождь послал ко мне переводчика, сказав, что я должен приказать своим людям сделать патроны и почистить мушкеты, чтобы утром сойти на берег. Я заверил переводчика, что не должен отдавать людям подобных приказов, что они должны сами себя обслуживать. Вскоре на борт поднялся вождь, угрожая предать нас всех жестокой смерти, если мы откажемся подчиниться его приказам. Со своей стороны я сохранял решимость и советовал людям не подчиняться, так как считал, что, сделав себя полезными, мы станем слишком ценными.

Через несколько часов после этого он снова послал ко мне, сказав, что если я и квартирмейстер поможем им у больших пушек, что если и остальные люди выйдут на берег и сумеют занять это место, то он возьмет деньги, предложенные за наш выкуп, и даст им по двадцать долларов за каждую отрубленную голову китайца. Мы с радостью согласились на эти предложения, надеясь облегчить наше освобождение.

Рано утром силы, предназначенные для высадки, были собраны в гребные лодки, в общей сложности насчитывавшие три или четыре тысячи человек. Самые крупные суда взвесились и причалили к берегу, чтобы прикрыть высадку войск и атаковать форт и мандариновые суда. Около девяти часов начался бой, который продолжался с большим энтузиазмом почти час, когда стены форта поддались, и люди отступили в величайшем смятении.

Мандаринские корабли продолжали обстрел, перекрыв вход в гавань, чтобы не допустить туда лодки ладронов. Ладронцы пришли в ярость, и около трехсот из них выплыли на берег с коротким мечом под мышкой; они бежали вдоль берега реки, пока не приблизились к судам, а затем снова выплыли и взяли их на абордаж. Китайцы, атакованные таким образом, прыгали за борт и пытались добраться до противоположного берега; ладроны последовали за ними и разрубили большую часть из них на куски в воде. Затем они отбуксировали суда из гавани и с еще большей яростью напали на город. Жители сражались около четверти часа, а затем отступили на соседний холм, откуда их вскоре выбили с большой резней.

После этого ладроны вернулись и разграбили город, причем все лодки покидали его гружеными. Китайцы на холмах, заметив, что большинство лодок ушло, объединились и вернули город, убив около двухсот ладронов. Один из моих людей, к сожалению, погиб в этой ужасной резне! Ладроны высадились во второй раз, вытеснили китайцев из города, затем превратили его в пепел и предали смерти всех своих пленников, не обращая внимания ни на возраст, ни на пол!

Не могу не упомянуть об одном ужасном (хотя и смехотворном) обстоятельстве, которое произошло в этом месте. Ладроны получали от своего вождя по десять долларов за каждую добытую голову китайца. Один из моих людей, свернув за угол одной из улиц, столкнулся с ладроном, яростно бегущим за китайцем; в руке у него был меч, а две головы китайцев, которые он отрубил, связал за хвосты и повесил себе на шею. Я сам был свидетелем того, как некоторые из них приносили по пять или шесть голов, чтобы получить плату!

4 ноября от адмирала пришел приказ немедленно направить флот в Лантоу, где он лежал всего с двумя судами, а три португальских корабля и бриг постоянно досаждали ему; ежедневно ожидалось несколько парусных мандариновых судов. Флот взвесился и направился к Лантоу. Когда мы проходили мимо острова Линтин, три корабля и бриг бросились за нами в погоню. Ладроны приготовились к высадке, но ближе к ночи мы потеряли их из виду: Я убежден, что они изменили курс и удалились от нас. Эти суда находились на жалованье у китайского правительства, а стиль себя Непобедимой эскадрой, крейсирующей по реке Тигр, чтобы уничтожить ладронов!

Пятого числа, утром, красная эскадра бросила якорь в бухте под Лантоу; черная эскадра стояла к востоку. В этой бухте они вытащили на берег несколько своих судов, чтобы проварить их днища и починить.

Во второй половине дня 8 ноября четыре корабля, бриг и шхуна вышли из устья бухты. Сначала пираты сильно встревожились, решив, что это английские корабли, пришедшие нас спасать. Некоторые из них пригрозили подвесить нас к форштевню, чтобы мы стреляли в них; с большим трудом мы убедили их, что это португальцы. У ладронов было только семь джонок, пригодных к бою; они вытащили их наружу и пришвартовали к берегу залива головой и кормой, а также укомплектовали все лодки, принадлежащие ремонтным судам, готовым к высадке.

Португальцы, наблюдая за этими маневрами, причалили к берегу и переговаривались на лодках. Вскоре после этого они отчалили, и каждое судно, проходя мимо, открыло огонь по борту, но безрезультатно - выстрелы были очень короткими. Ладроны не сделали ни одного ответного выстрела, но махали своими цветами и бросали ракеты, чтобы побудить их подойти ближе, что они легко могли сделать, так как внешние джонки лежали в четырех саженях воды, что я сам и проверил: хотя португальцы в своих письмах в Макао сетовали, что воды недостаточно, чтобы подойти ближе, но что они, конечно, не дадут им уйти до прибытия мандаринского флота!

20 ноября, рано утром, я увидел огромную флотилию мандаринов, стоящую в бухте. Приблизившись к нам, они выстроились в линию и встали вплотную друг к другу; каждое судно, разрядив свои пушки, отходило на галс, чтобы присоединиться к задним и перезарядить их. Они вели непрерывный огонь около двух часов, когда одно из их самых больших судов было взорвано зажигательной смесью, брошенной с ладронской джонки; после этого они держались на более почтительном расстоянии, но продолжали стрелять без перерыва до 21-го числа, когда наступило затишье.

Ладроны отбуксировали семь больших судов, около двухсот гребных лодок, чтобы взять их на abordаж; но поднялся бриз, они подняли парус и скрылись. Ладроны вернулись в бухту и бросили якорь. Португальцы и мандарины последовали за ними и продолжали интенсивную канонаду в течение этой ночи и следующего дня. У судна, на котором я находился, была прострелена носовая мачта, которую они очень быстро восстановили, сняв грот-мачту с меньшего судна.

23-го числа, вечером, снова наступило затишье; ладроны отбуксировали пятнадцать джонок двумя дивизионами, намереваясь окружить их, что почти удалось, подобравшись к одной из них и взяв ее на abordаж, когда внезапно поднялся бриз. На захваченном судне было установлено двадцать два орудия. Большая часть команды выпрыгнула за борт; шестьдесят или семьдесят человек были немедленно схвачены, разрублены на куски и брошены в реку. Рано утром "Ладронес" вернулся в бухту и встал на якорь в том же положении, что и раньше. Португальцы и мандарины последовали за ними, ведя непрерывный огонь. Ладроны не

сделали ни одного ответного выстрела, но всегда были готовы к высадке, и португальцы старались не упускать такой возможности.

28-го числа, ночью, они послали восемь пожарных судов, которые при правильной постройке должны были отлично справиться с задачей, имея все преимущества для достижения своей цели: сильный бриз и прилив прямо в бухту, а суда лежали так близко друг к другу, что их невозможно было не заметить. При их первом появлении ладроны подняли общий крик, решив, что это горящие мандариновые корабли, но очень скоро убедились в своей ошибке. Они очень регулярно подходили к центру флота, два и два, яростно пылая; одно из них оказалось рядом с судном, на котором я находился, но им удалось отбить его. Это было судно весом около тридцати тонн; его трюм был заполнен соломой и деревом, а на палубе стояло несколько небольших ящиков с горючими материалами, которые взорвались рядом с нами, не причинив никакого вреда. Ладроны, однако, отбуксировали их на берег, потушили огонь и разбили на дрова. Португальцы считают своей заслугой создание этих разрушительных машин, и на самом деле они отправили депешу губернатору Макао, в которой сообщали, что уничтожили по меньшей мере треть флота ладронов и надеются вскоре осуществить свою цель, полностью уничтожив их!

29 ноября ладронцы, полностью готовые к выходу в море, взвесились и смело вышли в море, бросив вызов непобедимой эскадре и императорскому флоту, состоявшему из девятиста трех боевых кораблей, шести португальских судов, брига и шхуны. Как только ладроны взвесились, они подняли все паруса. Ладроны преследовали их два или три часа, поддерживая постоянный огонь; обнаружив, что не догоняют их, они подняли ветер и встали на восток.

Так закончилась хваленая блокада, которая продолжалась девять дней, за это время ладроны закончили все свои ремонтные работы. В этой акции не было уничтожено ни одного ладронского судна, а их потери составили около тридцати или сорока человек. Погиб и американец, один из трех, оставшихся на шхуне из восьми человек. Мне удалось спастись дважды: первый раз двенадцатифунтовый снаряд упал в трех-четырех футах от меня; другой - выбил осколок из небольшого латунного вертлюга, на котором я стоял. Жена начальника часто окропляла меня чесночной водой, которую они считают эффективным средством против выстрелов. Всю ночь флот шел под парусами, держа курс на восток. Утром они бросили якорь в большой бухте, окруженной высокими и бесплодными горами.

2 декабря я получил письмо от лейтенанта Моуна, командира крейсера *"Антилопа"*, в котором он сообщал, что выкуп у него на борту, и он уже три дня крейсирует за нами, и просил меня договориться с вождем о наиболее надежном способе его доставки. Начальник согласился отправить нас на маленькой канонерской лодке, пока мы не подойдем к *"Антилопе"*; затем лодка компрадора должна была привезти выкуп и принять нас.

Я был так взволнован получением этой радостной новости, что с большим трудом смог набросать две-три строчки, чтобы сообщить лейтенанту Моуну о принятых мерах. Мы все были так глубоко потрясены радостной вестью, что редко закрывали глаза, но продолжали день и ночь следить за лодкой. 6-го числа она вернулась с ответом лейтенанта Мона, который сказал, что будет уважать любую лодку, но не позволит флоту приблизиться к нему. Тогда начальник, согласно своему первому предложению, приказал взять нас на канонерскую лодку, и с немалым удовольствием мы покинули Ладронский флот около четырех часов утра.

В час дня мы увидели *"Антилопу"* под всеми парусами, идущую нам навстречу. Ладронский корабль немедленно бросил якорь и отправил шлюпку компрадора за выкупом, сказав, что

если она подойдет ближе, то они вернутся на флот; и они как раз взвешивались, когда она укоротила парус и встала на якорь примерно в двух милях от нас. Лодка подошла к ней только поздно вечером, так как прилив был сильным. Она получила выкуп и покинула "Антилопу" незадолго до наступления темноты. Мандаринная лодка, скрытно лежавшая под сушей и наблюдавшая за их маневрами, бросилась за ней в погоню и была уже в нескольких саженьях от нее, когда увидела свет, на который ответили ладроны, и мандарин отчалил.

Наше положение стало критическим: выкуп находился в руках ладронов, а компрадор не смел возвращаться с нами, опасаясь повторного нападения со стороны мандариновой лодки. Ладроны не хотели оставаться до утра, и мы были вынуждены вернуться с ними на флот.

Утром начальник осмотрел выкуп, который состоял из следующих предметов: два тюка тонкого алого сукна, два сундука опиума, два бочонка пороха, телескоп и остальное в долларах. Он возразил, что подозрная труба не новая, и сказал, что должен задержать одного из нас, пока не пришлют другую, или дать сто долларов взамен. Компрадор, однако, согласился с ним на сто долларов.

Наконец все было улажено, и вождь приказал двум канонерским лодкам доставить нас к "Антилопе"; мы увидели ее перед самыми сумерками, когда лодки Ладрона покинули нас. Мы имели невыразимое удовольствие прибыть на борт "Антилопы" в 7 часов вечера, где нас очень радушно приняли и сердечно поздравили с благополучным и счастливым избавлением от жалкого плена, который мы терпели одиннадцать недель и три дня.

Несколько замечаний о происхождении, развитии, нравах и обычаях ладронов

Ладроны - это недовольная раса китайцев, восставшая против притеснений мандаринов. Сначала они начали свои грабежи на западном побережье (Кочин-Китай), нападая на небольшие торговые суда в гребных лодках, на борту которых было от тридцати до сорока человек. Они продолжали заниматься пиратством несколько лет; в конце концов их успехи и угнетенное состояние китайцев привели к быстрому увеличению их численности. Сотни рыбаков и других людей перешли на их сторону, и по мере увеличения их числа они, соответственно, все более отчаянными. Они блокировали все главные реки и захватили несколько больших джонок, на каждой из которых было от десяти до пятнадцати пушек.

Вместе с этими джонками они составили очень грозный флот, и ни одно небольшое судно не могло спокойно торговать на побережье. Они разграбили несколько небольших деревень и проявили такое бесчеловечное варварство, которое вселило ужас в сердца китайцев. Для борьбы с этими бесчинствами правительство снарядило флот из сорока императорских военных кораблей, на каждом из которых было от восемнадцати до двадцати пушек. При первом же столкновении двадцать восемь императорских джонок бросились на пиратов, остальные спаслись поспешным отступлением.

Эти джонки, полностью снаряженные для войны, были для них большим приобретением. Их численность росла так быстро, что к моменту моего пленения они насчитывали около семидесяти тысяч человек, восьмьсот крупных судов и около тысячи мелких, включая гребные лодки. Они были разделены на пять эскадр, отличавшихся разноцветными флагами: каждой эскадрой командовал адмирал, или вождь, но все подчинялись приказам А-джучая (Ching yih saou), их главного вождя, самого смелого и предприимчивого человека,

который зашел так далеко, что заявил о своем намерении сместить нынешнюю татарскую семью с трона Китая и восстановить древнюю китайскую династию.

Этот неординарный персонаж, несомненно, поколебал бы основы правительства, если бы ему не помешала ревность второго командира, который объявил о своей независимости и вскоре после этого сдался мандаринам с пятью сотнями судов, пообещав помилование. Большинство низших вождей последовали его примеру. А-джую-чай (Ching yih saou) продержался еще несколько месяцев и в конце концов сдался с шестнадцатью тысячами человек, получив всеобщее помилование, а сам он был произведен в знатные мандарины.

Ладроны не имеют оседлого места жительства на берегу, но постоянно живут на своих кораблях. Запасная часть принадлежит капитану и его женам, которых у него обычно пять или шесть. В отношении супружеских прав они религиозно строги; ни одному человеку не разрешается иметь на борту женщину, если он не женат на ней по их законам. Каждому мужчине полагается небольшой причал, около четырех футов в квадрате, где он размещается вместе с женой и семьей.

Судя по количеству душ, теснящихся на столь малом пространстве, естественно предположить, что они ужасно грязные, что, несомненно, так и есть, а их суда кишат всевозможными паразитами. В частности, крысами, которых они поощряют к размножению и едят их как деликатесы; на самом деле, есть очень мало существ, которых они не съедят. Во время нашего плена мы три недели питались гусеницами, сваренными с рисом. Они сильно пристрастились к азартным играм и проводят все свободные часы за картами и курением опиума.

ССЫЛКИ:

[17] Из "*Пиратов Ладрона*".

[18] *Junk* - кантонское произношение слова *chuen* - корабль.

[19] У пиратов было много других близких знакомых на берегу, например, доктор Чоу из Макао.

[20] Пираты всегда боялись этого. Мы находим следующее сообщение о китайских пиратах, взятое из записей в Ост-Индском доме и напечатанное в Приложении С. к *Отчету о торговле с Ост-Индией и Китаем* в сессиях 1820 и 1821 годов (переиздание 1829 года), стр. 387.

"В 1808, 1809 и 1810 годах река Кантон была настолько запружена пиратами, которые к тому же были в такой силе, что китайское правительство предприняло попытку их усмирить, но потерпело неудачу. Пираты полностью уничтожили китайские войска, опустошили реку во всех направлениях, угрожали напасть на город Кантон и разрушили множество городов и деревень на берегах реки, а также убили или унесли с собой в качестве ладронов несколько тысяч жителей.

"Эти события вызвали тревогу, крайне вредную для торговли Кантона, и вынудили суперкарго Компании снарядить небольшой деревенский корабль для кратковременного крейсерства против пиратов".

[21] То, что вся семья должна страдать за преступление одного человека, кажется самым жестоким и глупым законом из всего китайского уголовного кодекса.

[22] Из "Истории китайских пиратов" мы знаем, что эти "осы океана", говоря словами Юэнь Цзе Юн Луня, первоначально были разделены на шесть эскадр.

[23] На варварском китайско-английском языке, на котором говорят в Кантоне, все вещи без разбора называются *чор*. Вы слышите о чоп-хаусе, чоп-лодке, чай-чоп, чау-чау-чоп и т. д. Дать счет или соглашение о заключении сделки по-китайски называется *chǎ tan*; chǎ в кантонском произношении - *это чор*, которое затем применяется к любому письму.

[24] Ниже приводится характер кантонских китайцев, изложенный в древних китайских книгах: "Жители Кантона глупы, легки, слабы телом и слабы умом, не умеют сражаться на суше".

[25] Джосс - это китайское исправление португальского *Dios*, *Бог*. Жосс, или идол, о котором говорит мистер Гласспул, - это *Сан-по-син*, о котором говорится в работе Юэнь-цзе.

ЖЕНЩИНА В ПЛЕНУ [26]

Лукреция Паркер

Событие, о котором здесь рассказывается, - захват пиратами английского шлюпа "Элиза Энн", направлявшегося из Сент-Джонса в Антигуа, и расправа над всем экипажем (в количестве десяти человек), за исключением одной женщины-пассажира, чья жизнь, по вмешательству Божественного Провидения, была чудесным образом сохранена. Подробности взяты из письма несчастной мисс Паркер (женщины-пассажира, о которой шла речь выше) своему брату в Нью-Йорк.

Сент-Джонс, 3 апреля 1825 г.

Дорогой брат,

Ты, несомненно, слышал о моей неблагоприятной судьбе и шокирующем происшествии, случившемся со мной после того, как я имела удовольствие видеть тебя в ноябре прошлого года. Предвидя твое нетерпение ознакомиться с более подробными деталями моих необычайных приключений, я не стану из-за интереса, который, как я знаю, ты должен испытывать к моему благополучию, колебаться, чтобы обязать тебя; однако я должен заявить тебе, что только это соображение побуждает меня сделать это, поскольку даже воспоминания о сценах, свидетелем которых я был, ты должен понимать, что они всегда сопровождаются болью, и что я не могу размышлять о том, что я пережил, и о сценах ужаса, свидетелем которых я был, без сильнейшего потрясения. Теперь, брат, я изложу тебе подробности моих злоключений, как они происходили, без преувеличения, и если ты пожелаешь передать их публике, через общественную печать или любым другим способом, ты волен сделать это, и я буду считать себя вполне вознагражденным, если хоть в одном случае это окажется полезным для устранения сомнений в умах тех, кто, хотя и не смеет отрицать существование Высшего Существа, все же не верит, что оно когда-либо каким-либо образом открывало себя своим созданиям. Пусть философия (как ее называют) улыбается с жалостью или презрением над моей слабостью или легковерием, но надзор конкретного Провидения, вмешивающегося в действие вторых причин, настолько очевиден для меня и так ярко проявился в ходе моих страданий, что я не буду изгонять его из своего сознания с начала и до конца моего повествования.

28 февраля я отплыл на шлюпе "Элиза Энн", капитан Чарльз Смит, на Антигуа, по настоятельной просьбе брата Томаса и его семьи, которые сообщили мне, что решили сделать этот остров местом своего постоянного проживания, купив там за несколько месяцев до этого ценную плантацию. Мы отплыли при благоприятном ветре и с полным основанием рассчитывали на короткое и приятное плавание, и не встретили ни одного происшествия, которое могло бы разрушить или уменьшить эти лестные перспективы, пока около полудня 14-го дня от нашего отплытия не обнаружили небольшую шхуну, стоявшую по направлению к нам, с палубой, полной людей, и когда она приблизилась к нам, по ее подозрительному виду никто на борту не сомневался, что она пиратская. Когда она приблизилась к нам на расстояние нескольких ярдов, раздался крик, и палубу мгновенно заполонила разношерстная команда отчаянных пиратов, вооруженных почти всеми видами оружия, которые только можно упомянуть, и они начали свою варварскую работу, жестоко избивая и калеча всех на борту, кроме меня. Поскольку отступление было невозможно, и я оказался окружен несчастными, чьи вопли, клятвы и проклятия больше напоминали демонов, чем людей, я упал на колени и у одного из тех, кто, казалось, имел командование, попросил пощады и разрешения удалиться в каюту, чтобы не быть ни субъектом, ни свидетелем сцены убийства, которая, как я почти не сомневался, вот-вот должна была произойти. Мне не отказали в этой привилегии. Чудовище в человеческом обличье (а именно так он тогда выглядел) само отвело меня за руку к трапу и, указав на каюту, сказал мне: "Спуститесь и оставайтесь там, и вы будете полной безопасности, ибо, хотя мы и пираты, мы не варвары, чтобы губить жизни невинных самок!" Сказав это, он закрыл двери компаньона и оставил меня одного размышлять о моем беспомощном и плачевном положении. Невозможно, брат, передать твоему воображению мои чувства в этот момент; будучи единственной женщиной на борту, мой ужас, надо полагать, был гораздо меньше, чем у бедных преданных моряков! Я предала свою жизнь в руки Того, Кто ее одолжил, и не преминула воспользоваться случаем (который, как мне казалось, мог оказаться последним), чтобы воззвать к Нему о защите, которой так требовало мое положение в этот момент, - и никогда я не буду убеждена, что мои молитвы были услышаны.

Пока я оставался в таком положении, по звукам лязгающих мечей, сопровождаемых криками и ужасными стонами, я мог легко представить себе, что происходит на палубе, и не ожидал ничего лучшего, чем полное уничтожение пиратами жизни всех, кто находился на борту. После того как я пробыл в каюте в одиночестве около полутора часов и на палубе воцарилась тишина, двери каюты внезапно распахнулись, и в нее вошли восемь или десять человек из команды пиратов, которых сопровождал тот, кого я подозревал как их предводителя и от кого я получил заверения, что мне не причинят вреда. Он снова обратился ко мне и попросил отбросить все опасения, что я могу пострадать, и что они ищут только деньги, которые, как они подозревают, спрятаны где-то на борту судна и которые они намерены получить, хотя и не могут добиться раскрытия места их сокрытия путем угроз и насилия со стороны команды. Пираты начали тщательный обыск в каюте, сундуки и сундучки, принадлежащие капитану и помощнику, были вскрыты и очищены от самого ценного содержимого - мой багаж и вещи не встретили лучшей участи, более того, это была потеря, которая в этот момент не вызвала у меня особого беспокойства. Я чувствовал, что моей жизни угрожает слишком большая опасность, чтобы в какой-то степени оплакивать потерю моих мирских благ, окруженный бандой самых свирепых злодеев, которых когда-либо видели мои глаза, с разным цветом лица и с оружием в руках, некоторые из них были еще в крови (как я тогда предполагал) моих убитых соотечественников, и их ужасных проклятий и клятв было достаточно, чтобы потрясти самое храброе сердце!

Поиски денег оказались безуспешными (за исключением нескольких долларов, которые они нашли в капитанском сундуке), они вернулись на палубу и, подняв парус на шлюп, направили его к месту встречи, небольшому острову или ключу, не очень далеко, как я полагаю, от острова Куба, куда мы прибыли на следующий день после нашего захвата. Остров был почти бесплоден, на нем не было ничего, кроме нескольких разбросанных мангровых зарослей и кустарников, перемежавшихся с жалкими хижинами этих преступников цивилизации, среди которых власть была единственным законом, и каждый вид беззакония был здесь доведен до такой степени, о которой ни один человек, не наблюдавший подобной степени загрязнения, не мог составить даже самого отдаленного представления.

Как только шлюп встал на якорь, были задраены люки, а несчастной команде приказано выйти на палубу - к моему удивлению, это распоряжение было немедленно выполнено, поскольку я питал сильные подозрения, что все они были убиты пиратами накануне. Бедные преданные жертвы, хотя и были живы, демонстрировали шокирующие доказательства варварства, с которым с ними обращались немилосердные пираты; на их телах виднелись глубокие раны и кровоподтеки, слишком ужасные, чтобы я пытался их описать! И все же, как бы ни были велики их страдания, их жизнь была сохранена только для того, чтобы вынести еще большие мучения. Их крепко связали, заставили сесть в маленькую дырявую лодку и грести к берегу, до которого мы добрались, и пираты разделили добычу, после чего началась сцена самого кровавого и бесчеловечного варварства, воспоминания о которой до сих пор леденит мою кровь. Предварительно лишив их всех предметов одежды, кроме рубашек и брюк, с мечами, ножами, топорами и т. д., они набросились на несчастный экипаж *"Элизы Энн"* со свирепостью каннибалов. Напрасно они молили о пощаде и умоляли своих убийц пощадить их жизни. Напрасно бедный капитан С. пытался затронуть их чувства и вызвать жалость, рассказывая им о положении своей невинной семьи; о том, что у него дома остались жена и трое маленьких детей, полностью зависящих от него в плане содержания. Но, увы, бедняга тщетно взывал к ним. Он обращался к чудовищам, обладающим сердцами, черствыми к чувствам человечности. Получив сильный удар от одного из них топором, он разорвал веревки, которыми был связан, и попытался бежать, но был встречен еще одним из грубиянов, который вонзил нож или кортик ему в сердце. Я стоял рядом с ним в этот момент и был весь в крови. Получив смертельную рану, он издал один стон и безжизненно упал к моим ногам. Остальным членам экипажа также не повезло. Матрос, стоя на коленях и умоляя пощадить его и обещая согласиться на все, что потребуют от него гнусные убийцы, лишь бы ему пощадили жизнь, получил удар дубиной, который мгновенно положил конец его существованию! Дорогой брат, нужно ли мне пытаться изобразить в воображении мои чувства в этот ужасный момент? Достаточно будет сказать, что я описал тебе сцену ужаса, свидетелем которой я был вынужден стать, да еще и ожидая, что стану следующей жертвой этих свирепых чудовищ, чья жажда крови была неутолимой. Теперь у меня оставалась только одна альтернатива - вознести молитву к Небесам о защите того Существа, которое имеет власть остановить руку убийцы и "которое может сделать сверх того, о чем мы можем просить или помышлять", - искренне говоря языком Писания, я могу сказать: "Я нашел беду и скорбь, тогда призвал я имя Господа".

Я оставался на коленях, пока бесчеловечные ублюдки не завершили свою убийственную работу, и не оставил никого, кроме себя, оплакивать судьбу тех, кто всего двадцать четыре часа назад был воодушевлен приятными перспективами быстрого перехода и скорого возвращения в лоно своих семей! Негодяй, которому я трижды обещал защиту и который,

похоже, был среди них главным, снова подошел ко мне с руками, обгагранными кровью моих убитых соотечественников, и, дико улыбаясь, еще раз повторил свои заверения, что если я смирюсь со своим положением, то мне нечего бояться. В облике этого человека, или, скорее, чудовища, как его следовало бы назвать, действительно было что-то ужасающее. У него был смуглый цвет лица, рост около шести футов, глаза большие, черные и пронизательные; выражение лица примечательное, а когда он молчал, его взгляда было достаточно, чтобы понять его смысл. На талии он носил кожаный пояс, к которому были подвешены шпага, пистолеты и кортик. Он был, как мне потом сообщили, признанным вождем среди пиратов, все, казалось, благоговели перед ним, и никто не смел ослушаться его приказаний. Таков, дорогой брат, был этот человек, который обещал мне защиту, если я примирюсь со своим положением, иными словами, подчинюсь его воле. Но каковы бы ни были его намерения, хотя теперь я находился в его власти, без видимого друга, который мог бы защитить меня, я все же настолько полагался на Верховное Существо, которое все видит и знает и которое обещало свою защиту верным в час скорби, что я чувствовал себя в меньшей опасности, чем вы или кто-либо другой, вероятно, могли бы себе представить.

Когда день подошел к концу, меня отвели в небольшой временный шалаш или хижину, где, как мне сообщили, я мог спокойно провести ночь, что я и сделал, никем не потревоженный. Это была еще одна возможность, которую я не упустил, чтобы излить свою душу Тому Существо, Которое уже дало мне основания верить, что Он не сказал дому Иакова: "Тщетно ищи Меня". О! Чтобы все искренние христиане в любой трудной ситуации обращались к Нему за прибежищем; Он - надежное пристанище.

Рано утром следующего дня меня посетил тот самый негодяй, которого я считал главой банды убийц. Когда он вошел и бросил на меня взгляд, его лицо сменило обычную свирепость на притворную улыбку. Не говоря ни слова, он сел на скамью, стоявшую в хижине, и, придвинув к себе стол, облокотился на него, опираясь щекой на руку. Несколько мгновений его глаза неподвижно смотрели землю, а всю душу, казалось, пожирали самые дьявольские мысли. Через несколько мгновений он поднялся с места и торопливо зашагал по хижине, видимо, в крайнем волнении и нередко устремляя на меня пристальный взгляд. Но Провидение, которое, защищая невинных, никогда не позволяет злым оставаться безнаказанными, вмешалось, чтобы спасти меня и избавить от рук этого безжалостного злодея, в тот самый момент, когда он, по всей вероятности, намеревался навсегда разрушить мое счастье.

Внезапно раздался пиратский горн, который (как мне потом сообщили) был обычным сигналом к появлению паруса. Сразу же, не проронив ни слова, это чудовище покинуло мои апартаменты и со всей скоростью поспешило к месту, где они обычно встречаются в таких случаях. Окрыленный приятной надеждой, что Провидение, возможно, вот-вот завершит свое дело милосердия и направит на мрачный остров дружескую помощь, чтобы спасти меня из губельного положения, я набрался храбрости и поднялся на крышу своей лачуги, чтобы по возможности выяснить причину тревоги и возможный исход.

На небольшом расстоянии от острова я заметил парус, который, казалось, лежал к нему, а в нескольких милях от него, с наветренной стороны, другой, который, казалось, несся вниз под давлением паруса первого - через мгновение вся шайка пиратов, за исключением четырех, была в своих лодках, и с веслами и т. д. но к тому времени, как они достигли своей цели, более отдаленное судно (оказавшееся замаскированным британским военным шлюпом) приблизилось к ним на расстояние пушечного выстрела и, вероятно, зная или подозревая их характер, открыло свои порты и начало по ним уничтожающий огонь. Пираты, насколько я мог судить невооруженным глазом, пришли в большое замешательство. Казалось, они

прилагали все возможные усилия, чтобы добраться до острова и скрыться от преследователей. Некоторые выпрыгнули из лодок и попытались добраться до берега вплавь, но были застрелены в воде, а остальные, оставшиеся в лодках, очень скоро были настигнуты и схвачены двумя хорошо укомплектованными лодками, посланными с военного шлюпа для этой цели; и вскоре я имел удовольствие видеть их всех на борту шлюпа и во власти тех, от кого я был полностью уверен, что они понесут наказание, соответствующее их преступлениям.

Описывая характеры этой пиратской шайки разбойников, я, дорогой брат, представлял их как несчастных людей самого страшного и свирепого вида - кровожадных чудовищ, которых по варварству можно было бы сравнить разве что с каннибалами, с удовольствием пировавшими человеческой плотью. Доведенные до отчаяния своими преступлениями и понимающие, что не найдут пощады, если им выпадет такая удача попасть в руки тех, кому они не оказывают милосердия, чтобы предотвратить возможность разоблачения, и справедливо исполняющие законы безжалостно уничтожают жизнь каждого, пусть и невинного, кому выпадет такая удача попасть в их власть - таков, таков, брат, истинный характер шайки пиратов (числом 30 или 40), в плен к которым я имел несчастье попасть, за исключением одного-единственного, обладавшего лицом не столь диким и сердцем не столь черствым к чувствам человечности. К счастью для меня, как распорядилось Божественное Провидение, этот человек был одним из тех четверых, кто остался на острове и на кого было возложено командование после неожиданной катастрофы, лишившей их навсегда столь значительной части их товарищей. От него (после поимки тирана-убийцы, чьим приказам он был вынужден подчиниться) я получил самое доброе обращение и заверения, что буду возвращен на свободу и к моим друзьям, когда представится возможность или когда это можно будет сделать в соответствии с безопасностью их жизни и свободы.

Этот несчастный человек (а именно таким он себя объявил) воспользовался случаем, чтобы побаловать меня частичным рассказом о нескольких самых необычных происшествиях своей жизни. Он объявил себя англичанином по происхождению, но его настоящее имя и место рождения, по его словам, было тайной, которую он никогда не раскроет! "Хотя я должен (сказал он) признать себя пиратом по профессии, я могу похвастаться респектабельным происхождением, и когда-то было время, когда я сам обладал безупречным характером. Потеря имущества из-за предательства тех, кого я считал друзьями и кому безоговорочно доверял, - вот что впервые привело меня к такому образу жизни и побудило предпочесть его менее преступному. Но, хотя я добровольно стал сообщником шайки несчастных, самых злобных и беспринципных, пожалуй, на земле, я торжественно заявляю, что ни в одном случае лично не лишал жизни ни одного невинного существа. Это был акт варварства, от которого мое сердце всегда отшатывалось и против которого я всегда протестовал. Я всегда настаивал на том, что мы должны быть удовлетворены имуществом, не уничтожая жизни тех, кто был, вероятно, отцами семейств, и кто никогда нас не обижал. Но наша банда, как вы можете предположить, состояла в основном из беспринципных людей, которые, казалось, наслаждались пролитием крови и единственным оправданием которых было то, что, действуя слишком гуманно, щадя жизни, они тем самым могли быть разоблачены и сами предстать перед земным трибуналом, чтобы ответить за свои преступления. Вы не представляете себе, мадам (продолжал он), какое огромное имущество было захвачено пиратами и сколько жизней было уничтожено только этой бандой, и все это без единой потери с нашей стороны до вчерашнего дня, когда в силу неожиданного обстоятельства наше число сократилось, как вы видите, с тридцати пяти до четырех! Этот остров не был нашим постоянным пристанищем, но тела тех, кто здесь пострадал, всегда отвозили на значительное расстояние от берега и бросали в море, где их,

вероятно, пожирали акулы, поскольку ни одно из них не прибило к нашим берегам. Захваченное имущество не задерживалось на острове, а отправлялось в соседний порт, где у нас есть агент, который распоряжается им".

"Из огромного числа захваченных нами судов (продолжал он) вы - первая и единственная женщина, которая имела такое несчастье попасть в наши руки, и с того момента, как я впервые увидел вас в нашей власти (прекрасно зная жестокий нрав того, кого мы признали своим вождем), я дрожал за вашу безопасность, и рассматривал вас как человека, лишенного, возможно, защиты мужа или брата, чтобы стать жертвой жалкого негодяя, чье притворное уважение к вашему полу и его неоднократные обещания защиты были лицемерными - всего лишь маска, чтобы усыпить ваши страхи, пока он не сможет погубить вас. Его адские замыслы, согласно его собственным заявлениям, были бы приведены в исполнение в то самое утро, когда он в последний раз посетил вас, если бы не вмешалось мудрейшее Провидение, чтобы спасти вас, и я так хорошо понимаю, что неожиданное обстоятельство его поимки, как и поимки большей части нашей банды, таких же отчаянных и беспринципных, как он сам, должно быть, произошло по приказу Того, от чьего всевидящего ока не укроется ни одна злая сделка, что, будь я так настроен, я бы удержался от причинения вам какого-либо вреда из-за страха встретиться с подобной судьбой. Трое моих оставшихся товарищей также не расходятся со мной во мнениях, и все мы торжественно обещаем, что, пока вы остаетесь в нашей власти, вам не на что жаловаться, кроме как на лишение общества тех, чья компания, без сомнения, была бы для вас более приятной; и как только это можно будет сделать с учетом нашей собственной безопасности, вас доставят в такое место, откуда вы сможете добраться до своих друзей. Нас стало слишком мало, чтобы рисковать повторением наших пиратских разбоев, и не только это, но и то, что некоторые из наших захваченных товарищей, спасая свою жизнь, могут оказаться достаточно вероломными, чтобы предать нас; поэтому мы готовимся покинуть этот остров в более безопасное место, когда вы, мадам, будете доставлены и отпущены на свободу, как я вам обещал."

Дорогой брат, если ты раньше сомневался, то разве заявления этого человека (которое я записал настолько правильно, насколько позволяет моя память) не достаточно, чтобы убедить тебя в том, что я обязан своей жизнью и безопасностью вмешательству Божественного Провидения! О да! Несомненно, это так, и я чувствую свою недостаточность, чтобы поблагодарить и воздать должную хвалу моему Небесному Покровителю за Его любящую доброту, сохранившую меня от злых замыслов нечестивых людей и в конце концов вернувшую мне свободу и моих друзей!

Я не могу восхвалять Его так, как хотел бы, но Он милостив и добр".

С этого момента пираты начали готовиться к отплытию с острова. То небольшое количество запасов и товаров, которое оставалось на руках (в основном груз "*Энн Элизы*"), было либо закопано на острове, либо ночью увезено на лодках в неизвестное мне место. Последним делом было разрушение их временных жилищ, что было сделано настолько эффективно, чтобы не осталось ни малейшего следа, который мог бы привести к открытию того, что остров когда-либо был населен подобными существами. Через одиннадцать дней после захвата "*Энн Элизы*" (пираты перед этим положили на борт несколько мешков с долларами, которые, как я понял по их виду, были спрятаны в земле) мне было приказано высадиться вместе с ними, но в каком месте, я тогда не знал.

Около полуночи меня высадили на скалистом берегу острова, который, как мне сообщили, был Кубой, снабдили несколькими твердыми бисквитами и бутылкой воды и велели рано утром отправиться в северо-восточном направлении к дому в миле отсюда, где, как мне сказали, со мной будут хорошо обращаться и дадут проводника, который проводит меня до Мантансиса. С этими указаниями они покинули меня, и больше я их не видел.

На рассвете я отправился на поиски дома, к которому меня направили пираты, и мне посчастливилось добраться до него в целости и сохранности примерно за полтора часа. Это был скромный домик, крытый тростником, без всякого пола, кроме земли, в нем жили только мужчина и его жена, у которых я встретил радушный прием и которые отнеслись ко мне с большим гостеприимством. Хотя эти люди были испанцами, они достаточно хорошо говорили и понимали по-английски, чтобы поговорить со мной и узнать, каким образом я так неожиданно оказался в его доме один и без охраны. Хотя это был тот самый дом, куда меня направили пираты, он заявил, что, если бы я не был как-то связан с ними в их пиратских грабежах или не пользовался какой-либо долей их незаконно нажитого добра, никто не мог бы испытывать к ним большего отвращения. Был ли он искренен в этих заявлениях или нет, хорошо известно Тому, Кого лживый язык не может обмануть, но справедливости ради надо сказать, что и этот человек, и его жена относились ко мне доброжелательно и с явным чувством жалости выслушивали рассказ о моих страданиях. По их убедительной просьбе я оставался у них до следующего утра, когда отправился пешком в Мантансиес в сопровождении испанца, любезно предложившего проводить меня до этого места, куда мы добрались около семи часов вечера того же дня.

В Мантансисе я встретил много американцев и европейцев, которые отнеслись ко мне доброжелательно и предложили свои услуги, чтобы вернуть меня моим друзьям, но поскольку оттуда не было судов, идущих прямо на Антигуа или Сент-Джонс, меня убедили отплыть на Ямайку, где, по мнению моих друзей, я мог бы быстрее получить пропуск в одно или другое место, и куда я благополучно прибыл после приятного четырехдневного путешествия.

Самое замечательное и неожиданное обстоятельство из моих необыкновенных приключений мне еще предстоит рассказать, дорогой брат. Вскоре после моего прибытия на Ямайку власти были ознакомлены с обстоятельствами моего недавнего захвата пиратами и необычайным обстоятельством, которое привело к моему освобождению, и попросили, чтобы меня провели в тюрьму, чтобы посмотреть, не смогу ли я среди нескольких пиратов, недавно осужденных, узнать кого-нибудь из тех, кем я был захвачен. В сопровождении двух или трех джентльменов и двух молодых леди (которые вежливо предложили сопровождать меня) я был доставлен в тюремную квартиру, войдя в которую, я не только мгновенно узнал среди заключенных в ней дикого монстра, о котором мне так часто доводилось говорить (главаря пиратов), но и большинство тех, кто составлял его банду и был захвачен вместе с ним!

Внезапное и неожиданное появление в их квартире человека, которого они, вероятно, мысленно причисляли к жертвам своего бесцеремонного варварства, несомненно, вызвало у них не только удивление, но и ужас, и, считая свое осуждение несомненным, они, без сомнения, осыпали проклятиями своих более удачливых товарищей за то, что те пощадили жизнь и выпустили на свободу того, кого всеблагое Провидение привело и поставило в положение свидетеля их беспрецедентного варварства.

Правительство, получив через меня необходимые доказательства вины этих безжалостных несчастных, после справедливого и беспристрастного суда приговорило их всех к

наказанию, положенному за их преступления, а семерых приказало немедленно казнить, причем одним из них был варвар, их начальник. После осуждения и приговора этот негодяй, надеясь ускользнуть от правосудия, предпринял (как мне сообщили) попытку покушения на собственную жизнь, нанеся себе глубокие раны ножом, который он припрятал для этой цели; но в этом он разочаровался, раны оказались не такими смертельными, как он, вероятно, предполагал.

Я никогда не видел ни этого закоренелого злодея, ни его столь же преступных товарищей после их осуждения, хотя меня настоятельно просили стать свидетелем их казни, и поэтому я обязан одному человеку, который ежедневно посещал их, за информацию об их поведении с того времени и до казни; Что касается первого, то, как мне сообщили, он вел себя крайне непристойно: направляясь к месту позора и смерти, он говорил с шокирующей беспечностью, намекая, что, будучи причастным к уничтожению стольких жизней, он стал слишком закаленным и привычным к смерти, чтобы чувствовать себя сильно запуганным при ее приближении! К месту казни его сопровождал католический священник, который, как говорили, старался убедить его в жестокости его преступлений, но он казался глухим ко всем наставлениям и увещаниям и, казалось, был невосприимчив к надежде на счастье или страху перед мучениями в будущем состоянии и, не проявляя ни единого симптома раскаяния, заявил, что знает только одну вещь, за которую может себя упрекнуть, - это то, что пощадил мою жизнь и не приказал резать меня, как других! Каким ужасным был конец жизни этого несчастного преступника! Он не испытывал ни гармонии, ни уважения, ни единого покаянного чувства к человеку, находящемуся в последней агонии бесславной смерти.

Пробыв на Ямайке девять дней, мне посчастливилось получить билет у капитана Элсмора прямо на Сент-Джонс. Мысли о том, что я снова вернусь домой и так скоро присоединюсь к моим встревоженным друзьям, когда у меня будет возможность рассказать моим престарелым родителям, любимой сестре и большому кругу знакомых печальную историю о несчастьях, которые постигли меня с тех пор, как я распрощался с ними, и вызвала бы самые приятные чувства, если бы их не прервало меланхоличное размышление о том, что я являюсь носителем вестей самого душераздирающего характера для семей тех несчастных мужей и родителей, которые в моем присутствии стали жертвами пиратского варварства. Я был бы благодарен, если бы эта тягостная обязанность выпала на долю кого-нибудь менее чувствительного, но неумолимое Провидение распорядилось иначе. Мы благополучно прибыли в порт назначения после несколько бурного 18-дневного плавания. Я нашел своих друзей в полном порядке, но эффект, произведенный на их умы рассказом о печальных происшествиях и неблагоприятной судьбе, которые сопутствовали мне с момента моего отъезда, я не буду пытаться описать - и тем более ты можешь ожидать, брат, что я попытаюсь описать чувства страдающей вдовы и ребенка без отца, которые впервые получили от меня меланхоличную весть о том, что они были таковыми!

Итак, брат, я представил тебе столь подробные сведения о печальных злоключениях, постигших меня во время намеченного путешествия на Антигуа в феврале и марте прошлого года, сколько позволят обстоятельства, - и здесь позволь мне еще раз повторить вопрос: разве этого не достаточно, чтобы убедить тебя и любого разумного человека, что я обязан своей жизнью и свободой вмешательству Божественного Провидения? - Я настолько убежден в этом, дорогой брат, и в своих великих обязательствах перед тем Высшим Существом, Которое не отвратило от меня ни моей молитвы, ни Своей милости, что я намерен от всего сердца служить Ему остаток моих дней на земле, помощью Его небесной благодати, и

приглашаю всех, кто исповедует страх перед Ним (если хоть одно сомнение останется у них на уме), прийти и услышать, что Он сделал для меня!

Я, дорогой брат, с любовью ваша,

Лукреция Паркер.

ССЫЛКИ:

[26] Из старой брошюры, опубликованной в 1825 году.

КОНЧИНА МОГУЛА МАККЕНЗИ

Последний из пиратов Северной Атлантики[27]

Артур Хант Чут

В дальнем конце залива Фанди, примерно в миле от побережья Новой Шотландии, находится остров Хаут. Это странный скалистый остров, возвышающийся на несколько сотен футов из моря, без каких-либо бухт или заливов. Высадиться здесь можно только в самую тихую погоду, а из-за огромных приливов и отливов, которые поднимаются и опускаются на шестьдесят футов каждые двенадцать часов, смелый исследователь не может долго держать свою лодку пришвартованной к обрывистым скалам.

Из-за этой недоступности об одиноком острове мало что известно. Говорят, что внутри его скальных валов есть зеленая долина, а в центре - бездонное озеро, где индейцы племени микмаков хоронили своих мертвецов, отсюда и его страшное название "Остров мертвых". Кроме этих фактов, о тайной долине и озере с привидениями больше ничего не известно. Существует множество диких и сказочных описаний, но это всего лишь плоды фантазии.

Иногда в штормовую ночь несчастные мореплаватели Северного канала не замечают в тумане береговых огней, а со стороны острова Хаут с их растерянным судном заигрывает легкое подводное течение. Затем их мало-помалу собирает в мощное течение, против которого тщетны все усилия, и в белой пене среди железных скал их корабль разбивается в щепки. Однако добыча, которую она собирает так мягко вначале и так яростно в конце, вскоре отрывается от сирен. Прилив уносит все следы обломков далеко в глубины Атлантики, и от злополучного судна или его команды не остается ни следа. Но одна из лодок рыболовецкой флотилии никогда не возвращается домой, и из одиноких хижин на побережье с упреком смотрят на "Остров мертвых".

Долгими зимними вечерами, когда "мальчишки" собираются у костра в магазине "Старый Стил" в гавани Холла, их суровая серая жизнь на какое-то время становится яркой. Когда бочонок с крепким сидром льется свободно, мрачные рыбаки забывают о своей неразговорчивости, лед на их речи тает, и шлюзы их душ открываются. Но всегда на заднем плане их разговоров, не забываемый, как призрачная тень, стоит "Остров мертвых". В их самых странных и леденящих кровь рассказах он всегда занимает центральное место; и когда, наконец, неуверенными шагами они покидают пустой бочонок и умирающий костер, чтобы повернуть к дому по сугробам, страшные и скрытые взгляды устремляются туда, где остров вырисовывается, как призрачный дозорный с моря. На его высоком мысе сверкает и полыхает северное сияние, и из его подвижной яркости испуганные рыбаки видят боевые

каное мертвых индейцев, нагруженные их краснокожими храбрецами; формы *cœur de bois* и отчаянных французов, мечущихся по небу в жутком змеином танце; формы и лонжероны кораблей, давно забытых в "Списке пропавших без вести"; и всегда, самое страшное из всего этого, сигналы бедствия с тонущего корабля Могула Маккензи и его пиратской команды.

Капитан Могул Маккензи был последним из пиратов, промышлявших на североатлантическом побережье. Он принадлежал к той школе вольных разбойников, которую выпустила на свободу Гражданская война в Америке. Получив от Конфедеративных Штатов "письмо с приказом", он отправился в плавание по морям, чтобы нападать на суда янки. Он и его товарищи-частники так тщательно выполняли свою работу по уничтожению судов, что торговый флот Соединенных Штатов был разрушен на целое поколение вперед. Когда война закончилась, побежденный Юг отозвал своих немногих оставшихся на море ищеек. Но Маккензи, который все еще оставался на свободе, слишком глубоко испил вино дикой, свободной жизни. Он не вернулся, чтобы сложить оружие, а начал заниматься бесстыдным пиратством. Он прожил всего несколько месяцев под черным флагом, пока не пошел ко дну на острове Хаут. События этого короткого и волнующего периода, к сожалению, туманны, и лишь кое-где пробивается луч света. Но история его гибели - самая странная из всех странных историй, которые рассказывают об "Острове мертвых".

В мае 1865 года у берегов штата Мэн была сделана жуткая находка, от которой по всем портовым городам Новой Англии пробежал холодок страха. Однажды вечером, уже давно стемнело, к мысу Код подошел китобой, направлявшийся в Нью-Бедфорд. Тумана не было, и огни приближающихся судов можно было легко различить. Стоявший на вахте человек не чувствовал беспокойства на своем посту, когда без всякого предупреждения колоколами или огнями внезапно вырисовался острый нос бригантины, едва ли на длину корабля впереди.

"Что, черт возьми, вы пытаетесь сделать?" - закричал с мостика помощник капитана, разгневанный этим неслыханным нарушением права на проход. Но ни один голос не ответил на его вызов, и бригантина пронеслась мимо, подняв все паруса на слабый ветер. Она прошла прямо по носу китобоя, который лишь задел ее кормой.

"На борту что-то гнилое", - сказал помощник.

"Да, - ответил капитан, поднявшийся на мостик, - там точно что-то гнилое. Поверните руль на левый борт и гонитесь за дьяволами", - приказал он.

"Ай, ай, сэр!" - послышалось в ответ, и рулевой без промедления изменил курс, чтобы следовать за эксцентричным судном. Очевидно, оно направлялось с какой-то секретной миссией, потому что иначе оно не бы продираться сквозь тьму без малейшего проблеска света.

Китобой был более быстрым из двух судов, и вскоре он мог бы обогнать другой, но, опасаясь предательства, капитан воздержался от того, чтобы сбить его до рассвета. Всю ночь она, казалось, меняла курс, пытаясь уйти от преследователя. Утром, у берегов штата Мэн, она повернула носом прямо в море. Тогда с китобойца спустили шлюпку и поплыли на перехват встречного судна. Оказавшись прямо по курсу, они налегли на весла и стали ждать. Бригантина больше не отклонялась от курса, но упорно шла вперед, и вскоре китобой оказались рядом с ней и прикрепилась к шлюпке, которую она взяла на буксир. Прошло несколько минут тревожного ожидания, и, поскольку ничего не происходило, один из самых

смелых перемахнул через буксирный трос на палубу. За ним последовали остальные, и они осторожно двинулись вперед с ножами и пистолетами наготове.

Ни души не было видно, и люди, которые были достаточно храбры перед нападающим китом, дрожали от страха. Штурвал и смотровая были пустынные, и нигде внизу не было видно никаких признаков жизни. На камбузе горели угли мертвого костра, а стол в капитанской каюте был накрыт для ужина, который так и не был съеден. На палубе все было в полном порядке, и не было ни малейших признаков шторма или какого-либо другого волнения. Версия о бесхозности судна была невозможна. Судя по всему, на борту все было в порядке, и они плыли в хорошую погоду, когда без всякого предупреждения команду судна внезапно похитила какая-то страшная сила.

Матросы единодушно согласились, что это дело рук морского змея. Но матросу было не до обычных морских суеверий, и он по-прежнему обшаривал трюм, ожидая в любую минуту встретить мертвое тело или еще какое-нибудь зловещее доказательство нечестной игры. Однако больше ничего не было найдено, и в конце концов помощнику пришлось закончить поиски неудовлетворительным выводом, что бригантина *"Сент-Клэр"*, зарегистрированная в Хартпуле, с грузом извести была брошена в открытом море без видимых причин. Ее шкипер забрал с собой судовые документы и не оставил после себя ни единой зацепки.

Команде было приказано встать у *"Сент-Клера"*, чтобы привести его в порт, а остальные забрались в баркас и поплыли обратно к китобю.

"Прежде чем мы отправимся в путь, посмотрите, есть ли на этой шлюпке имя, - сказал помощник.

Один из мужчин воскликнул от ужаса, прочитав на носу шлюпки название *"Канава"*.

Лица всех присутствующих побелели от ужасной тревоги, когда перед ними внезапно открылись все факты этой тайны. *Канава* - это судно, на котором капитан Могул Маккензи прославился как капер. Все слышали ее внушающее благоговение имя, и каждый янки-мореплаватель молился, чтобы никогда не встретить ее в море. После того как *"Алабама"* была потоплена, а *"Талахасси"* выведен, *"Канава"* все еще продолжала угрожать судоходству Севера. Долгое время ее местонахождение было неизвестно, а затем ее обнаружила федеральная канонерская лодка, которая бросилась в погоню и открыла по ней огонь. Не открывая ответного огня, судно скрылось среди опасных островов у мыса Сейбл и пропало в тумане. Ходили слухи, что она налетела на скалы у этого опасного побережья и затонула со всеми, кто был на борту. Шло время, а следов корсара все не было, и слухи стали считаться доказанными. Мужчины начали прясть пряжу в форпике о Могуле Маккензи с интересом, который был оттенен прежним страхом. Шкиперы уже начали снова чувствовать себя спокойно в мрачных водах, как вдруг, словно болт из небытия, пришла ужасная новость об обнаружении *"Сент-Клера"*.

Канонерские лодки отправились прочесывать побережье, и снова со страхом и трепетом наблюдатели стали с подозрением следить за каждым новым парусом, появляющимся на горизонте.

Однажды днем, ближе к концу мая, в портландскую гавань ворвалась шхуна со всеми парусинами и сигналами бедствия. Ее шкипер рассказал, что у острова Кампабелло он видел длинный серый парусник с вспомогательной силовой установкой, который неся на него. Поскольку ветер дул с берега, он взял курс на Портленд. Его преследовали всю дорогу, и преследователь отстал от него только после того, как он оказался в гавани.

Многие, однако, сомневались в его рассказе, говоря, что никто не осмелился бы преследовать мирное судно так близко к большому порту среди бела дня. И, опять же, утверждалось, что вспомогательное судно могло легко перегнать шхуну между Кампабелло и Портлендом. Тот факт, что капитан шхуны был так же часто пьян, как и трезв, и что в состоянии алкогольного опьянения он был склонен к видениям, был приведен в качестве неопровержимого доказательства того, что его рассказ был ложью. После того как китобой из Нью-Бедфорда пришел в порт с брошенным *"Сент-Клэром"*, стало ясно, что *"Канава"* по-прежнему представляет реальную угрозу. Но никто не хотел признать, что *"Могул Маккензи"* был настолько дерзок, как следовало из сообщения шхуны, и поэтому приводились бесчисленные доводы, чтобы развеять опасения.

Но через несколько дней факт, что пираты все еще преследуют их побережье, был абсолютно подтвержден. Прибрежный пакетбот из Бостона прибыл в Ярмут с известием, что она не только видела *"Канаву"* вдалеке, но они пересеклись так близко, что название можно было различить без сомнения с помощью подзорной трубы. Она шла вверх по заливу Фанди, не останавливаясь и не обращая внимания на другой корабль.

Эта новость привела в смятение, и каждый город и деревня вдоль Фанди были наполнены историями и теориями о пиратском корабле. Интерес не угас, а только усилился, когда прошло несколько дней без новых сообщений. В публичных домах и на набережных это была почти единственная тема для разговоров. Волнение стало почти лихорадочным, когда стало известно, что несколько капитанов, отправляющихся в путь, взяли с собой запас винтовок и боеприпасов. Перспектива драки казалась неминуемой.

Примерно через неделю после приключений на бостонском пакетботе в гавани Ярмута появился корабль Ее Величества *"Баззард"*. Весть о *"Канаве"* дошла до адмирала в Галифаксе, и он отправил военный корабль крейсировать у беспокойного побережья.

"Вот и конец старому моголу Маккензи, раз уж у него на хвосте английский корабль", - рассуждал один канадец, сидя за выпивкой в "Ярмутском свете" в компании моряков разных национальностей. "Нужен британский джек-тар, чтобы положить конец пиратской игре. Один из них стоит целого корабля янки в этом деле".

"Ну, не надо так громко кричать", - ответил бостонский шкипер. "Я думаю, что тот бузотер из Новой Шотландии, который на днях прибежал в Портленд, испугавшись своей тени, не сделает вам чести".

"Да, а как же ваши канонерские лодки, которые уже три года занимаются починкой *Канавы* и до сих пор не сделали этого?" После Гражданской войны отношения между Канадой и Соединенными Штатами были не слишком хорошими, и канадец не мог упустить такую возможность для игры. "Вы, ребята из "Бостонского чаепития", отличная толпа морских псов. Три года гоняетесь за одной маленькой полуутонувшей крысой и до сих пор не поймали ее. Разве сэр Фрэнсис Дрейк или лорд Нельсон не гордились бы тем, что вы, длинноногие янки, добились успеха на море?"

"Заткни пасть! Ты, голубоносый, сельдяной шутник с Юго-Востока!" - прорычал шкипер янки. "Полагаю, мы уже достаточно наваляли вам, предателям, пытавшимся ударить нас в спину; и если еще кто-нибудь из ваших грязных псов забредет на юг от линии Мейсона и Диксона, готов поспорить, они скоро узнают, каков наш послушной список".

"Ну, вы, дураки, можете тратить свой язык и ветер, - сказал третий, поднимая бокал, - а я за удачу *"Жужжалки"*".

"И мы все тоже", - подхватили остальные, и янки с канадцем вместе выпили за успех британского корабля, забыв о своей мелкой ревности перед общим врагом.

Повсюду весть о прибытии британского военного корабля была встречена с восторгом. Все сходились во мнении, что его присутствие гарантирует скорое уничтожение пиратской команды. Но после нескольких дней бесполезного крейсирования у побережья командир корабля, спасаясь от надвигающегося шторма, вынужден был зайти в бухту Сент-Мэри, а цель его поисков все еще ускользала от его бдительности. Он прибыл туда только для того, чтобы услышать последнюю главу ужасной *истории "Канавы"*.

Накануне вечером Доминик Лефонтен, фермер, живущий в одиночестве в Метейгане, маленькой деревушке на французском берегу, был разбужен от сна стонами и стенаниями, издаваемыми человеческим голосом. Уже несколько дней жители французского побережья предчувствовали неминуемую опасность нападения пиратов. И вот теперь, разбуженный среди ночи, одинокий француз был почти парализован ужасом. С дрожью в теле и расширенными глазами он нащупал свою винтовку и стал ждать в темноте, пока с берега то и дело доносились эти неземные крики. Прошел почти час, прежде чем он смог собраться с силами и выяснить причину тревоги. Наконец, когда жалобные стенания стали слабыми и прерывистыми, инстинкт гуманности взял верх над его страхом, и он отправился на помощь нуждающемуся.

На берегу, распростершись на спине и омываемый водой, он обнаружил человека в последней стадии истощения. Из его рта текла кровь, и когда Доминик перевернул его, чтобы остановить поток, то обнаружил, что у него отрезан язык, и отсюда раздался неземной вой, пробудивший его ото сна. Пляж к этому времени опустел, и было слишком темно, чтобы видеть далеко в бухте.

Доминик отнес несчастного в свой дом и выхаживал его там в течение многих недель. Он пережил страшный опыт и прожил еще двадцать лет, жалкий и беспомощный, поддерживаемый добросердечными фермерами и рыбаками французского берега. Очевидно, он слишком много знал для своих врагов, и они навсегда запечатали ему рот. Он стал известен как "Таинственный человек из Метейгана", а на его плачевное состояние всегда указывали как на немого свидетеля последнего злодеяствия Могола Маккензи.

В ночь, последовавшую за эпизодом с "Таинственным человеком из Метейгана", в Северной Атлантике и на дальних и ближних побережьях разразился дикий и небывалый шторм. В заливе Фанди в ту ночь стихии встретились в своих величайших проявлениях. Приливные волны и горные волны противостояли друг другу с титанической силой. По всему мрачному и изрезанному скалами побережью кипящие воды взбивались в пену. Над волнорезами грохотали гигантские гребни, взлетая далеко в беспокойное небо, а под черными ночными тучами сталкивались водовороты и бури. Была ли когда-нибудь такая ночь? Те, кто был на берегу, благодарили Бога, а те, у кого отцы были в море, вглядывались в темноту, где не светила ни одна звезда надежды.

То и дело сквозь стигийский мрак по небу прокатывался поток листовых молний, принося с собой мгновение ужасного света. Именно в один из таких кратковременных моментов озарения бдительные наблюдатели в гавани Холла разглядели длинный серый корабль, который, словно призрак, несясь по ветру к острову Хаут. До вспышки молнии обреченные моряки, казалось, не сознавали своей стремительно приближающейся судьбы; а затем, словно внезапно пробудившись, они послали длинный тонкий след света, чтобы унести далеко в темноту. Снова и снова ракеты выстреливали вверх с носа корабля, а над шумом бури доносился грохот орудий.

Люди на берегу смотрели друг на друга с побледневшими лицами, безмолвные, беспомощные. Вся жизнь на этом берегу научила их полному ничтожеству сынов человеческих. Другие попытались бы что-то сделать с помощью своей, как им казалось, сильной руки. Но рыбаки слишком хорошо знали, что рука Фанди сильнее. В молчании, затаив дыхание, они ждали, пока пройдут ужасные мгновения. Невозмутимые, с ногами в белой пене и лицами в соленых брызгах, они стояли и смотрели на завесу ночи, за которой разворачивалась трагедия, столь же мрачная и страшная, как и любая другая в летописи моря.

Еще одна вспышка молнии - и вот на железные скалы надвигается огромный корабль со всеми парусами и облаком сизого дыма из воронки. Он был серого цвета, со вспомогательной силовой установкой, и когда его очертания осветились для тех, кто увидел его в момент озарения, они в один голос закричали: "Это *"Канава"*! Это *Канава*!" Словно в ответ на их внезапный крик загрохотала еще одна пушка, и в небо взметнулась очередная порция ракет, а затем все снова погрузилось в темноту и голоса бури.

На следующее утро ветры стихли вместе с приливом, а когда после полудня поднялась спокойная вода, из гавани Холла отчалила шлюпка и поплыла к острову Хаут. В течение нескольких часов на скалистых берегах искали следы кораблекрушения, но не нашли ни одного обломка или осколка. Вокруг смеялись светлые воды, на их груди не было ни одного солнечного луча, и на море не осталось ни тени от вчерашней печали.

Так Могол Маккензи, проживший жизнь в напряжении, скончался на крыльях бури. В конце концов он, как всегда, сбился с пути, его искали, но не могли найти. Его морские походы были тайной, а последний порт смерти - загадкой. Но, как уже было сказано, когда над островом с привидениями спускается северное сияние, сигналы бедствия его пиратской команды все еще видны в ночи.

ССЫЛКИ:

[27] Из журнала "Блэквуд".

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ

Пираты Риффского побережья[28]

У. Б. Лорд

О нет, о нет, - сказал наш король,
О нет, этого не должно быть,
Уступить такому разбойнику
Я сам не соглашусь;
Он обманул француза,
И короля Испании тоже,
И как он может быть верен мне,
как он может быть верен мне, который был верен двоим?

СТАРАЯ МОРСКАЯ ПЕСНЯ 1620 ГОДА.

Вероятно, к этому времени большая часть пиратских судов на побережье Риффа была уничтожена, а давно обещанная мавританская канонерская лодка размещена там для защиты иностранного судоходства.^[29] Эти шаги, несомненно, были ускорены тем фактом, что пираты, к несчастью для себя, напали на судно, принадлежащее султану Марокко, некоторое время назад. В течение последних лет правительства нескольких европейских держав пытались оказать дружеское давление на султана Марокко, чтобы он положил конец разбойничьим нападениям пиратов с Рифского побережья. Однако никаких решительных мер не предпринималось до тех пор, пока не произошел описанный выше эпизод. Говорят, что в ранние времена мавры долго не могли привыкнуть к опасностям морских глубин. Поначалу они очень удивлялись "тем, кто спускается в море на кораблях и ведет свои дела в больших водах", но не спешили следовать их примеру. Один из выдающихся правителей древности в тех краях на вопрос, что такое море, ответил: "Море - это огромное чудовище, на котором глупые люди катаются, как черви на бревнах". Но впоследствии выяснилось, что мавры тоже сильно увлекались "червями" и "бревнами". Они перестали удивляться тем, кто ходит в море, и сами отправились в него в поисках добычи. Риск, неопределенность, опасность, ощущение превосходства мастерства и изобретательности, которые привлекают дух авантюризма и страсть к спорту, как утверждают некоторые авторы, привели к появлению такого состояния вещей. Один факт представляется вполне достоверным: когда эти грабежи были совершены впервые, они приняли форму расправы над испанцами. Не успела Гранада пасть, как тысячи отчаянных мавров покинули страну, не желая жить под испанским игом. Поселившись вдоль северного побережья Африки, они сразу же принялись нападать на все испанские суда, которые только могли найти. Их быстрота и знание берегов давали им возможность расправы, которой они так жаждали. Вероятно, со временем это стало однообразным, так как в своих диких морских путешествиях они стали приставать к судам других народов, положив начало целой расе пиратов, которая продолжается до недавнего времени. Как и в наши дни, мавры с самого начала своих мародерских походов плавали на лодках. Каждый мужчина тянул весло и умел не только грести, но и сражаться. Небольшая эскадра таких лодок, не забирая много воды, могла подплыть почти к любой бухте или спрятаться за скалой, пока враг не появится в поле зрения. Затем вынимали весла и быстро грели в течение нескольких минут. Затем они оказывались рядом с ничем не подозревающей добычей и давали первый залп. В конце концов приз обычно забирали, команду сажали в кандалы, и пираты возвращались домой со своей добычей, которую, несомненно, с восторгом принимали по прибытии.

Еще в XVI веке испанские форты в Альхусемасе - не говоря уже о других местах - были основаны с целью подавления пиратства в его окрестностях. Несколько пиратских нападений, совершенных за последние несколько лет, вызывают значительный интерес, поскольку они завершились решительными обращениями к султану Марокко со стороны правительств различных стран, под флагом которых плавали соответствующие суда. Некоторые из них дошли до того, что направили военные корабли для плавания вдоль рифского побережья. Этот шаг, очевидно, оказал определенное моральное воздействие на пиратов, поскольку с этого времени нападения на иностранные суда практически прекратились. Однако требовалось нечто большее, чем это, поскольку никто не мог сказать, как скоро мародерские экспедиции могут возобновиться в еще больших масштабах, чем прежде, чтобы наверстать упущенные возможности. 14 августа 1897 года итальянская трехмачтовая шхуна "*Фидуция*" находилась у берегов Марокко в Средиземном море, направляясь из Пенсаколы в Марсель. Здесь она попала в шторм, и в таком состоянии к ней с берега подошли две лодки. Сначала экипаж "*Фидуции*" принял их за местные рыбацкие

лодки. Однако когда они приблизились к беспомощному судну на расстояние около ста ярдов, это вызвало подозрения у экипажа. Капитан предупредил мавров, чтобы они не приближались; в ответ раздался залп пуль, а затем, по мере приближения лодок, начался регулярный обстрел. На борту шхуны было всего три револьвера, и с ними команда приготовилась защищаться. Вскоре, однако, запас боеприпасов иссяк, и пираты взяли шхуну на abordage без дальнейшего сопротивления. Судно сразу же разграбили, забрав даже одежду команды. С корабля спустили шлюпку, в которую мародеры погрузили добычу и доставили ее на берег, прихватив с собой капитана и одного из членов команды. Примерно через час другая лодка, в которой находилось около двадцати пиратов, отчалила и открыла огонь по кораблю. Экипаж, видя, что не может оказать эффективного сопротивления, спрятался в трюме. Другие пираты оставили новоприбывшим совсем немного, и это, похоже, так их раздражало, что они дали волю своей злобе несколькими способами, не самым бесцеремонным из которых было загрязнение корабельной пресной воды. Они также разбили компас и порвали карты. В течение следующих двух дней команда питалась несколькими бисквитами, которые оставили пираты. На следующий день в поле зрения попал британский пароход "*Оанфа*" из Лондона. Экипаж шхуны поднял рубашку в качестве сигнала, который, к счастью, был замечен, и в ответ на него была отправлена шлюпка. Помощь была оказана незамедлительно, и "*Фидуция*" смогла возобновить свое плавание. Так продолжалось до тех пор, пока итальянский крейсер "*Эрколе*" не сообщил об этом, и шхуна была доставлена к месту назначения.

В октябре 1896 года французский барк *Prosper Corue* стоял на мели у Альхуцемаса, места, укрепленного испанцами для сдерживания пиратов, когда несколько лодок, полных вооруженных мавров, захватили судно и сделали команду пленниками. Затем они полностью разграбили корабль, забрав почти все, что могло пригодиться или представлять ценность. Пока злоумышленники были заняты этим делом, рядом оказался испанский торговый пароход "*Севилья*", который успел захватить одну лодку и спасти нескольких пленников. Затем "*Севилья*" направилась к барку, но пираты открыли огонь по пароходу, убив и ранив нескольких членов экипажа. Испанец был вынужден уйти, оставив капитана барка в руках мавров. Впоследствии барк был подобран в брошенном состоянии британским пароходом "*Освин*" и отбуксирован в Альмерию. После этого с пиратами была достигнута договоренность об освобождении капитанов "*Фидуции*" и португальского барка "*Росита Фаро*", захваченного гораздо раньше, а также некоторых членов обеих экипажей в обмен на рифейцев, захваченных испанским пароходом "*Севилья*", и выкуп в размере 3 000 долларов. Только после длительных переговоров и крупной суммы денег французскому военному кораблю удалось добиться свободы капитана судна "*Проспер*" Коруэ и еще нескольких французов. По тем или иным причинам пираты, похоже, не желали расставаться с этими пленниками. За некоторое время до нападения на французский барк Британский торговый совет выпустил уведомление, в котором обращал внимание судовладельцев и капитанов судов на опасности, подстерегающие их при плавании у берегов Марокко. Далее в документе подробно описывался случай с британской шхуной "*Майер*" из Гибралтара, которая была взята на abordage примерно в 10 милях от побережья Риффа двадцатью маврами, вооруженными винтовками и кинжалами. Как обычно, пираты разграбили судно, уничтожили мичман и корабельные документы, жестоко расправились с людьми на борту, а затем скрылись на своей лодке. Не успела эта заметка получить широкое распространение, как произошел еще один подобный случай с итальянской шхуной *Scatuola*. И снова испанский куттер *Jacob*. Несколько лет назад он шел вдоль мавританского побережья одним прекрасным летним вечером, когда рядом с ним внезапно появилась лодка, полная пиратов, и быстро нарушила спокойствие, царившее до этого на борту "*Якоба*". Пятерым членам команды удалось спастись в шлюпке, и через несколько дней их подобрало проходящее

мимо судно. Тем, кто остался на борту катера, пришлось очень несладко. После того как судно было разграблено, такелаж и паруса уничтожены, все люди были надежно связаны и брошены на произвол судьбы. К счастью, погода оставалась хорошей, и *"Якоб"* дрейфовал в сторону испанского побережья, где его заметили и быстро оказали помощь.

Капитан другого испанского судна пережил довольно захватывающее приключение среди этих пиратов в мае 1892 года. Он вышел из Гибралтара на барке *"Сан-Антонио"* в Альхуцемас, и когда находился примерно в шести милях от Пеньон-де-ла-Гомера, заметил, что к судну приближается лодка, в которой находились тринадцать мавров. Приблизившись, они открыли огонь и приказали капитану спустить паруса, что и было сделано, так как испанцы, практически говоря, были без оружия. Затем мавры высадились на борт *"Сан-Антонио"* и взяли его на буксир. Когда корабль приблизился к суше, капитана высадили на берег, и пираты провели часть ночи, разгружая груз. На следующее утро *"Сан-Антонио"* был замечен дрейфующим в море, и капитан, который боялся, что его предадут смерти, предложил подняться на борт и вернуть судно на якорную стоянку. Вероятно, думая, что на барке находятся их товарищи, но не имея возможности накинуть парусину, необходимую для возвращения, капитан отправил только двух мавров, которые остались в лодке, когда судно было достигнуто. Взойдя на палубу барка, капитан с удивлением обнаружил, что остался один. Не колеблясь ни секунды, он отпустил команду, которая была заперта внизу, поднял парус и вышел в море. Мавры, оставшиеся в лодке, к своему изумлению, были быстро выброшены на берег, ведь так получилось, что никто из пиратов не остался на борту. Несомненно, им не терпелось найти надежное укрытие для своей добычи, и, решив, что до утра барк будет в полной безопасности, они не придали этому значения. Через несколько дней *"Сан-Антонио"* прибыл в Гибралтар, где властям были предоставлены полные сведения о случившемся. Здесь не хватит места, чтобы рассказать о нападениях на испанский барк *"Голета"*, португальский барк *"Росита Фаро"*, британскую фелуку *"Ховен Энрике"* и другие суда. Однако следует упомянуть, что нескольким знаменитым британским и иностранным парусным яхтам в разных случаях удавалось удивительно легко избежать захвата этими морскими разбойниками.

Искренне хочется надеяться, что султан Марокко выполняет свою задачу таким образом, чтобы побудить жителей побережья Риффа в будущем следовать какому-нибудь занятию, которое, скорее всего, оценят те, кому приходится плавать судах в Средиземном море. До принятия султаном суровых мер нередко его посланников к туземным племенам с целью добиться освобождения пленников принимали с насмешкой. Нередко с ними обращались настолько жестоко, что они были рады спастись. Некоторые из соседних племен постоянно пытались купить пленников, чтобы получить удовольствие от их убийства, но можно с удовлетворением узнать, что ни одна сделка не была зарегистрирована, поскольку ожидаемый выкуп всегда значительно превышал суммы, предлагаемые кровожадными туземцами.

ССЫЛКИ:

[28] Из журнала *"Nautical Magazine"*.

[29] Около двадцати лет назад.